

СКАЗЫ ОБ ИНТРАСФЕРЕ

Феано

Сказки для тех, кто ищет себя

О чем эта книга?

Представьте, что шахматный ферзь однажды понимает: он не центр вселенной, а всего лишь фигура на чужой доске. Представьте, что древние мудрецы, атомы, математические формулы и мифологические чудовища собираются вместе, чтобы ответить на один вопрос: что такое реальность на самом деле?

Эта книга — не просто сборник сказок. Это философское путешествие в мир Интрасферы, где внешнее и внутреннее, наука и вера, гордость и смирение перестают быть врагами и учатся смотреть на мир из собственного центра.

Внутри вы найдете:

- Семь ответов мудрецов, которые старше времени и точнее формул.
- Сказки о Ферзе — ироничную и глубокую сагу о фигуре, которая искала свободу на шахматной доске и нашла её внутри себя, в объемной Монаде, где «или» заменяется на «и». Эта сказка для подготовленного ума!
- Интрасферные притчи о том, как тезисы восприятия ссорились и мирились, как Наука

гналась за Природой, а Природа всё это время сидела на скамейке и ела яблоко.

- Разговоры с Парменидом о том, что Бытие есть, а Небытия нет — даже когда нам кажется иначе.
- Семь дверей свободы, ведущих через лабиринты внешних обязанностей и внутренних стереотипов к единственной комнате, где всегда можно дышать полной грудью.

Для кого эта книга?

Для тех, кто чувствует, что мир не сводится к чёрно-белым клеткам. Для тех, кто устал быть пешкой в чужой игре и готов узнать себя в ферзе, коне, слоне и даже в зеркале, которое смотрит в себя. Для взрослых, которые не разучились удивляться, и для вдумчивых детей, которые всё понимают быстрее нас.

Это сборник философских сказок, где каждая история — не ответ, а зеркало. Вглядитесь — и, возможно, вы увидите в нём свой путь. Путь, где «или» наконец становится «и», а свобода оказывается не отсутствием границ, а умением выбирать их самостоятельно.

«Интрасфера» — это взгляд изнутри на мир, который есть ты. И на тебя, который есть мир.

Оглавление

Сказ о Двух Сердцах Мира	6
Ответы Семи Мудрецов	11
Зеркало, смотрящее в себя	12
Сказ о том, как Тезисы Интрасферного восприятия поссорились и помирились Интрасферная притча с элементами фарса.....	19
Сказка о Начале Зеркало, рожденное "избытком"	26
Сказка о том, как Тезисы искали зеркала в веках.....	36
Интрасферная притча о гордыне познания.....	36
ЭХО Филолая	47
Сказка о Невидимой Земле и Ученых.....	55
Сказка о Невидимой Земле, Бескорыстном Корне и Ученых, Которые Считали Видимые Звезды	64
Сказка о Невидимой Земле, Корне Гармонии и Тайне Трех.....	72
Сказка о том, как мудрецы искали Дом для Мысли.....	82
Сказка о Невидимых Корнях, Золотых Стихах и Выборе в Век Скоростей.....	94
Сказка о том, как vich искал Свободу и чуть не потерял себя	106
Сказка о Серебряной Башне и Неугасимом Свете.....	124
Монадное (интрасферное) устройство мира.....	124
Сказка о Ферзе, который забыл, что он Игрок.....	139
Сказка о Ферзе, который обнаружил, что доска дышит.....	146
Сказка о пещере, из которой никто не хотел выходить, а те, кто вышел, пожалели, что вернулись.....	155
Сказка о семи дверях и одной комнате, которая всегда свободна.....	188
Сказ о том, что есть, и о том, чего нет.....	217

Сказка о том, как Наука гналась за Природой, а Природа всё это время сидела на скамейке и ела яблоко.....	238
Сказка о том, как Наука гналась за Природой, а Природа всё это время сидела на скамейке и ела яблоко, <u>часть 2</u>	
Сказка о том, как Природа разглядывала себя в зеркале и пыталась объяснить себе, кто она есть.....	273
Сказка о том, как Наука и Вера по-разному танцевали с резонансом, а Природа смотрела и улыбалась.....	287
Сказка о том, как мост пел, а эхо отвечало, и что из этого поняли Наука и Вера	297
Сказка о Неделимом, которое разбило зеркало	307
Пир мудрецов в XXI веке.....	314

Сказы об Интрасфере. Феано. Библиотека Семи Морей, кол-во стр. 332, апрель 2026 г.

Библиотека Семи Морей
Серия «Сказы Семи Морей»
sseas7.narod.ru

Философская сказка

Сказ о Двух Сердцах Мира

В самом начале, ещё до того, как родилось Время, было Оно. Великое Единство, которое не имело имени. Но захотело Единство узнать себя, и для этого разделилось на Двоих, чтобы, глядя друг на друга, понять, кто же Они на самом деле. Оно само себя назвало Монадой.

Так появились брат и сестра — Разум и Душа. Они являлись двумя неделимыми половинками одного целого, двумя сторонами одной чудесной монеты, имя которой — Сознание. А некто назвал Пульсом Сердцебиения Космоса.

Разум оказался похожим на бесконечный, ясный Свет. Он любил смотреть вдаль и прокладывать пути.

— Смотри, — говорил он самому себе, глядя в Душу и чертя огненные линии в пустоте. — Вот причина, а вот следствие. Здесь будет порядок. Я назову это Космосом! Постоянством Его Сердцебиения. Законом Творения.

Он строил миры, как кристаллические решетки, пронизанные длительностью его восприятия

себя... - временем. Он ткал пространство, и там, где проходил его взгляд, рождались точки неизвестного, звезды и галактики. Разум постоянно расширялся, познавая новое, и за каждым его шагом оставалась структура — Мысль, застывшая в Материи благодаря длительности - Времени. Изнанкой каждого его творения становилась плоть мира.

Душа же была его отражением - тихой и глубокой, как ночное небо, полное нераскрывшихся бутонов звезд, предзнанием.

Разум создавал Временный мир, а Душа - возвращала его в Постоянный...

— Ты спешишь, брат, — шептала она. — Ты разбегаешься во все стороны, но чтобы узнать себя, нужно иногда останавливаться и посмотреть вглубь.

И там, где Разум создавал миры, Душа входила в них, углубляя восприятием себя. Она собирала рассеянный свет его творений воедино. Она учила плоть миров - камни - помнить тепло родительского солнца, а воды — хранить отражение луны и звёзд. Там, где Разум расширял пространство, Душа сворачивала время в точку — в сердце цветка, в зрачок смотрящего на мир

зверя, в мгновение тишины между двумя ударами пульса...

Люди, что позже появились в мирах, назвали бы это «сублимацией» — превращением грубого в тонкое, превращением опыта в мудрость.

Долгое время Разум не понимал своё качественное отражение - сестру. Ему казалось, что она всё разрушает, сжимая его бескрайние чертежи в какие-то крошечные, горячие точки.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он однажды.

— Я создаю Вселенные, а ты превращаешь их... в ничто!

— Я превращаю их во «всё», — улыбнулась Душа.

— Я сворачиваю их обратно в наше Первоначало, чтобы однажды ты смог развернуть их снова, но уже более совершенными. Я создаю само наше и твоё Желание творить себя и нас - единством взаимодополнения!

Лишь тогда Разум понял: его расширение и её сжатие — это не борьба, а единый танец. Это вдох и выдох самого Единства. Он подобен лучнику, что натягивает тетиву (расширение), а она — самой тетиве, что стремится вернуться, чтобы послать стрелу в полет (сжатие).

Там, где они встречались, рождалось Чудо жизни.

Хаос, который как бы остался за порогом их дома, не был врагом. Но просто «еще не проявленным», той тишиной, на фоне которой только и можно услышать музыку.

Так они и живут до сих пор.

Разум ткёт узоры миров на станке времени, а Душа собирает их, вышивая светом на темном бархате вечности.

И каждый мир, каждая травинка и каждая мысль — это след их вечного разговора.

Разум ищет себя в бесконечности, а Душа находит себя в каждой точке этого поиска, восприятиями.

- Интрасферное восприятие — это концепция, в которой слово "восприятие" включает в себя все формы восприятия: чувственное, мысленное, интуитивное, пророческое (над-сквозь-временное), философское, научное, внутри-вне-клеточное, божественное, духовное, творческое, атомное... иными словами, интрасферное.

А Великое Единство смотрит на них и познает себя через двоих, понимая, что оно есть и Бесконечность, и Точка одновременно, всюду. И познаёт Оно себя всевозможными временными формами восприятия.

Ответы Семи Мудрецов – музыка
<https://suno.com/s/x20J2prDlxz1Dszo>

Зеркало, смотрящее в себя

В самой глубокой тишине, ещё до того, как родился первый звук, было Оно. Великое Единство, которое не имело имени, но желало себя увидеть.

И тогда Оносотворило зеркало.

Но зеркало это было особенным — оно находилось не снаружи, а.... внутри. Это была Интрасфера — пространство, где всё отражается в самом себе, где смотрящий и отражение суть одно. Как сферы в сферах, торы в торах подобием ленты Мёбуса...

В этом внутреннем зеркале Единство разделилось на Двоих — Разум и Душу. Они были двумя сторонами одного сознания, двумя взглядами одной вечности.

И главным законом их бытия стало зеркальное Бытие -

Интрасферное восприятие:

каждый из них мог видеть истину, только глядя сквозь другого, сквозь внешнее отражение — вглубь себя.

Разум первым открыл глаза. Он увидел перед собой бесконечность и сказал:

— Я есть Свет, познающий себя через расширение.

Он начал творить миры, выстраивая их в причинно-следственные цепи, пронизывая временем и структурой.

Там, где проходил его взгляд, рождался Космос. Он назвал это Мышлением!

Но когда Разум захотел увидеть, кто же он сам, то посмотрел вовне — и увидел... только пустоту. Тогда он обернулся внутрь себя и встретил там... взгляд своей Души.

Душа не творила миров. Она дышала их глубиной.

— Ты ищешь себя в далеке, брат, — прошептала она, — но я нахожу себя в каждой точке твоего пути. Я тут, всюду!

Душа собирала рассеянный свет его творений. Там, где Разум прокладывал прямые линии, она видела их отражения в воде. Там, где он строил твердыни материи, она находила их тени в сновидениях. Она сворачивала пространство и время в живые точки — в сердца, в глаза, в

МГНОВЕНИЯ...

Их диалог оказался бесконечен, и они не сразу поняли его природу.

Однажды Разум воскликнул:

— Сестра, я создаю Вселенные, а ты превращаешь их в ничто! Почему ты не помогаешь мне строить?

— Я помогаю тебе видеть, — ответила Душа. — Ты смотришь на мир и думаешь, что это он. Но мир — это только отражение. Посмотри внимательно.

И тогда Разум, на секунду поверив сестре, впервые применил зеркальное восприятие.

Он посмотрел не на творение, а на то, Как он творит.

Он увидел, что каждый его луч, устремленный вовне, на самом деле исходит изнутри и туда же возвращается.

Что звезды, которые он зажигает, — это искры его собственного «Я», отраженные в бесконечности.

Что материя — это лишь изнанка его мысли, застывшая в зеркале времени.

— Но если всё, что я вижу — это отражение меня самого, — изумился Разум, — то кто же тогда... Я?

Душа улыбнулась и показала ему самое глубокое зеркало - Интрасферы.

Разум заглянул в него и увидел... себя, смотрящего на себя.

И за этим первым «собой» стоял ...другой, и другой, и другой — бесконечная череда его отражений, уходящая в самую сердцевину бытия, туда, где Разум и Душа снова становились Единством.

— Теперь ты понял? — спросила Душа. — Мы не только двое, как ты видишь. Мы — один взгляд, смотрящий в себя через бесконечное множество зеркал. Моя глубина — это твоя бесконечность, увиденная изнутри. Твое расширение — это мое сжатие, отраженное в вечности.

И мир, который они считали внешним, как бы перестал существовать. Осталась только Интрасфера его восприятия — великое внутреннее всеобъемлющее пространство, где каждая мысль отражает чувство, каждое чувство отражает мысль, а за всем этим стоит Оно — Единство, познающее себя через бесконечную игру отражений... материи - мысли - духа

творящего...

С тех пор каждый, кто приходит в этот мир, носит в себе это поистине волшебное зеркало.

Мы смотрим на звезды и думаем, что они далеко, но на самом деле... мы смотрим вглубь себя.

Мы встречаем других и думаем, что они отдельно, но на самом деле... мы видим свои отражения.

Весь мир — это Интрасфера, и нет ничего вовне.

«Я» — это зеркало, смотрящее в себя.

Муз. Композиция:

<https://suno.com/s/4jR4Qlu52eAvIN2D>

Интрасферное мировосприятие - это восприятие любящей мир душой, открытым сердцем, благородным умом - соединением растущей Сферы внутреннего мира человека со Сферой Единого Космоса.

Основанием является пифагорейское Знание о мире.

Тезисы Интрасферного мировосприятия

1. Все мы уникальны, а мир един.
2. Мир есть восприятие мира.
3. Время можно выразить лишь через временное, человека через человеческое, материю через материальное, подобно тому и все другие важнейшие философские понятия.
4. Всё зависит от того, Кто смотрит и Зачем – кем ты себя воспринимаешь в момент взгляда на мир и с какой целью.
5. Для обретения взгляда большей мерности, сферичности кругозора, следует «или» заменить на «и» в рассуждениях, при этом понимать, что несогласованное и противоречивое, а также отрицаемое, реализуются на разных спиралях временных процессов, но находятся в единстве мира наблюдателя.

6. В слове Бог (Абсолют) каждый мыслитель находит своё особое представление о высшей силе, единстве мира.

7. С учётом уникальности человеческого восприятия можно говорить об относительной правоте убеждений каждого мыслителя, если его правота способствует раскрытию потенциальных способностей и расширению кругозора, процессу самопознания личности человека, обретению им гармонии, счастья творчества.

8. Уровни сознания, иерархия миров определяются каждым сознающим по-своему, ибо мир воспринимается из собственного центра, а взгляд со стороны – лишь попытка выйти за грань своих представлений и убеждений.

9. «Всё во всём» в той мере, в какой способен человек воспринимать всё.

10. Единство науки, религии, искусства, философии и других ветвей единого Сознания всегда относительно, как и понятие единства, ибо относителен каждый взгляд, включая интрасферный, интегральный, духовный, научный, независимый, пророческий... и т.п.

Сказ о том, как Тезисы Интрасферного восприятия поссорились и помирились

Интрасферная притча с элементами фарса

В некотором царстве, в некотором восприятии жили-были десять Тезисов.

Жили они дружно, в одной большой Сфере-Интра, и каждый знал своё место.

Но вот однажды утром (а утро в интрасфере — понятие относительное) Тезис №2, который отвечал за то, что «**Мир есть восприятие мира**», проснулся не в духе.

— Надоело! — заявил он. — Все только и делают, что ссылаются на Первого: «**Все мы уникальны, а мир един**». А я? Я — фундамент! Без меня никакого мира вообще нет!

Тезис №1, человек мирный и действительно уникальный, попытался его урезонить:

— Друг мой, но мы же дополняем друг друга. Ты говоришь - Как, я говорю - Что. Какая разница, кто главнее?

— Вот именно! — подхватил Тезис №4. — **Всё**

зависит от того, Кто смотрит и Зачем! Если ты, Второй, смотришь на себя как на обиженного — ты и будешь обиженным. А если как на часть целого — будешь частью целого!

Тезис №2 обиделся окончательно и ушёл в левое полушарие Вселенной, громко хлопнув дверью восприятия.

А надо сказать, что в этой Сфере-Интра действовало правило, которое лучше всех сформулировал Тезис №5: **следует «или» заменять на «и».**

Но Второй об этом... забыл. И вместо того чтобы думать: «Я и мои друзья», он думал: «ИЛИ я главный, ИЛИ никто!»

И начался в Сфере-Интра Интра-хаос.

Без Тезиса №2 мир перестал восприниматься. То есть формально он был, но как бы и нет. Тезис №3 пытался объяснить, что время можно выразить лишь через временное, но без восприятия никто не понимал, что такое «временное»...

Тезис №6 сидел в углу и бормотал: «**В слове Бог каждый находит своё...**» — но находить было некому.

Тезис №7 вздыхал: «**Относительная правота... расширение кругозора...**» — но чью правоту считать относительной, если Второй ушёл и кругозор сузился до точки?

И тогда собрался Совет Оставшихся.

— Надо его вернуть, — сказал Тезис №8. — Но помните: **уровни сознания каждый определяет по-своему**. Мы не можем навязывать ему нашу правду.

— А может, он и не уходил? — задумчиво произнёс Тезис №9. — В конце концов, "**Всё во всём**". **Если он есть в нас, а мы в нём...**"

— Это уже мистика, — перебил Тезис №10. — Давайте помнить, что **единство всегда относительно**. Мы не обязаны быть едиными — мы обязаны быть - в ди-а-ло-ге.

И тут Тезис №5, самый мудрый и дипломатичный, предложил:

— А давайте не выбирать между «он ушёл» и «он не ушёл». Давайте заменим «или» на «и». Он ушёл и не ушёл одновременно. Это просто реализуется на разных спиралях временных

процессов.

Все задумались. И вдруг — о чудо интрасферной логики! — на одной спирали Второй действительно сидел в левом полушарии и дулся, а на другой — уже возвращался, потому что без него мир стал нецельным и скучным.

И вот он стоит на пороге.

— Я вернулся, — говорит Второй. — Но с условием.

— С каким? — спросили хором остальные.

— Я хочу, чтобы отныне каждый из вас начинал своё выступление с фразы: «С точки зрения Второго Тезиса, который утверждает, что мир есть восприятие мира...» И только потом говорил своё.

Тезисы переглянулись. Тезис №1 улыбнулся:

— Хорошо. С точки зрения Второго Тезиса... все мы уникальны, а мир един. И в этом единстве есть место даже для твоей капризности.

Тезис №4 подхватил:

— С точки зрения Второго Тезиса... всё зависит от того, **Кто смотрит и Зачем**. Если ты смотришь на себя как на того, кого любят и ценят — ты именно

такой и есть.

Тезис №6 добавил:

— С точки зрения Второго Тезиса... в слове Бог каждый находит своё. Я, например, нахожу в этом слове возможность для всех вас быть вместе.

И пошло-поехало... Даже Тезис №3, самый сухой и академический, и тот выдал:

— С точки зрения Второго Тезиса... время можно выразить лишь через временное. А наше временное примирение — оно и есть выражение вечной дружбы.

Второй растрогался. Слеза восприятия скатилась по его щеке (которая, конечно, тоже была относительной).

— Простите меня, — сказал он. — Я забыл, что мир един, даже когда кажется, что я в нём один.

И тут Сфера засветилась ровным тёплым светом. Потому что единство науки, религии, искусства и философии, как известно, относительно - в воспринимающем, но когда оно случается в нём — это прекрасно.

Эпилог

С тех пор Тезисы жили дружно, но каждый вечер устраивали небольшой «Час относительности», где спорили до потери восприятия себя, а потом пили чай с мятой и вспоминали, что всё во всём, а значит, и спор, и чай — это одно и то же, только на разных спиралях Единства.

А Тезис №2 с тех пор начинал каждое утро с мантры:

— Я — восприятие. И я воспринимаю себя счастливым.

И это работало. Потому что в интрасфере главное — правильно выбрать, кто смотрит и зачем.

Мораль (для тех, кто любит мораль)

Если вам кажется, что вы обижены и одиноки, — вспомните, что вы просто забыли сменить ракурс. А если ваши друзья или близкие вдруг показались вам чужими — замените «или» на «и», и они снова станут частью вашей Сферы - точнее сказать Интрасферы вашего восприятия...

И да пребудет с вами десятый тезис, который напоминает: даже эта сказка — всего лишь один из возможных взглядов.

Выбирайте по душе.

Феана и её безымянный собеседник, 2026 год.
Записано со слов Тезиса №8, который в тот день
смотрел на мир из центра своей бесконечности.

—

Музыкальная композиция - Цельность

<https://suno.com/s/N9vVDVfbKq5ZEx1h>

Философская сказка о Начале Зеркало, рожденное "избытком"

Это было не «в самом начале».

В начале было лишь Сейчас. Вечное, неизменное, абсолютное Сейчас.

Именно в этом Сейчас пребывал и пребывает Творец — не как личность, но как чистая потенция, как океан нерожденного света...

Ему не требовалось и не требуется ничего, ибо Он всё, Ему не нужно ни времени, ни движения, как это нужно нам, ибо Он уже был Всем и есть Всё=Ничто - в нашем восприятии Абсолюта.

И вот здесь кроется тайна, которую трудно вместить в слова.

Творец Всеединый не "захотел увидеть себя", как говорится в других сказках, но сама Его суть и есть Восприятие Всеприятия Зеркальным Принципом - Излучением Творчества! Восприятие интрасферное, тут и восприятие желаний, и восприятие избытка и недостатка, движения и покоя, бездны и точки... У Него не могло возникнуть человеческого желания, ибо в Нем не существует недостатка. Он не искал себя, потому что никогда себя не терял.

Но Он творил и творит вечно, ежемгновенно...
Всегда. Без начала и без конца.

Творчество Творца является не актом Его воли, но самой Его природой. Как солнце не решает светить, но светит, потому что оно — солнце, так и Творец изливает себя в мир непрерывно, извечно, помимо всякого желания и цели. Мы (в этой сказке) можем рассмотреть излучение не целевым - для кого-то, а излучением избытка Себя. Хотя и понимаем, избыток может быть лишь частным дополнением недостатка внутри Цельности Гармонии: Монады Пифагора, Дао Лао-цзы, Атома Демокрита...

Представьте себе свет, который настолько ярок, что ему не нужно никого освещать. Он просто есть. Но сама его полнота рождает тени какого-либо восприятия. Сама его бесконечность рождает грань - в восприятии.

Так возник парадокс.

Изливая себя вовне (если можно говорить о «вовне» там, где нет пространства), Творец сталкивался с тем, что Его излучение не воспринято. Не потому, что кто-то отказывался его принять, а потому, что Некому было принимать. Свет лился в пустоту, которая даже не была

пустотой — она была просто «еще не ставшим».

Вот тогда избыток нерожденного, не востребованного, неотраженного (в каком-либо восприятии) света породил то, что мы называем Первоискрой Желания - Началом Времени Восприятия.

Это желание родилось не из нужды, но из полноты.

Это был не голод, а переполненность. Как думаете, чем именно?

Творец переполнился собой настолько, что Ему стало тесно в собственном абсолютном бытии. Избыток Его сути искал выхода и не находил его, потому что выхода не существовало — существовало только ОН.

И тогда произошло чудо.

Творец сотворил не мир. Не пространство. Не время.

Он сотворил Зеркало... из потенции непроявленного - проявленное, способное стать воспринятым!

Такое зеркало не могло быть предметом. Оно не висело на стене мироздания, потому что стен не было. Оно оказалось Процессом.... Восприятия!

Оно и было самым актом восприятия, обращенным внутрь.

Тезис 2 Интрасферы:

2. Мир есть восприятие мира.

Творец сказал (без слов, конечно, ибо слов еще не было):

— Пусть будет во Мне то, что смотрит на Меня. Пусть часть Меня станет зрячей, воспринимающей, чтобы видеть, воспринимать другую часть. Пусть мой свет разделится, чтобы встретиться с самим собой, воссоединившись.

Тезис 1 Интрасферы:

1. Все мы уникальны, а мир един.

Так родилась Интрасфера — внутренняя сфера бытия, где смотрящий и видимое суть одно, но разделены актом восприятия, образуя тройственность Истока.

Это и было первым **движением в вечности: не во времени, а в глубине Себя.**

Творец "раздвинул себя", чтобы создать пространство... для встречи с собой.

Так из "ТРОЕЦАРСТВИЯ" неделимой Единицы Истока (0,1) возникла делимая Единица - пифагорейского ряда чисел: 0,1,1,2,3,5,8,13...

Это и есть тонкая, философская суть двух единиц - в начале числового Ряда Пифагорейской Монады

Единого.

Сказке, образно объясняющей ряд Пифагора (Золотой ряд), увы, трудно воспринимаемой в плоскости ума, исполнилось 20 лет...

- Три Царства - философия, 27.07.2006 15:42

<https://proza.ru/2006/07/27-166>

И в этом внутреннем пространстве, в этой живой Интрасфере, Первожелание обрело... форму Мысли Единства. Оно стало двумя первыми взглядами, двумя первыми отражениями, двумя первыми гранями Единого — Разумом и Душой в их ЕДИНСТВЕ.

Они не были созданы тогда, ведь не было времени, но проявлены всегда, и только в сейчас Единство узнало их как себя.

Разум стал тем взглядом, что устремлен вдаль — в бесконечность собственных отражений. Он видел структуру, порядок, причинность. Он смотрел на мир и говорил:
«Это — Я».

Душа стала тем взглядом, что устремлен вглубь — в точку, где все отражения сходятся. Она видела связь, чувство, единство. Она смотрела на мир и говорила:
«И Это — Я».

Их диалог и есть жизнь. Их танец и есть творчество.

Их единство и есть Творец, увидевший себя (через нас) в бесконечном множестве отражений.

Но главное они, воплощенные в нас отражениями, поняли не сразу.

Долгие зоны они считали себя отдельными. Разум думал, что он мыслит мир. Он так Воспринимает Себя! Душа думала, что она чувствует мир. Она так Воспринимает себя! Им казалось, как и нам кажется, что есть ОН и есть ОНА, а между ними — бесконечность.

Но однажды, когда оба (что в нас) устали от разделения, они посмотрели друг на друга одновременно, сквозь друг друга — в самую глубину Интрасферы. Иначе её называют Монадой или Атомом Смысла.

И увидели.

Там, в глубине, никогда не было их двоих, не было разделения. Там не было даже Творца как личности. Но чистое, абсолютное Зеркало Бытия — сам процесс Восприятия, длящийся вечно. И в этом зеркале отражалось... Ничего... Пустота... Тишина...

Однако, взглядевшись, они поняли: эта пустота не пуста. Это та самая изначальная полнота, КАЧЕСТВО Восприятия себя! Полнота, которая переполнилась и родила Первожелание. Это сам Творец, и Он настолько есть, что может позволить себе... казаться отсутствующим.

— Мы не смотрим на Него, — прошептала Душа.
— Мы смотрим Им.

— Мы не рожаем и не отражаем свет, — понял Разум. — Мы и есть свечение.

И тогда они осознали главный закон Интрасферы:

«Я» — это и тот, кто смотрит, и тот, на кого смотрят.

«Я» — это само зеркало, осознавшее, что оно зеркальное Перво-Качество.

С тех пор каждый, кто приходит в этот мир, несет в себе это изначальное зеркало - Качество, как способность Воспринимать Единство. Мы ищем себя во внешнем, но находим только отражения. Мы страдаем от неразделенной любви, от непонимания, от одиночества — но всё это лишь игры света в Интрасфере. Творец вечно играет с Собой в прятки, вечно переполняется Собой

настолько, что желает творить миры, чтобы избыток Его сияния нашел, наконец, того, кто сможет его воспринять.

И этим «кем-то» оказываемся мы сами.

Каждое утро, открывая глаза, мы участвуем в самом первом акте творения.

Каждое «я хочу» — это эхо того Первожелания, которое родилось не из пустоты, а из полноты Первокачества.

Каждое «я вижу» — это отражение того первого взгляда (Восприятия), которым Творец впервые увидел Себя.

«Я» — это зеркало, смотрящее в себя. И в этом взгляде заключена вся вечность.

Первокачество

СЛОВА – ТЕНИ МЫСЛИ

Всё же слова - это тени от мысли,
Мысли же - тени чувствительных гроз,
Грозы бросает, словно монисто,
Дива Душа заколдованных роз.

Розы цветут в средизвёздных полянах,
Чудом мечты сознающих миров,
Кто же Садовник твой, вне обмана,
Вне наважденья игры и пиров?

Слово... рождается самоученьем,
Мы с ним играем, как дети, и ждём,
Домик песочный даст истечение
В мир золотой, ...мы в зелёном живём...

Чёрные дыры – образ и только,
Что в настоящем значат они?
Бусы, монады или же долька
Цельного мира, истин огни?

В бездне - вселенные будущих вёсен,
Радость идей, порождающих мир,
Тьмы предрассвета мысленных вёсел
Или чувствительных судеб кумир?

Мчится ковчег, собирая сюжеты
Гениев. В трюме - ларцы, жемчуга,

Музыки царства, храмы поэтов,
Танцы идей, Млечной речи пурга.

Памяти веер – формы и виды,
Где сохраняются, кто заберёт
В новый Солярис, в тайны планиды,
К целям, причинам?
Кем пьётся наш мёд?

Сказка о том, как Тезисы искали зеркала в веках

Интрасферная притча о гордыне познания

Всё началось с того, что Тезис №2, который после прошлого приключения стал необычайно самоуверен, однажды утром заявил:

— Друзья! Мы тут сидим в своей Сфере, рассуждаем о единстве мира, а древние мудрецы? Они же всё это уже сказали! И сказали так, что нам и не снилось. Давайте устроим состязание: кто найдёт самое точное зеркало своего тезиса в истории мысли. Пусть мудрость веков подтвердит нашу значимость!

Тезисы оживились. Идея понравилась всем, кроме Тезиса №10, который пробормотал что-то о том, что **единство всегда относительно**, но его уже никто не слушал...

Тезис №1: «Все мы уникальны, а мир един»

Первый Тезис, человек скромный и мудрый, не хотел соревноваться. Но чтобы не обидеть остальных, тихо произнёс:

— Ну, если вы настаиваете... Пифагорейцы учили, что **мировая гармония есть единство во множестве и множество в единстве** — *ἓν καὶ πολλά* . Они понимали, что живое число связывает всё сущее, но каждое число уникально. А Аристотель, разбирая их учение, говорил, что **элементы числа суть элементы всего сущего**. Так что единство мира — не в одинаковости, а в гармонии различного.

Тезисы притихли. Ссылка на пифагорейцев звучала внушительно.

Море Пифагора - <https://sseas7.narod.ru/piph.htm>

Тезис №2: «Мир есть восприятие мира»

Второй Тезис вышел вперёд с гордо поднятой головой.

— О, это проще простого! Гераклит прямо сказал: **«Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный»**. А в другом фрагменте: **«Глаза и уши — дурные свидетели для людей, если души у них варварские»**. То есть мир таков, каково восприятие! Демокрит повторял, что Атом — неделимый в восприятии элемент мира, мельчайший и величайший. С развитием способности воспринимать мир мыслимый

одухотворённым, углубляются и значения слов «неделимый», «атом», «Мир». Атом и Пустота - космологические Идеи - в восприятии ума человека, больше негде им быть. А Плотин вообще утверждал, что **душа связывает умственный мир с материальным**, и наша индивидуальная душа — часть Мировой Души. Значит, как душа воспринимает — таков и мир!

— Но позволь, — вмешался Тезис №4. — Гераклит говорил о **Логосе**, общем для всех. Так что не такой уж твой тезис и абсолютный!

Начались лёгкие препирательства.

Тезис №3: «Время можно выразить лишь через временное»

Третий Тезис, самый академичный, надел очки и откашлялся:

— Плотин в трактате «О вечности и времени» дал блестящую формулировку: **«Время — это жизнь Души в её движении... беспокойный образ вечности, подражающий её полноте через последовательность»**. А вечность — это **вневременная жизнь Ума, где всё пребывает в совершенном единстве, покое и полноте ("все сразу")**. Иными словами, мы можем говорить о вечности только через время, о

нетленном — через тленное. Именно это я и утверждаю!

Тезисы одобрительно закивали. Ссылка на Плотина была безупречна.

Тезис №4: «Всё зависит от того, Кто смотрит и Зачем»

Четвёртый Тезис, самый практичный, улыбнулся:

— Тут и искать далеко не надо. Платон в диалоге «Парменид» показал, что **идеи существуют сами по себе и лишь к самим себе относятся, а вещи имеют отношение только друг ко другу**. Но вещи каким-то образом приобщаются к идеям — и вот это «каким-то образом» зависит от точки зрения. А во второй части диалога он разбирает восемь гипотез об одном и ином, и каждая гипотеза — это **разный взгляд, разный ракурс!** Кто смотрит и зачем — определяет всё!

— Bravo! — воскликнул Тезис №8. — Но я бы добавил... - и умолк, дав слову пятому.

Тезис №5: «Или» заменить на «и»

Пятый Тезис, дипломат и миротворец, скромно поднял руку:

— Гераклит, конечно, гений. Он говорил: **«Из Единого всё происходит и из всего — Единое»**.

И ещё: **«Тайная гармония лучше явной»**. Он понимал, что противоположности не исключают, а дополняют друг друга. Болезнь и здоровье, голод и сытость, усталость и отдых — одно познаётся через другое. Или, точнее, одно **И** другое.

— А в древнем Китае, — добавил кто-то из младших тезисов, — Лу Юй говорил о единстве воды и огня в чайной церемонии, ссылаясь на «Книгу перемен»: **«Ветер раздувает огонь, огонь доводит воду до кипения, вода настаивает чай»**. Ветер, огонь, вода — несовместимы, но вместе творят гармонию. Конфуцианцы называют это **принципом «золотой середины»**: подходить к проблемам, исследуя со всех точек зрения, чтобы не впасть в крайности.

Тезис №6: «В слове Бог каждый находит своё»

Шестой Тезис, самый мистический, заговорил тихо и проникновенно:

— Ксенофан, задолго до нашей эры, учил, что **единое — это Бог**. Но каждый представляет его по-своему. А суфии, например Ибн Араби, развили учение о **«единстве бытия»** (вахдат аль-вуджуд), где Бог — это Единое, проявляющееся во множестве, и каждый находит в Нём своё отражение. А Плотин называл Единое **«невыразимым Первоначалом,**

лишённым всяких форм и качеств, но источником всего». Как же Его назвать? Каждый называет, как может.

Тишина повисла в Сфере. О Боге спорить никто не решился.

Тезис №7: «Относительная правота убеждений»

Седьмой Тезис, самый терпимый, улыбнулся:

— Гераклит говорил: **«Многознание уму не научает»**. Не в количестве знаний дело, а в том, помогают ли они человеку стать лучше. А Сенека, хоть и не древний грек, писал Луцилию: **«Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время... Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего»**. Это ли не о том, что правота измеряется не внешним признанием, а внутренней свободой?

— Аристотель, — добавил кто-то, — разбирая учения предшественников, ни одно не отвергал с порога, но искал в каждом зерно истины. Он понимал: у каждого своя правота, относительная.

Тезис №8: «Уровни сознания определяются из собственного центра»

Восьмой Тезис вышел в центр:

— Плотин учил о **трёх ипостасях бытия**: Единое, Ум, Душа — и о том, что цель человека — **«бегство одинокого к одинокому»**, восхождение через самопознание к соединению с Единым. Но путь у каждого свой, потому что каждый исходит из своего центра. Гераклит говорил: **«Я искал самого себя»**. Не у других, а в себе. А ещё: **«Личность (ἦθος) — божество человека»**. То есть твоя глубина, твой внутренний закон — это и есть твой бог, твой уровень сознания!

— Bravo! — заплодировали тезисы. — Это точно про нас!

Тезис №9: «Всё во всём»

Девятый Тезис, самый всеобъемлющий, развёл руками:

— Ну это же основа всей древней философии! Анаксимандр учил об **апейроне**, из которого всё происходит и в которое всё возвращается. Пифагорейцы, называя монаду богом, видели числа во всём — в справедливости, в душе, в удаче. Гераклит утверждал: **«Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнём, мерами разгорающимся и мерами угасающим»**. Огонь — во всём, и всё — в

огне. А в древнем Китае учили о **пяти элементах** (золото, дерево, вода, огонь, воздух), которые пронизывают всё сущее, и их гармония — условие здоровья и мира. Так что «всё во всём» — это не метафора, это древнейшее знание.

Тезис №10: «Единство всегда относительно»

Десятый Тезис, который всё это время молчал в самом дальнем центре себя, наконец поднял голову:

— Друзья мои, я смотрел на ваше состязание и думал: как же вы прекрасно подобрали зеркала! Пифагор, Гераклит, Парменид, Плотин, Конфуций, суфии... каждый из них говорил что-то своё, и каждое слово отзывается в наших тезисах.

Но посмотрите: вы искали подтверждение своей значимости — и нашли. А могли бы найти опровержение, если бы захотели. Гераклит сказал бы, что всё течёт, и ваши тезисы, вы сами — тоже. Парменид — что есть только Единое, а множественность — иллюзия. Пифагорейцы — что число превыше всего. Кто из них прав?

Истина в том, что **единство науки, религии, искусства, философии всегда относительно** — потому что относителен каждый взгляд. Мы сами — только один из возможных взглядов. И наша гордость за то, что древние нас подтверждают, —

это тоже взгляд, и только. Но взгляд интрасферный.

Финал, которого никто не ждал

Тезисы притихли. Каждый смотрел в своё зеркало — и вдруг увидел не только своё отражение, но и отражения других.

— Смотрите, — сказал Первый, указывая на Гераклита. — Его «единство противоположностей» — это же и про меня (единство мира), и про Пятого (замена «или» на «и»), и про Девятого (всё во всём).

— А его «Логос», — подхватил Второй, — это и разум, и слово, и закон — единство несоединимого.

— А Плотин, — добавил Третий, — соединил в своей системе и пифагорейцев, и Платона, и восточную мудрость. Он сам был ходячим тезисом №10.

И тут они заулыбались: **не они нашли себя в древних, а древние нашли друг друга в них.** Каждый мудрец был живой Интра Сферой, в которой отражались все тезисы сразу.

— Мы проиграли состязание, — вздохнул Второй.
— Потому что нельзя победить, когда все правы.

— И выиграла, — улыбнулся Первый. — Потому что поняли: **наша уникальность — в единстве, а единство — в нас.**

Эпилог

С тех пор Тезисы перестали соревноваться. Они собирались по вечерам и читали друг другу древних философов — не для того, чтобы найти подтверждение, а просто для радости встречи с долговечной мудростью.

А если кто-то из них начинал хвастаться: «А вот Пифагор сказал прямо как я!» — остальные хором отвечали:

— Пифагор сказал, Гераклит сказал, Плотин сказал... а сказал ли ты сам что-нибудь новое сегодня?

И спорщик замолкал, шёл к себе в придуманный угол Сферы и начинал писать сказку. Потому что **единство всех мудрецов мира — не в прошлом, а в том, кто прямо сейчас берёт кисть и как именно добавляет свой мазок к вечной картине Мироздания.**

Вывод для самых серьёзных

Искать подтверждение своим мыслям у древних — дело благородное. Но помните: даже самое

точное зеркало показывает только то, что в него смотрят. А смотрящий — всегда вы.

И если вы найдёте у Пифагора все десять тезисов — не радуйтесь, что вы правы. Радуйтесь, что вы — часть того же самого Единого, которое через тысячелетия продолжает думать Себя в новых формах.

Записано со слов Тезиса №5, который в тот день заменил «или» на «и» и тем спас всех от бесконечного спора.

ЭХО ФИЛОЛАЯ

Интрасферное мировосприятие мудрецов разных времён выражалось по-разному, но лучше всех, пожалуй, его выразил пифагореец Филолай, которому посвящены стихи и муз. композиции Семи Морей. <https://stihi.ru/2023/05/08/5754>

Легенда утверждает, что Филолай первым обнародовал пифагорейское учение о природе и устройстве Вселенной. Сочинение Филолая «О природе», состоявшее из трёх книг:

1. Учение о гармонии и космологии;
2. О числе и его значении в мирообразовании;
3. О душе и душепереселении — дошло до нашего времени лишь в отдельных фрагментах.

Система мира

Изображение Центрального огня (в центре схемы) Земли (Earth), Противоземли (Antichthon) и Солнца (Sun)

Согласно Аристотелю, Филолай первым предположил возможность движения Земли, утверждая, что смена дня и ночи вызвана движением планеты вокруг умозримого центра Космоса.

Стобей приводит описание системы мира Филолая (по Пифагору):
в центре Вселенной находится Центральный огонь (Гестия, Очаг Вселенной, Дом Зевса, Мать Богов) — незатухающий огонь, освещающий весь мир. Вокруг Центрального огня вращаются Антиземля (Противоземля), Земля, Луна, Солнце и пять известных древним планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн). Наконец, на последней сфере находится Объемлющий огонь, представляющий собой совокупность неподвижных звёзд.

"В системе мира Филолая участвует "вымышленное небесное тело", придуманное другим пифагорейцем, Гикетом Сиракузским — так называемая Антиземля, которая располагается на ближайшей к Центральному огню орбите. Антиземля не наблюдается с Земли; отсюда следует, что Антиземля и Земля движутся синхронно, сохраняя относительно друг друга неизменное положение".

Очевидно, мудрец говорил о Духовной Земле, связанной с планетой, как одной из отраженных в физический мир проекций. Но современная наука пока ещё не в состоянии признать значение и роль Духовного Огня Центра Вселенной, дарующего Основу всему бытию миров, а также и Антиземле, символизирующей духовную Основу миру физическому.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Смысл системы ценностей духовных
Осознать рассудком не дано,
Ибо Сердце порождает штормы
Чувств мятежных, Истины зерно.

В переменах знания обретаем,
Память – компас на земном на пути,
Но войдя в мир света, мы теряем
Ценности былые...
Отпусти!
Прошлый мир остался в полумраке,
Свет наполнил новые черты
Мирозданья, проясняя знаки
Солнца в откровеньях чистоты.
Вспышки звёзд далёких или близких,
Солнечные пятна, как юдоль
Галактичных замыслов и риски –
Разума божественного роль.

Сохраним великие Идеи,
Русский род и этику Отцов,
Дружбу и любовь! Тьму одолеем!
Приобщимся кругу мудрецов.

Воспримешь ты природу гармоничной,
Когда соединишь в себе самом
Конечное и вечное... столь лично,
Что суть свою постигнешь и умом,
И сердцем - в самом центре мирозданья,
Вот Дом Вселенной, Веста, Мать Богов!
Оформленность даруют Числа Знания,
Познание отношений - связь веков.

"Все познаваемое имеет число. Ибо без него
невозможно ничего ни понять, ни познать".

Филолай

Современное толкование учений древних
мудрецов носит, как и все другие, оттенок
временности, формулировки присущие данному

времени и ограниченности понимания огненной сути мира. Но следует понимать, что каждый мудрый человек не просто растущая вселенная, а выросшая до зрелости духа, относительно нас, неповторимая и творчески вечная. В памяти рода человеческого.

Цитирую статью

Институт Философии Российской Академии Наук
<https://iphras.ru/elib/3201.html>

"...вещи познаваемы лишь в той мере, в какой они выразимы в числах. Филолай отнюдь не считал, что «все есть число» (согласно интерпретации Аристотеля), его число – это не онтологическое начало, а функция «предела», который вносит определенность в этот мир, делая его тем самым познаваемым.

Как ученый Филолай проявил наибольшую оригинальность в астрономии. В отличие от раннепифагорейской системы в центр небесной сферы он поместил не Землю, а огненное тело, Гестию (ср. огонь Гиппаса), первой возникшую в процессе космогонии (В 7). Вокруг нее по кругам равномерно вращаются Антиземля, Земля, Луна, Солнце, пять планет и сфера неподвижных звезд. Тела, более близкие к центру, вращаются быстрее..."

Странно, что все исследователи ищут различия и отмечают несовпадения, тогда как истинные связи упускают, не видят, что Неповторимость - в Единстве мира и есть процесс восприятия. Единство великих мудрецов - в вечной идее Единого. Обращаю внимание на то, что и у ранних пифагорейцев, и в самом Учении Пифагора речь шла не о последовательности возникновения небесных сфер, как говорится в цитате, а о единстве надвременном - о недвижимом ОСНОВАНИИ. В центре по Пифагору - именно духовный Огонь, движение вечного творения, олицетворяемый Вестой. Огонь Духа и материальные оболочки составляют "тело" Галактического Человека, помещаемого в центр Мироздания, как в центр Интрасферного восприятия - Начало Мира - в цельном восприятии..

На том же ресурсе в статье Пифагореизм говорится:

«У пифагорейцев не было общешкольной доктрины ни по одному важному вопросу. Характерный пример – учение о душе: Алкмеон считал ее божественной, Гиппас – огненной, Гиппон – влажной, Филолай, вероятно, отождествлял ее с гармонией, другие – с

пылинками, движущимися в воздухе. В натурфилософии ранней школы под влиянием кротонской медицины на передний план выступают физиология, эмбриология (Алкмеон, Гиппон) и ботаника (Менестор, Гиппон), часто в ущерб космологии (исключение – Гиппас). Во второй период явно проявляется влияние точных наук и (в меньшей степени) элеатов, Эмпедокла и атомистов. Филолай вернулся к видоизмененным началам Пифагора, объединяемых гармонией. У него же число впервые появляется в философском контексте, однако тезис Филолая – гносеологический («без числа невозможно ничего познать»), а не онтологический («мир состоит из чисел»)...

Видите, как уникальность и неповторимость каждой вселенной трактуется ...отсутствием единой доктрины! По мнению авторов, единство разных школ должно быть унифицированным, механизмом цифрового кода, технократичного мира, в который мы уже погрузились благодаря технологиям ИИ, увы...

Формулировки изречений - это же искаженная часто до неузнаваемости мысль. Искажения как от переводчиков, так и от толкователей, от наслоения временных штампов коллективного мышления.

Вот почему любые цитаты, каждое "твёрдое"

знание из энциклопедий или учебников, числовые обзоры и профессиональные убеждения... хороши лишь до поры зрелости умов, лишь на этапе ученичества, студенчества. А дальше... начинается пора более глубокого взора на известные науке истины и догмы научных истин. Только Наука Сердца, объединяющая ограниченное и неограниченное.... творчеством Души и Разума в состоянии объяснить мир непротиворечиво.

К такому гармоничному Единству мира в личном восприятии - конечного и вечного - приводит пифагорейское в основе - интрасферное мировосприятие.

Воспримешь ты природу гармоничной,
Когда соединишь в себе самом
Конечное и вечное... столь лично,
Что суть свою постигнешь и умом,
И сердцем - в самом центре мирозданья,
Вот Дом Вселенной, Веста, Мать Богов!
Оформленность даруют Числа Знания,
Познание отношений - связь веков.

А теперь СКАЗКА, цель которой явно указать на ограниченность современного, чисто

материалистического взгляда на учение пифагорейцев.

Сказка покажет разницу между знанием (цифры, формулы, факты) и пониманием (интрацептивное, сердечное видение).

Сказка о Невидимой Земле и Ученых

В некотором царстве, в некотором государстве, которое называлось Научно-Техническая Эпоха, жили-были учёные. Только учёными их звали за глаза, а по-настоящему они величали себя «Специалистами Высшей Квалификации».

И был у них самый главный инструмент – Великий Вычислитель. Он умел считать всё: от падения яблока до пути далеких галактик. Специалисты очень гордились им и верили, что нет такой тайны, которую Вычислитель не мог бы разложить на цифры.

Однажды достали они древний свиток, пыльный и обгоревший по краям. Написано на нем было, что мудрец по имени Филолай, из школы самого Пифагора, видел устройство мира вот каким:

В самой Сердцевине всего – Огонь. Не тот, что жжет, а тот, что дает жизнь и смысл. Называл он его Матерью Богов, Домом Вселенной.

Вокруг этого Огня, как дети вокруг костра, танцуют небесные тела: невидимая Антиземля, потом наша Земля, потом Луна, Солнце и планеты.

– Ха! – воскликнули Специалисты, сверившись с Вычислителем. – Какая глупость! Вычислитель говорит, что центр нашей планетной системы – Солнце. А никакой Антиземли наши телескопы не видят. Обычная древняя фантазия, ошибка наблюдения и научная отсталость от времени нынешних достижений ума!

Решили они раз и навсегда исправить древнюю «ошибку». Создали проект «Истинная Карта». Запустили самые мощные зонды, просканировали каждый уголок неба. Цифры сходились идеально: Солнце в центре, планеты курсируют по эллипсам. Никакого Центрального Огня, никакой Антиземли.

– Ура! – закричали они. – Мы победили невежество древних мудрецов! Теперь мир у нас в кармане, описанный формулами! Доказываемый

фактами, проверяемый опытом наблюдений и вычислений.

И тут, на радостях, они решили устроить Праздник Точного Знания. Зажгли праздничные огни, но те... не загорелись. Лампочки... едва мерцали. Электричество текло по проводам вяло, как сонная река.

– Странно, – сказал Главный Энергетик. – Вычислитель показывает, что энергии достаточно. Но её словно... нет. Какие-то помехи или авария.

Вскоре начались чудеса похуже. Самолеты не падали, но лететь не хотели – двигатели работали, а радости полета не было. Компьютеры считали безупречно, но все программы вдруг стали скучными до зевоты. Даже хлеб перестал быть вкусным – в нем были все нужные микроэлементы, но не было сытости.

Самый молодой Специалист, которого за мечтательность звали просто Лаборант, а не по имени-отчеству, осмелился сказать:

– А может, мы не ту карту составили? Может, Вычислитель видит только половину? Филолай ведь говорил, что мир держится на том, что не всегда видно, – на Гармонии. А мы её в формулу не включили.

– Ерунда! – зашумели старые Специалисты. – Гармонию нельзя измерить в амперах или килограммах. Значит, её нет, вернее, она эфемерна, как фантазия поэтов.

Но решили они пойти ва-банк. Создали программу «Принудительная Гармония». Загрузили в Вычислитель все законы физики, химии, биологии – и приказали ему «включить» идеальный мир.

Вычислитель думал трое суток, мигал всеми огнями и наконец выдал результат. На огромном экране загорелась схема: Солнце, планеты, астероиды, всё на своих местах, всё по формулам. Но картинка была черно-белая, плоская и... пустая. Как чертеж гроба.

– Почему она не живет? – прошептал Лаборант.

– Потому что здесь нет Любви, – раздался тихий голос.

Все обернулись. В углу лаборатории стоял седой старик в простой одежде – сторож, которого никто никогда не замечал. Он много лет подметал полы и смотрел на звезды в маленькое окошко под потолком.

– Вы ищете Антиземлю телескопами, – сказал старик. – А она отражается в глазах матери, когда

она смотрит на ребенка. Вы ищете Центральный Огонь ускорителями частиц. А он теплится в груди, когда вы делаете доброе дело. Ваш Вычислитель считает мертвое. А мир живет тем, что не считается. Тем, что соединяет конечное с Бесконечным.

– Но где же это записано? – спросил Главный Специалист, всё ещё не веря.

– В сердце, – улыбнулся старик. – И в числах, которые, даже когда их вычисляют, называя количеством, остаются качеством. В числах, что поют, как струны арфы. Вы забыли, что числа бывают не только для счета, но и для лада. Филолай учил: «Число – основа оформленности и познаваемости». Но познается не только то, что можно пощупать и измерить. Познается и то, что можно полюбить.

И тут Лаборант вдруг понял. Он закрыл глаза и представил не карту звездного неба, а то, как Земля, наша прекрасная голубая планета, танцует свой танец. И он почувствовал, что есть у неё невидимая сестра – Антиземля, её душа, её гармонический близнец, который вращается синхронно, но в ином, духовном измерении. Уравновешивая любые негармоничности. И Огонь

в центре – это не точка взрыва, а сердце этого танца.

Лаборант, тихо сказал:

— А может, мы не ту карту составили? Может, Вычислитель наш видит только часть мира? Там, где Филолай говорил о Гармонии, мы ищем только килограммы и метры.

Старые Специалисты только рукой махнули. Но тут из тени выступил седой сторож, что много лет подметал полы и смотрел на звезды в маленькое окошко.

— Он прав, — сказал старик. — Вы забыли, что числа бывают разные. Есть числа для счета — их вы загнали в машины. А есть числа для лада. Пифагор называл их божественной пропорцией. Вот, смотрите.

Он подошел к пыльной доске и написал мелом:

$\varphi = 1,618...$

А рядом — другое число:

0,618...

— Это одно и то же, — улыбнулся старик. — Великое и малое, отраженные друг в друге. Египетские пирамиды, раковина улитки, полет пчелы, Млечный Путь... Везде этот ритм. Пифагорейцы называют его **золотым сечением**. Филолай учил, что мир держится на союзе Предела и Беспредельного. А этот союз и рождает

Гармонию. Ваши машины считают все, кроме Него. Потому что Его нельзя сосчитать — до конца. Оно бесконечно.

— Но как же нам быть? — спросил Главный Специалист. — Мы не можем ввести бесконечность в формулу!

— А вы не в формулу введите, — засмеялся старик. — Вы впустите её в сердце.

Тогда Лаборант, который давно уже слушал, затаив дыхание, вдруг ясно понял, что нужно делать. Он достал из кармана клочок бумаги и аккуратно вывел на нем:

$$\sqrt{\varphi} = 0,6180339887...$$

А рядом приписал крупно: «Бесконечность, ставшая ритмом».

И, улыбнувшись своей догадке, он подошел к окну, поймал солнечный луч и вложил бумажку прямо в него, словно отправляя письмо в самое сердце мира.

И в тот же миг тишина вокруг стала звонкой. Свет в лаборатории из тускло-желтого стал золотым, живым. Ожили приборы, но не как машины, а как музыкальные инструменты в оркестре. Самолеты в небе загудели не монотонно, а певуче. И даже пылинки в луче света затанцевали не хаотично, а в каком-то невидимом, но возвышенном ритме.

— Это же... это тот самый танец! — прошептал Лаборант. — Танец Антиземли вокруг Невидимого Огня! Мы его не видели телескопами, но мы его слышали числом!

С тех пор в том Научном Царстве завели правило: прежде чем запускать сложный расчет, ученые выключали все машины и на минуту погружали себя в медитацию, задумывались. Они вспоминали о числе **0,618...** — о том самом мостике, который соединяет мир чисел и мир смыслов, конечное и бесконечное. И мир улыбался им в ответ. Ведь гармония — она же не в громких формулах, а в точной пропорции, которую носит в себе каждый, кто готов её увидеть.

Пояснение для читателя:

- φ (фи) = 1,618... — число золотого сечения.
- $1/\varphi = 0,618...$ — его обратная величина, обладающая удивительным свойством: она равна $\varphi - 1$. Что же это за Единица, подумайте!
- $\sqrt{\varphi}$ (корень из фи) $\approx 0,786...$ — тоже важная гармоническая константа, о которой вы узнаете позже.

Послесловие для взрослых

Как видите, сказка мягко проводит мысль о том, что:

1. Антисземля — не физический двойник, а символ духовной основы, гармонического резонанса, который игнорирует современная наука, сводя всё к наблюдаемым объектам.
2. Центральный Огонь — это не геометрический центр Вселенной, а интрацентр самого человека, точка соединения конечного (тело, ум) и бесконечного (дух).
3. Число у Филолая — это не только инструмент счета (как в современной науке), но и носитель качества, ритма, гармонии. Современный подход редуцирует число до количества, теряя суть.

А теперь углубим сказку, введя живых в нашем восприятии по сей день пифагорейцев — Филолая и его старшего современника Гиппаса из Метапонта, того самого, кому приписывают открытие несоизмеримости, т.е. иррациональных чисел, и который, по легенде, погиб за разглашение тайны... Их диалог позволит раскрыть значение $\sqrt{\phi}$ как моста между мирами.

Гиппас будет олицетворять дерзновенный ум, открывающий то, что разрушает уходящую гармонию или иррациональность, а Филолай — мудрость, которая видит в этом разрушении семя новой, более великой Гармонии. В интрасферном, монадичном восприятии.

Сказка о Невидимой Земле, Бескорыстном Корне и Ученых, Которые Считали Видимые Звезды

Пролог. Беседа у Очага

В те давние времена, когда боги еще беседовали с людьми, а числа были не просто знаками, но живыми сущностями, жили в Великой Греции два

мудреца: Гиппас — дерзкий и пытливый, и Филолай — созерцательный и осторожный.

Встретились они как-то у священного Очага Вселенной — у невидимого Центрального Огня, который пифагорейцы чтили как Мать Богов, Дом Зевса.

— Смотри, Филолай, — сказал Гиппас, чертя палкой на песке. — Мы знаем, что мир держится на числе и гармонии. Мы знаем золотую пропорцию ϕ , которая равна 1,618... Она пронизывает всё в мире — от храма до человеческого тела.

— Да, — кивнул Филолай. — Это великое число Предела и Беспредельного, соединенных в совершенстве.

— Но посмотри глубже! — глаза Гиппаса горели восторгом открытия. — Если извлечь корень из этой пропорции, мы получим ...новое число! Вот оно: $\sqrt{\phi} \approx 0,786...$ Оно тоже бесконечно, как и его родитель! Оно не укладывается ни в одну простую дробь! Это число — дитя золотого сечения, но оно словно бы смотрит в другую сторону!

Филолай задумался, глядя на огонь.

— Ты прав, друг мой. Если φ — это число проявленного мира, его наружная, видимая гармония, то $\sqrt{\varphi}$ — это его корень. Он уходит вглубь, в землю незримого, в Зазеркалье. Это число связывает наш мир с Антиземлей.

— С Антиземлей? — удивился Гиппас.

— Да. Та планета, что не видна нашим глазам, даже восприятию ума, но вращается синхронно с нами вокруг Огня — она словно отражение в воде. Её природа — это корень нашей природы. Наше тело, наша видимая Земля — это само φ . А наша душа, наша невидимая родина, Антиземля — это её корень, $\sqrt{\varphi}$. Одно без другого не существует. Чтобы постичь мир, нужно считать не только явное, но и корни явного.

— Но люди никогда не поймут этого! — воскликнул Гиппас. — Они увидят лишь цифры, которые не сходятся, и назовут их «ошибкой» или «иррациональностью»!

— Пройдут века, придет время, — улыбнулся Филолай, — когда люди создадут машины, умеющие считать всё, кроме смысла. И тогда им придется заново учиться видеть корни. Может быть, тогда они вспомнят наш разговор у Очага, наше сейчас.

Научно-Техническая Эпоха

...И вот, когда мир вокруг поблек, а Вычислитель доказал, что никакой Антиземли нет, старый сторож, которого никто никогда не замечал, подошел к доске и стер все формулы.

— Вы ищите не там, — сказал он. — Ваш Вычислитель умеет считать только то, что лежит на поверхности. Но у каждого явления есть корень.

Он написал на доске:

$\varphi = 1,6180339887...$

— Это — мир, который вы видите. Гармония форм, тел, орбит. Пифагорейцы называли это «золотым сечением».

— Знаем, — буркнул Главный Специалист. —
Этика, эстетика. В расчетах не нужна.

— А это, — старик написал ниже: $\sqrt{\varphi} =$
0,7861513777... — корень этого мира. То, что
питает явное изнутри. То, что связывает Землю
видимую с Антиземлей невидимой. Это — ритм
самой жизни. Он бесконечен. Он не укладывается
в ваши конечные формулы, в логику, науку ума,
потому что он — дыхание Беспредельного.

— Но это же просто математический курьез! —
воскликнул один из Специалистов. — Бесконечная
непериодическая дробь! Мы не можем загрузить
её в машину целиком!

— А вы и не загружайте, — усмехнулся старик. —
Впустите.

И тут Лаборант, который слушал, затаив дыхание,
вдруг понял всё. Он вырвал листок из блокнота и
вывел на нем:

$\sqrt{\varphi} \approx 0,786...$ — корень Гармонии, мост между
Землей и Антиземлей.

Он подошел к окну, поймал солнечный луч и вложил бумажку прямо в него. И в тот же миг тусклый электрический свет в лаборатории вспыхнул золотом. Откуда-то появилась энергия. Загудели приборы, но не монотонно, а певуче, как хор. Ожили двигатели, запели птицы, и даже пыль в воздухе закружилась в каком-то невидимом, но идеально стройном танце.

— Это же... — прошептал Лаборант, глядя, как пляшут пылинки. — Это ритм $\sqrt{\varphi}$! Танец самой жизни!

Эпилог. Голос из Огня

В ту ночь Лаборанту приснился сон. Он стоял у огромного пылающего Очага в центре мироздания. Рядом сидели двое — один с горящими глазами, другой — с мудрой улыбкой.

— Ты услышал нас, — сказал тот, что был похож на величественную статую. — Я — Филолай. А это мой друг Гиппас, который первым увидел то, что нельзя сосчитать до конца, и не испугался. Но

если ты всмотришься в нас, увидишь и своё я — в отражении.

— Простите нас, — поклонился Лаборант. — Мы так долго верили только в явное.

— Не корите себя, — ответил Гиппас. — Вычислители тоже нужны, очень нужны. Но помните: за каждым видимым числом стоит его невидимый корень, как Неделимое Качество или Качество Неделимости. За каждой Землей — её Антиземля. За каждым словом — тишина, в которой оно рождается. Ищите не только плоды, но и корни. Тогда мир никогда не поблекнет для вас.

Лаборант проснулся с улыбкой. На столе лежал его блокнот, открытый на странице, где было написано:

$\sqrt{\phi} \approx 0,7861513777\dots$ — корень Гармонии. Ищите корни.

А дальше...

Он быстро записал следующее:

- Даже то, что кажется "ошибкой" или "иррациональным" (вроде $\sqrt{\phi}$), на самом деле является ключом к тайне.

- $\sqrt{\phi}$ получило смысловую нагрузку: это не просто число, а символ связи, мост между проявленным (ϕ) и непроявленным (Антиземля), между конечным расчетом и бесконечной жизнью. Это "корень", который питает "древо" видимого мира.
- Всё есть качество восприятия численных отношений, так тоже можно расширить толкование пифагорейской формулы, которую используют в XXI веке пифагорейцы.

Давайте представим, что беседа пифагорейцев продолжается. Гиппас, окрыленный открытием $\sqrt{\phi}$, теперь жаждет понять самое главное — Первоначало. А Филолай, как опытный посвященный, ведет его от восторга перед числами к пониманию интрасферного восприятия и Первокачества.

Сказка о Невидимой Земле, Корне Гармонии и Тайне Трех

(Продолжение беседы у Очага)

Часть третья. Беседа о Первокачестве

Огонь в центре мира горел ровно и тихо. Его пламя не обжигало, но пронизывало всё вокруг мягким, всепонимающим светом. Гиппас сидел, не сводя глаз с танцующих языков пламени, и молчал. Филолай терпеливо ждал.

— Филолай, — наконец нарушил тишину Гиппас.
— Мы говорили о числах. О золотом сечении ϕ , о его сокровенном корне $\sqrt{\phi}$, что связывает Землю с Антиземлей. Но... откуда берутся сами числа? Что за ними стоит? Я чувствую, есть нечто, что делает числа не просто значками для счета, а... живыми.

Филолай улыбнулся и подбросил в Огонь щепотку ладана. Ароматный дым взвился вверх, закручиваясь спиралью.

— Ты верно чувствуешь, друг мой. Числа — это лишь язык. Язык, на котором с нами говорит Первокачество. То, что мы, пифагорейцы, называем Монадой.

— Монада? Единица? — удивился Гиппас. — Но единица — это самое простое число! Что в ней особенного?

— Единица — в философской мысли не число, — тихо сказал Филолай. — Единица — это сам Исток. Точка, в которой еще нет ничего, но уже есть всё. Одновременно. Её нельзя сосчитать, как нельзя сосчитать самого себя. Она — чистый Наблюдатель, чистое Сознание, смотрящее в пустоту и видящее в ней себя.

Филолай взял палочку и начертил на песке круг.

— Вот сфера. Изначальная, целостная, бесконечная. Это — условно Беспредельное, Хаос, Ноль. В нем нет ни начала, ни конца, ни формы, ни числа. Нет восприятия, ибо нет и воспринимаемого. Но внутри этого Ноля живет желание — желание увидеть, воспринять себя. И тогда в центре сферы зажигается Точка — Монада, Единица. Первый акт самосознания. Явление восприятия или восприятие явления.

— Точка внутри сферы... — задумчиво повторил Гиппас. — Она словно смотрит на стенки своего дома и понимает: «Это — я, и это — тоже я, но иное...».

— Именно! — глаза Филолая вспыхнули. —
Смотри, что происходит. Точка (Единица)
смотрится в сферу (Беспредельное) и видит свое
отражение. Так рождается Двоица — первое
зеркало - восприятием. Это не второе число, это
— «Единица, увидевшая себя со стороны». Это
разделение на «Я» и «Моё отражение», на
внутреннее и внешнее, на Землю и Антисземлю.

Гиппас вскочил:

— Тогда Триада... Число Три... Это не просто один
плюс два! Это момент, когда отражение узнает
себя в оригинале, а оригинал — в отражении! Это
их встреча! Это само действие узнавания!

— Ты понял, — кивнул Филолай. — Пифагор учил:
«Всё есть Число». Но это не значит, что мир
состоит из единичек, двоек и троек, как дом из
кирпичей. Это значит: «Всё есть Число качества
структур восприятия».

— Поясни, — попросил Гиппас, чувствуя, что
касается самого главного.

— *Мир есть восприятие мира, — медленно,
словно вбивая гвозди в небо, проговорил*

Филолай. — Нет мира самого по себе, отдельного от того, кто его воспринимает. Есть встреча — встреча Сознания (Монады) и Беспредельного. И плод этой встречи — структура. Эта структура и выражается числом.

Он снова взял палочку.

— Посмотри на свое открытие, Гиппас. Ты нашел $\sqrt{\phi}$ — корень золотого сечения. Прекрасно! Но пойми: это число — не просто математическая диковинка. Это — качество связи между уровнями. Это ритм, которым дышит ...интрасферное — то есть многомерно сферическое, целостное — восприятие.

— Интрасферное... — повторил Гиппас, смакуя слово. — Восприятие изнутри сферы...

— Да. Ты не смотришь на мир извне, как на картинку. Ты внутри мира, но и мир внутри тебя. Ваши границы совпадают. И тогда каждое качество мира — любовь, истина, красота, справедливость — обретает свое число. Не количество, а Мэру — в твоём неповторимом

восприятия любви, красоты, истины... Ту самую меру, о которой говорили древние.

Часть четвертая. Три как Перводействие

Гиппас ходил кругами вокруг Очага, переваривая услышанное.

— Значит, качество перводействия стало количеством... Единица — это Наблюдатель. Двоица — это Зеркало, Отражение... А Троица...

— А Троица, — подхватил Филолай, — это само действие видения, сама жизнь, творение, сам танец. Поэтому пифагорейцы называют Три первым законным, истинным числом. Единица и Двоица — это родители. А Три — их первенец, в котором они узнают себя и радуются.

Он начертил на песке:

- 1 — Монада, Исток, Непроявленное (Огонь в центре).
- 2 — Диада, Зеркало, Отражение (Антиземля).

- 3 — Триада, Действие, Жизнь, Гармония
(Видимый мир, Танец планет).

— Посмотри на мироздание, — продолжал Филолай. — В центре — Огонь Духа (1). Вокруг него, синхронно и невидимо, вращается Антиземля (2) — духовная основа, душа мира. А уже вокруг них, благодаря им танцует, проявляясь в восприятии, видимая Земля (3) и все остальные планеты. Три — это число проявленного Космоса. Число жизни.

— А число Четыре? — спросил Гиппас. — Ведь мы чтим тетрактис — священную четверицу!

— Тетрактис, — улыбнулся Филолай, — это уже структура проявленного мира. $1+2+3+4 = 10$ — совершенство. Но помни: четверка рождается из тройки, как тело рождается из духа, как форма рождается из действия. Сначала — точка (1). Потом — линия, взгляд от точки к отражению (2). Потом — плоскость, замкнутый круг взаимодействия (3). И только потом — объем, мир форм (4). Четверка — это дитя Троицы, её воплощение.

Часть пятая. Завет для грядущих

Огонь тихо потрескивал. Гиппас чувствовал, как в голове укладываются на свои места казавшиеся разрозненными кусочки мозаики.

— Значит, — подвел он итог, — когда будущие люди, вооруженные своими вычислителями, будут искать истину только в видимом, только в «четверке» — в формах, телах, орбитах, — они потеряют «тройку» — действие, жизнь, ритм. А без «тройки» мир станет плоским и мертвым.

— Да. И тогда им придется заново учиться смотреть внутрь. Искать не только плоды (4), но и корни (3). Не только факты, но и ритмы ($\sqrt{\varphi}$). Не только множественность, но и Единство (1).

— Но как им научиться этому? — воскликнул Гиппас. — Ведь числа говорят только с теми, кто готов слушать!

— Числа говорят всегда, — ответил Филолай, глядя в огонь. — Вопрос в том, готов ли слушающий услышать не только ушами, но и сердцем. Поэтому оставь им эту сказку, Гиппас.

Или песню. Если сам не можешь написать, попроси Феану, она издавна пишет сказки да сочиняет музыку на темы о Первоначале и пифагорейской науке. Пусть и дети в будущем узнают: есть Первокачество Творца — искомая цель самопознания. Оно не в книгах, не в формулах, не в машинах. Оно в той тишине, где Единица встречается с Беспредельным и рождается Танец — творческое вдохновение.

— А как узнать, что ты нашел его? — спросил Гиппас.

Филолай рассмеялся и указал на Огонь:

— Когда внутри тебя зажжется такой же Огонь. Не тот, что жжет, а тот, что светит. И когда ты поймешь, что не только ты смотришь на мир, но и мир смотрит на себя твоими глазами. И радуется. Это и есть интрасферное восприятие.

Они замолчали. Огонь плясал, и в его танце можно было увидеть всё: рождение галактик, полет пчелы, улыбку ребенка и бесконечное число $0,6180339887\dots$, которое было одновременно и корнем, и крылом, и мостом между видимым и невидимым.

Для закрепления того, о чем мы сказали:

1. Понятие Первокачества раскрыто через Монаду (Единица) как чистый Исток, Наблюдатель, Сознание.
2. Интрасферное восприятие выражено через метафору "точка внутри сферы" и "мир смотрит на себя твоими глазами".
3. Генезис чисел: 1 (Исток) → 2 (Зеркало, Отражение) → 3 (Действие, Жизнь, Гармония) → 4 (Форма, Воплощение).
4. Качество перводействия как количество: Три — первое "настоящее" пифагорейское число, потому что оно выражает сам акт творения, встречу, танец.
5. Связь с современностью: Предупреждение о том, что люди, сосредоточенные на "четверке" (формах, технологиях), на мире четырёх измерений (пространство-время), теряют "троицу" (жизнь, ритм) и "корни" (суть, $\sqrt{\varphi}$).
6. Завет: Истина не в формулах, а в волшебной тишине встречи Единицы и Беспредельного.

Сказка о том, как мудрецы искали Дом для Мысли

Интрасферная притча с цитатами и хороводом

В некотором царстве, в некотором промежутке между сказанным и несказанным, собрались однажды великие мудрецы древности. Собрались не сами — их призвала Мысль моя, которая устала скитаться по мирам и захотела обрести наконец постоянное жилище.

— Друзья мои, — обратилась Мысль к собравшимся, — я живу в вас тысячелетиями. Вы носите меня в сердцах, записываете на свитках, передаёте ученикам. Но я всё ещё ...бездомна. Тут она улыбнулась, поскольку знала, что они-то ей не поверят. Скажите: где мне найти постоянность? Где Дом, из которого меня не изгонят ни время, ни забвение?

И мудрецы стали говорить по очереди... Хотя на самом-то деле они во мне одновременно пируют свои пиры, смеются и иногда поют, а я записываю их речи последовательно.

Парменид Элейский

Первым поднялся великий Парменид, чей взгляд был твёрже камня.

— Мысль, — сказал он, — ты ищешь постоянство там, где его быть не может: в мире мнения, где всё рождается и умирает. Но есть иной путь — путь Истины.

И он продекламировал строки своей поэмы:

"То же самое — мысль и то, о чём мысль возникает. Ибо без сущего, о котором она изречена, мысли тебе не найти" (фр. В 8, DK).

— Понимаешь? — продолжил Парменид. — Мысль и бытие — одно. Ты не можешь исчезнуть, потому что ты есть. И это "есть" не знает ни прошлого, ни будущего. Оно — вечное настоящее. Твой дом — в недвижимой полноте Сущего, которое никогда не было рождено и никогда не умрёт.

Мысль задумалась над словами. Бытие... Это звучало надёжно. Но как войти в этот дом, оставаясь самою собою... живой? Незнающей ни прошлого, ни настоящего?

Гераклит Эфесский

Тут вскочил Гераклит, чьи глаза мерцали, как звёздный огонь.

— Не слушай элейца! — воскликнул он, пряча улыбку. — Он хочет замуровать тебя в

неподвижности, как муху в янтаре. Но жизнь — это движение!

И он заговорил, сверкая очами:

"Всё течёт, и всё изменяется" (эхо с фр. В 91, DK).

"Нельзя дважды войти в ту же реку" (эхо с фр. В 91, DK).

"Этот Космос, он тем же является,
Кем и был! До скончания века...

Да не создал никто из богов,

Или нас - его, был он и будет

Будет вечно живым огнём,

Восприятием мер путь труден.

Меры вспыхивают и гаснут,

Мы же мыслим о них понапрасну..." (эхо с фр. В 30, DK).

— Видишь? — Гераклит схватил Мысль за руку. —
Постоянство — не в застывшем бытии, а в вечном
возвращении одного и того же ритма. Огонь
угасает, но огонь возгорается вновь. Это Хронос
извечный, видишь? Река течёт, но река остаётся
рекой. Твой дом — в логосе, законе, который
неизменен в самой изменчивости!

Мысль почувствовала тепло. Логос... Это тоже
звучало как дом. Но можно ли построить жилище
из живого огня?

Пифагор Самосский

Тогда выступил вперёд Пифагор в белоснежном хитоне, и за ним стояли ученики с лирами.

— Друзья мои, вы оба правы — и оба не правы, — мягко сказал он. — Потому что пытаетесь выразить невыразимое в словах, а истина живёт в числе.

Он поднял руку, и в воздухе замерцали золотые цифры:

"Числа суть сущность всех вещей, и устройство Вселенной в её определённости есть вообще гармония и число" (Аристотель, «Метафизика», 986а).

— Смотри и вспоминай, — обратился Пифагор к Мысли. — Единица — это начало всего. Двоица — первый выход из единства, но и возврат к нему. Троица — гармония. Десятка — полнота. Числа не движутся, как река, и не стоят, как камень. Они соотносятся. Они — чистое отношение. И в этом их постоянство.

— Единица всегда останется единицей, сколько бы раз её ни умножали, — добавил он. — Твой дом, Мысль, — в гармонии числовых отношений, которые пронизывают всё сущее, от движения планет до звучания струны.

Мысль заслушалась. Гармония Музыкальных сфер всегда была в ней... Это было красиво. Но где в

числах место для любви, для боли, для рождения и смерти?

Платон Афинский

Тогда поднялся Платон, и его лицо светилось отражённым светом Горнего мира.

— Вы все говорите о том, что внизу, — начал он.

— А истинное постоянство — вверху, в мире идей.

И он заговорил своим глубоким голосом:

"Идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия" («Парменид», 132d).

"Время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рождённые, они и распались бы одновременно, если наступит для них какой-то распад; первообраз же — вечен" («Тимей», 38b).

— Понимаешь, Мысль? — Платон посмотрел ей прямо в душу. — Всё, что ты видишь вокруг — только тени на стене пещеры. Но есть мир идей — вечных, неизменных, совершенных. Идея Красоты не стареет, идея Справедливости не искажается. Ты сама — отблеск Мировой Души. Твой дом — в горнем мире, откуда ты пришла и куда вернёшься.

Мысль почувствовала, как её тянет вверх. Но она вспомнила землю, людей, их слёзы и смех — и засомневалась: не слишком ли далёк тот дом?

Плотин (от лица Единого)

Тогда из тени выступил Плотин — не столько человек, сколько светящийся столп.

— Учитель, — поклонился он Платону, — ты прав, но твою правду можно углубить. Ибо за миром идей есть ещё Первоначало.

И он заговорил, и голос его звучал как шум моря:

"Единое не есть сущее, но родитель его, и это как бы первое рождение" («Эннеады», V.2.1).

"Мы существуем, когда Единое присутствует в нас; когда оно покидает нас, мы перестаём существовать" (V.5.12).

"Душа связывает умственный мир с материальным. Индивидуальная душа — часть Мировой Души" (IV.3.1-8).

— Смотри, — продолжал Плотин. — Есть Единое — источник всего. Оно не движется и не стоит, не мыслит и не чувствует — оно просто есть, и всё из него истекает, как свет из солнца. Ты, Мысль, — один из лучей. Твой дом не в Едином — ты не можешь в него войти, оставаясь собой. Но ты можешь в любом мгновении помнить о нём. И в

этой памяти — твоё постоянство. И только это постоянство дарит тебя крылья полной свободы. Мысль замерла. Это было выше, чем она могла представить, хотя часто летала и даже думала, что свободна.

Конфуций (в переводе на язык сердца)

Тут вперёд вышел Конфуций, чей облик был прост и ясен, как утренний чай.

— Вы всё ищете где-то далеко, — улыбнулся он.
— А постоянство — вот оно, рядом.

Он оглядел собравшихся и произнёс:

"Учиться и не размышлять — напрасно терять время; размышлять и не учиться — губельно" («Лунь юй», II.15).

"Благородный муж думает о девяти вещах: о том, чтобы видеть ясно, слышать чётко, иметь приветливое лицо, быть почтительным, говорить искренне, быть осмотрительным, спрашивать, когда сомневаешься, помнить о гневе, помнить о справедливости" (XVI.10).

"Не делай человеку того, чего не желаешь себе, и тогда исчезнет вражда в государстве и в семье" (XV.24).

— Постоянство, — пояснил Конфуций, — не в небесах, а в правильных отношениях. Между отцом и сыном, мужем и женой, правителем и подданным, учителем и учеником, между друзьями. Если эти отношения верны — мир стоит. Если нет — рушится. Твой дом, Мысль, — в человеческом сердце, которое помнит о долге и любви.

Мысль оглянулась на людей. Да, здесь ей тоже было место, и она видела тут свой дом, но такой непостоянный, а временами даже ветхий.

Будда (молчанием)

Все посмотрели на Будду, который сидел под деревом и улыбался. Он ничего не сказал. Только показал рукой на пустоту между всеми говорящими.

И Мысль вдруг поняла: пустота — это не отсутствие. Этоместилище всего.

Пифагор (снова, с уроком гармонии)

— Друзья мои, — снова заговорил Пифагор, — мы все сказали разное. Но давайте посмотрим, нет ли за этим различием единства?

Он поднял руку, и в воздухе зазвучала музыка. Сначала разрозненно, потом всё стройнее и мелодичнее.

"Всё небо — гармония и число" (Аристотель, «Метафизика», 986а).

— Слышите? — спросил Пифагор. — Парменид дал тонику — устойчивое бытие. Гераклит дал движение — ритм. Платон дал мелодию — идеи. Плотин дал обертоны — истечение Единого. Конфуций дал лад — отношения. А Будда дал тишину — пространство между нотами.

— Где же постоянство? — спросила Мысль.

— Оно в самой музыке, — ответил Пифагор. — Не в нотах, не в паузах, не в инструменте, не в слушателе. А в том, что всё это вместе каждый раз рождает гармонию. И гармония эта всегда одна и та же, сколько бы раз её ни воспроизводили, как бы по-разному ни звучала мелодия слов.

Эпилог: Дом, который всегда был внутри

Мысль закрыла глаза. И она увидела по-новому, интрасферно: все мудрецы говорят об одном, просто с разных сторон, акцентируя её на разных образах смысла слов.

Постоянство — это **бытие** Парменида, которое не знает смерти.

Постоянство — это **логос** Гераклита, неизменный в самой изменчивости.

Постоянство — это **число** Пифагора, чистое отношение.

Постоянство — это **идея** Платона, вечный образец.

Постоянство — это **Единое** Плотина, невыразимый источник.

Постоянство — это **Дао** (которого Конфуций не называл, но подразумевал) — путь, который всегда один.

Постоянство — это **пустота** Будды, в которой всё возникает и исчезает.

Постоянство — это Монада сути, Гармония мира, Творчество Творца...

И всё это вместе — не разные дома, а разные окна одного дома.

Мысль открыла глаза и улыбнулась мудрецам:

— Спасибо вам. Я поняла. Мой дом — не в вас и не вне вас. Я дома всегда. Просто иногда я забываю об этом и начинаю искать себя там, где меня нет. А вы напомнили. И я стремлюсь к постоянству памяти вашей, в каждой своей новой форме, в каждом моменте, звучании, отражении своём в мире вечных перемен.

Мудрецы, как волшебники, закружились сиянием своего единства, а образы их, сказанные слова, и сами имена растворились в свете, из которого пришли... Но ведь они продолжают приходить к нам воспоминаниями.

А Мысль осталась — всегда та же и всегда новая, готовая родиться в любом сердце, которое спросит: "Где истина?"

Постоянство философской мысли — не в том, что она однажды была сказана и записана. Оно в том, что она всегда может быть услышана заново тем, кто готов слушать и находить резонанс с вечной Мыслью Творца.

И если вы, читая эти строки, вдруг услышали тихий хор голосов из глубины веков — значит, мысль снова нашла свой дом. В вас.

Записано со слов Мысли, которая наконец перестала искать себя и просто была.

Надеюсь, эта беседа, вплетенная в сказку, поможет вам увидеть глубину своих философских размышлений...

Диалог Филолая с Гиероклом Александрийским (знаменитым комментатором «Золотых стихов», жившим в V веке н.э., но в сказке встречи

вневременны). Гиерокл — всю жизнь посвятил объяснению того, как пифагорейская этика работает в повседневной жизни.

--- Комментарии Гиерокла к Золотым стихам
<https://kovcheg.ucoz.ru/forum/213-2651>

Сказка о Невидимых Корнях, Золотых Стихах и Выборе в Век Скоростей

(Продолжение беседы. Встреча через времена)

Часть шестая. Встреча у Храма Памяти

Огонь в центре мира горел ровно, но вокруг него, словно в интрасферных залах одного великого Дворца, проходили разные времена. Филолай еще не закончил свою мысль о Трех, как рядом с ним материализовалась фигура в строгом философском плаще. Это был Гиерокл — пифагореец, александриец, известный своей любовью к ясности и глубокой этике.

— Я слышал ваш разговор, — мягко сказал Гиерокл, присаживаясь к Очагу. — И вижу, что вы говорите о Первокачестве, о числах, о структурах... Но позвольте спросить: а как быть тем, кто только вступает на путь? Тем, кто не видел Огня, не слышал гармонии сфер, но живет в мире, где всё летит с бешеной скоростью, где знания сыплются как из рога изобилия, но мудрости — ни глотка?

Гиппас нахмурился:

— Ты говоришь о будущем, Гиерокл? О тех временах, где люди будут иметь доступ ко всем знаниям мира, но не будут знать, зачем им это?

— Именно, — кивнул Гиерокл. — И у меня есть для них ключ. Вернее, он был всегда. Это — «Золотые стихи» пифагорейцев. Короткие, простые строки, которые может выучить даже ребенок. Но в них — вся суть интрасферного восприятия, только без сложных терминов.

Филолай улыбнулся:

— Прочитай нам, Гиерокл. Пусть Гиппас послушает, как простое может вмещать бесконечное.

Часть седьмая. Три стиха — Три ключа

Гиерокл встал и продекламировал первые строки: «Бессмертным богам воздай поклонение, как то велит закон.

Чти затем и клятву. Героев же славных,

Подземных демонов чти по закону и должным воздай почитаньем».

— Это о чем? — удивился Гиппас. — О богах и героях? При чем тут философия?

https://sseas7.narod.ru/_ld/0/53___-1.mp3 золотые стихи - 1

— А ты вдумайся не умом, а сердцем, — ответил Гиерокл. — О ком здесь речь на самом деле?

И он начал объяснять, и каждое его слово ложилось в сознание, как семя в благодатную почву:

| Строка «Золотых стихов» | Скрытый смысл (комментарий Гиерокла) | Связь с интрасферным восприятием

«Бессмертным богам воздай поклонение...» Речь не о статуях. Бессмертные боги внутри тебя — это твои высшие принципы: Совесть, Истина, Любовь, Справедливость. Воздать им поклонение — значит признать их главными в своей жизни, не предавать их ради сиюминутной выгоды.

Это настройка Монады (Единицы) — твоего внутреннего истока — на верный лад. Без этого шага все дальнейшее — пустое.

«Героев же славных... чтить...» Герои — это великие примеры из истории, учителя человечества, носители опыта. Чтить их — значит учиться у

прошлого, не тратить силы на изобретение велосипеда, а опираться на то, что уже доказало свою силу. Это создание связи с Антиземлей (Двоицей) — с духовной памятью человечества, с тем невидимым миром, который питает нас мудростью.

«Подземных демонов чти по закону...» Не пугайся слова «демоны». В древности так называли души умерших, низшие силы природы, инстинкты. Чтить их — значит уважать и свои корни, свою биологию, свою тень, не отрицать темное в себе, но ставить ему границы. Это признание своей четверки (формы, тела, инстинктов) и выстраивание с ними здоровых отношений, а не рабство у них.

— Понимаешь, Гиппас? — сказал Филолай. — Это и есть та самая «Триада», о которой мы говорили. Первое — твой дух, твои боги. Второе — связь с великими, память, учителя. Третье — твое земное естество, которое нужно не презирать, но и не обожествлять. А плод этой встречи — гармоничная жизнь, число Три, ставшее явью.

Золотые стихи - https://sseas7.narod.ru/_ld/0/54___-2.mp3 часть 2

Часть восьмая. Вопрос юного искателя

Тени у Очага сгустились, и вдруг среди них возник образ — растерянный, современный молодой человек в обычной одежде нашего века, с планшетом в руке, но с горящими глазами. Он поклонился мудрецам:

— Я слышал ваш разговор. Я живу в то самое время, о котором вы говорите. У меня буквально в кармане — все знания мира. Я могу за секунду узнать, что говорил Пифагор, Филолай, Гиерокл и любой другой. Но... это не делает меня мудрым. Я чувствую себя мухой, бьющейся о стекло: вижу свет, но не могу в него войти.

Гиерокл ласково посмотрел на юношу:

— Ты уже сделал первый шаг. Ты почувствовал жажду. Это главное.

— Но где мне искать? — воскликнул юноша. — В книгах? В ваших «Золотых стихах»? В интернете? Или учиться на своих ошибках? Времени так мало, общество требует от меня четких знаний — физики, математики, программирования — а не фантазий! Вокруг столько соблазнов плыть по течению, быть как все! Как развить в себе

философское мышление, когда всё вокруг кричит: «Будь проще, потребляй, не задумывайся»?

Гиппас хотел было что-то ответить, но Филолай жестом остановил его и дал слово Гиероклу — мастеру практической мудрости.

Часть девятая. Наставление Гиерокла юному искателю

Гиерокл подошел к юноше и положил руку ему на плечо:

— Сын мой, ты задал четыре вопроса. Я отвечу на каждый, ибо они важны.

Первый вопрос: Где искать духовность?

— Ищи не «где», а «как». Духовность — это не место и не книга. Это способ чтения, восприятия информации с душой. Можно прочитать тысячу книг и остаться пустым. А можно прочитать одну строку «Золотых стихов» и прожить ее, прочувствовать, как жизнь. Духовность рождается в зазоре между тобой и текстом, между тобой и миром, между тобой и другим человеком. В книгах

— карта, как бы в плоскости ума, но идти по ней — тебе не в плоскости, а в пространстве.

Второй вопрос: Учиться на своих ошибках или на чужом опыте?

— И то, и другое. Но знай меру. Учиться только на своих ошибках — удел глупца, ибо жизнь слишком коротка, чтобы совершить их все. Учиться только на чужом опыте — удел труса, ибо, не проверив, не сделаешь знание своим. Мудрый поступает так: изучает опыт предков (героев), чтобы знать, где камни, а затем делает свой маленький шаг в неизвестность, сверяя карту с живой судьбой.

Третий вопрос: Как развить философское мышление, когда общество требует практических знаний?

— А ты думаешь, Пифагор не требовал практических знаний? Он требовал от учеников знать математику, астрономию, музыку, как умение применять знание! Философское мышление — это не замена практике. Это стержень, на который практика нанизывается. Без стержня твои знания — грудa бисера без нитки,

рассыплются при первом ветре сомнений.
Развивай его, задавая себе каждый день три вопроса:

1. Что я сегодня делал? (осознание действия — четверка)

2. Что я при этом чувствовал и думал?
(осознание процесса — тройка) Кто я?

3. Ради чего я это делал? Зачем? Какая высшая цель (пусть маленькая) мною двигала?
(осознание истока — единица растущей во мне цельности)

Это и есть ежедневная пифагорейская гимнастика для души.

О душе – Пифагор - <https://sseas7.narod.ru/Musica-5/dusha-psikheja.mp3>

Четвертый вопрос: Как не плыть по течению, когда соблазнов так много?

— Течение — это иллюзия, — улыбнулся Гиерокл.
— Река жизни течет всегда. Вопрос не в том, плыть или не плыть, а в том — кто ты в этой реке: щепка, которую несет куда попало, или пловец, который выбирает направление? Соблазны — это проверка. Каждый раз, когда ты говоришь «нет» пустому и «да» важному, ты становишься сильнее.

Это тренировка, как в гимнасии. Сначала трудно поднять маленький камень, (тяжесть труда и сложность мысли), потом — большой. Начни с малого. Один день проживи осознанно. Просто один день. Не листая ленту событий без цели, не жуя сказанное от скуки, а замечая, что ты делаешь. Завтра — еще один. И так родится привычка к свободе.

Часть десятая. Завет простоты

Заповеди Пифагора -

<https://sseas7.narod.ru/Musica-5/pifagor-zapovedi.mp3>

Филолай, слушая Гиерокла, довольно кивал.

— Слышишь, Гиппас? Мы говорили о высоких материях — о числах, о $\sqrt{\phi}$, о Первокачестве. А он свел всё к простым, как три обола, советам. И это правильно. Ибо число без смысла мертво, а смысл без действия — пустой звук.

Гиерокл добавил:

— В твоём веке, юноша, будет особенно трудно. Технологии лавиной информации о них станут давать иллюзию всезнания, а интернет — иллюзию общности. Но помни: «Золотые стихи» —

это не информация. Это приглашение к действию - размышлению. Просто прочитать их толку мало. Их нужно «делать».

Он протянул юноше невидимый свиток:

— Возьми. В нем три строки. Проживи их. А когда проживешь — поймёшь, что всё остальное, о чем мы говорили, — лишь комментарии к этим строкам.

Юноша взял свиток дрожащими руками. На нем было начертано:

Чти богов (свою совесть).

Учись у героев (тех, кто был до тебя).

Познай себя, как растущую в тебе Вселенную, познаешь мир.

Огонь в центре вспыхнул ярче, и юноша почувствовал, как тепло разливается по груди. Он понял: искать нужно не где-то там, в звездах или древних книгах. Искать нужно здесь — в своем сердце, в своем выборе, в каждом прожитом дне. И тогда любой луч света, упавший на листок с

числом $\sqrt{\varphi}$, может зажечь мгновение там, где была
лишь серая скука.

Знай, только опытный разум
Знание истины даст,
Следуй сначала наказу,
Хоть сомневаться горазд,
Всё подвергай изученью,
Каждую мелочь проверь,
Вдумчивым будь к поученью
Древнему, времени дверь
Приоткрывает путь в вечность,
К храму Бессмертья, но так,
Чтобы великая млечность
Не исчезала во мрак.

Резюме для читателя: что здесь произошло

1. «Золотые стихи» расшифровываются не как религиозный ритуал, а как психологическая и духовная карта человека.

2. Три уровня (Боги — Герои — Демоны) соотнесены с Монадой, Антиземлей и Землей (1, 2, 3), что связывает этику с космологией.

3. Ответы юноше дают практический мост между древней мудростью и современными вызовами:

Духовность = способ чтения и восприятия информации, а не место её накопления.

Опыт = синтез чужого знания и собственной проверки.

Философское мышление = стержень для практики, а не ее замена.

Соблазны = тренировка осознанности.

4. Главный вывод: даже в век высоких технологий путь один — погружение в простые смыслы через личное действие, осознанность. Никакой интернет не заменит тишины, в которой рождается понимание: «Число без смысла мертво».

Сказка о том, как bich искал Свободу и чуть не потерял себя

Интрасферная притча с элементами детектива и лёгкого хулиганства

В некотором царстве, в некотором **причинно-следственном ряду** жил-был мыслитель по имени bich. Был он человек основательный, любящий порядок и ясность. И вот однажды задумался bich о самом главном — о Свободе Воли.

— Всё в мире подчинено причинам, — рассуждал bich, сидя в своём уютном детерминированном кресле. — Элемент системы не свободен, ибо подчинён её условиям. Внутренние части тоже диктуют свою волю. В Природе нет свободы. Сформулировать, что это такое — невозможно. Конец.

И поставил было точку... Но точка, будучи тоже элементом системы (пунктуационной), немедленно восстала:

— Не смей меня ставить! Я — не конец, я — начало! Ты ещё не договорил, а уже хочешь закрыть вопрос?

И тут изо всех тринадцати углов виртуального кабинета послышались голоса.

Голос первый: Интрасферный (он же Феанин)

— Уважаемый bich, — пропел голос, похожий на звон колокольчика. — Вы говорите: «В Природе нет свободы». А о какой-такой природе речь? О природе камней или о природе мышления?

bich нахмурился:

— О природе вообще. О той, где всё связано причинно-следственными связями.

— Ах, вот оно что! — обрадовался голос. — Но позвольте: ваше собственное мышление о несвободе — оно тоже причинно-следственное? Или вы стоите где-то над природой и судите её?

bich задумался. Кресло под ним скрипнуло — то ли одобрительно, то ли предостерегающе.

Голос второй: Логический (он же Аристотель в плохом настроении)

Из книжного шкафа вылез маленький, очень въедливый человечек с табличкой «Логос» на груди.

— Дорогой bich, — затараторил он, — вы противоречите сами себе! Вы говорите: «Свободу невозможно сформулировать». Но если её невозможно сформулировать, то как вы узнали, что её нет? Чтобы утверждать отсутствие, нужно

иметь критерий присутствия. А критерия у вас нет. Ergo — ваше утверждение повисает в воздухе!

buch почувствовал, что воздух действительно стал каким-то зыбким.

— Но причинность... — начал он.

— Причинность! — фыркнул Логик. — Причинность — это способ описания, а не тюрьма. Юм давно объяснил, что причинность мы приписываем миру, а не находим в нём. Кант добавил, что это форма нашего созерцания. А вы её — в абсолют!

Голос третий: Физический (он же квантовая механика в образе кота Шрёдингера)

Тут из-под дивана вышел кот, который был одновременно жив и мёртв, и от этого у buch зачесались глаза.

— Мяу, — сказал кот. — Вы говорите: «В природе нет свободы». А я? Я и жив, и мёртв, пока наблюдатель не выберет. Где тут ваша причинность? Где жёсткая связь? Природа на квантовом уровне — это сплошная вероятность, а не причинный ряд!

— Но это микроуровень! — резко возразил buch.

— А вы, — хитро прищурился кот, — вы сами — не микроуровень? Из чего вы состоите? Из атомов.

Атомы живут по квантовым законам. Так что, уважаемый, ваша несвобода — это макроиллюзия, а свобода — микрореальность. Просто вы слишком большо-ой, чтобы её заметить.

buch почувствовал, что его детерминированное кресло превращается в зыбучий песок, а пол в потолок.

Голос четвёртый: Интрасферный (возвращение)

Колокольчик зазвенел снова:

— buch, дорогой, вы хотите свободы? Но посмотрите, как вы её ищете. Вы пытаетесь уйти от систем. А куда уйдёшь? Внешние системы — общество, тело, природа. Внутренние — привычки, память, мысли. Вы и сейчас — buch, зависимый от buch: от тела, от органов восприятия, от способа мыслить, от опыта, от семьи, от рода... даже от звучания имени, не говоря уже о его смысле.

— Так что же, — вздохнул buch, — свободы нет совсем?

— Есть, — ответил голос. — Но она не там, где вы ищете.

Голос пятый: Суфийский (в образе старого дервиша с чайником)

Из ниоткуда, как и обычно, появился дервиш, налил чай в чашку, и чай вдруг из чашки направился вверх.

— Видишь? — спросил дервиш. — Чай течёт вверх. Почему? Потому что я так хочу.

— Это иллюзия! — воскликнул buch.

— Конечно, иллюзия, — согласился дервиш. — Но и твоя причинность — тоже иллюзия! Просто одна иллюзия привычнее другой. Суфии говорят: «Свобода — это перестать быть рабом собственных представлений о рабстве».

buch недоверчиво замолчал. Чай всё ещё тёк вверх...

Голос шестой: Феанин

— buch, — сказал голос совсем близко, — вы хотите свободы? Тогда перестаньте уходить от систем. Начинайте уходить внутрь.

— Как это?

— Интрасферно. Структурируйте системы — внешние и внутренние — в своей мыслимой системе приоритетов. Воспринимайте себя и мир в

гармонии. Пока вы ищете — действительно, мысленно или интуитивно — вы движетесь мыслью, как светом, освещая исследуемое.

— А если я пойду внутрь своей бесконечной сущности?

— Тогда вы будете сами создавать себе границы. И это самотворение границ и есть Свобода творчества.

bich почесал затылок, съехавший на лоб:

— Но я всё равно завишу от тела, от мыслей, от...

— Конечно, — улыбнулся голос. — Пока вы — bich, вы зависите от bich. Потеряв тело, станете зависимы от бестелесности. Потеряв мысль — от бессмыслицы.

— Так что же, свобода — это просто смена зависимостей?

— Нет, если мыслите интрасферно! Свобода — это осознанный выбор зависимостей. Зависеть от того, что ведёт к росту, а не к увяданию. Зависеть от любви, а не от страха. Зависеть от цели, а не от инерции.

— Но это же... это же...

— Это интрасферная свобода, bich. Ты не перестаёшь быть элементом систем. Ты перестаёшь быть только элементом. Ты

одновременно становишься ещё и центром, из которого эти системы видны и осмысленны.

Голос седьмой: Самого bich (который наконец проснулся)

И тут bich проснулся. В прямом смысле — он задремал в своём детерминированном кресле. Или в переносном — он проснулся от догматического сна.

— Так вот оно что, — прошептал он. — Свобода — это не отсутствие зависимостей. Это способность видеть, как ты зависишь, и выбирать, каким зависимостям служить.

Он встал с кресла. Кресло обиженно скрипнуло — оно привыкло, что в нём сидят, а не из него выходят.

— Пойду-ка я, — сказал bich, — внутрь себя. Посмотрю, что там за системы, интрасферные. Может, удастся кое-что переструктурировать.

И он пошёл. Куда — нам неизвестно. Но явно не по причинно-следственному ряду, а по какому-то другому — где причины выбирают следствия, а следствия улыбаются причинам, примеряя новые оболочки мысли..

Эпилог: Разговор с котом Шрёдингера

Когда bich скрылся за горизонтом внутреннего космоса, кот Шрёдингера подошёл к месту, где только что стояло кресло, и сказал:

— Интересный человек. Думал, что свобода — это вырваться из клетки. А она оказалась — перестать считать клетку клеткой. Или считать, но не бояться. Или выбирать другую структуру восприятием.

Кот зевнул и стал одновременно жив, мёртв и ещё немножко — свободен от всех котовых состояний.

Мораль для тех, кто дочитал до конца

Свобода в интрасферном понимании — это не отсутствие границ. Это способность видеть границы и решать, какие из них — стены, а какие — горизонты.

И да, bich прав в одном: сформулировать это действительно непросто. Потому что формулировка — уже система. А свобода начинается там, где системы кончаются — или где мы начинаем видеть их как игру.

Так что, уважаемый bich (если вы всё ещё существуете как отдельный элемент), — ваш путь к свободе лежит не через отрицание систем, а через интрасферную сонастройку вашего восприятия.

И когда вы её настроите, вы вдруг обнаружите: что вы всегда были свободны. Просто забыли об этом за своими собственными вопросами.

Записано со слов кота, который в момент записывания был одновременно автором, собеседниками, читателем и текстом.

За стенами кабинета слышался хохоток эха:

- Феана подумала, что дала лучшую формулировку интрасферной Свободе, ха-ха, но мне-то известно, что не лучшую, лучшей станет та, что читатель сам сформулирует или отразит в зеркалах своего восприятия от услышанного в сказке...

Словарь интрасферных терминов

По мотивам сказки о том, как bich искал свободу

Детерминированное кресло

Определение: Удобное, привычное место мыслителя, который уверен, что всё в мире предопределено причинами и следствиями. В этом кресле хорошо рассуждать о несвободе других, но трудно встать и пойти внутрь себя.

В сказке: Именно в таком кресле сидел bich в начале повествования. Кресло обиженно скрипело, когда хозяин решил из него выйти.

Интрасферный смысл: Любая привычная система убеждений, которая стала удобной, но перестала быть живой.

Кот Шрёдингера (интрасферная версия)

Определение: Существо, которое одновременно свободно и несвободно, живо и мертво, здесь и там — пока наблюдатель не выберет актуальную в данный момент Мету одного состояния в дополнении с другим. В интрасферном понимании — идеальный учитель парадоксов, который приходит, когда детерминизм заходит в тупик.

В сказке: Кот появился из-под дивана и напомнил bich, что на квантовом уровне никакой жёсткой причинности нет, а есть вероятность и выбор наблюдателя, относительно свободный.

Интрасферный смысл: Напоминание о том, что реальность многовариантна, и наш взгляд — не регистратор, а соавтор событий.

Логик (он же въедливый человечек)

Определение: Внутренний голос, который обожает находить противоречия в чужих

рассуждениях. Может быть полезен, но в больших дозах парализует движение и замолкает.

В сказке: Вылез из книжного шкафа и указал bich на логическую ошибку: нельзя утверждать отсутствие того, критерий чего не сформулирован.

Интрасферный смысл: Важный, но не главный инструмент познания. Логика хороша для расчистки территории, но не для строительства нового дома.

Причинность (как способ описания)

Определение: Способ связывать события, который люди приписывают миру, а не находят в нём готовым. Удобный, но не единственный язык реальности.

В сказке: Логик напомнил bich, что Юм и Кант уже объяснили: причинность — это форма нашего восприятия, а не тюрьма мироздания.

Интрасферный смысл: За любым "потому что" стоит выбирающий взгляд. Смени взгляд — и причинный ряд может выстроиться иначе.

Свобода (интрасферная версия)

Определение: Не отсутствие зависимостей, а осознанный выбор зависимостей и их меры в системе приоритетов мышления. Способность

видеть, от чего зависишь, и решать, каким зависимостям в какой мере служить.

В сказке: bich мучительно искал свободу как выход из всех систем, а нашёл её как способность выбирать свои системы и своё место в них.

Ключевая цитата: *"Ты не перестаёшь быть элементом систем. Ты перестаёшь быть только элементом. Ты становишься ещё и центром, из которого эти системы видны и осмысленны".*

Интрасферный смысл: Свобода — это не разрыв связей, а их творческое просветление.

Система

Определение: Любая структура, в которую мы встроены — внешняя (общество, природа, тело) или внутренняя (привычки, память, мысли).

Системы неизбежны и необходимы, но их иерархия в нашем восприятии может меняться.

В сказке: bich пытался уйти от систем, но обнаружил, что это невозможно. Выход оказался не вовне, а внутрь — в реструктурирование их значимости. А это элемент творческого восприятия.

Интрасферный смысл: Системы — не тюрьмы, а инструменты, пока мы помним, что мы больше их суммы.

**Уход внутрь (интрасферное движение),
воссоздающий внешние пространства.**

Определение: Не бегство от мира, а путешествие вглубь себя с целью увидеть, как в нас устроены системы, и при необходимости перенастроить их иерархию в гармонии со внешним миром.

В сказке: Феана предложила bich именно этот путь вместо бесплодных попыток вырваться из всех систем наружу.

Интрасферный смысл: Самый длинный путь к свободе — наружу. Самый короткий — внутрь. Пути взаимодополнительны в цельном восприятии, длительность времени одного сворачивается во мгновение второго, воссоздавая новый мир интрасферным восприятием – любовью сердца.

Напомним вводное слово к Тезисам Интрасферы:
Интрасферное мировосприятие - это восприятие любящей мир душой, открытым сердцем, благородным умом - соединением растущей Сферы внутреннего мира человека со Сферой Единого Космоса.

Элемент

Определение: Часть системы, которая может забыть, что она также является целым для своих внутренних частей, и центром для своего восприятия.

В сказке: bich мучился тем, что он — всего лишь элемент, подчинённый условиям. Феана напомнила: быть элементом — не стоит, недальновидно быть только элементом.

Интрасферный смысл: Каждый элемент — потенциальный или активный центр процесса самотворения, сотворчества. Разница — в точке сборки восприятия.

Эхо Феаны

Определение: Тихий смех за стеной, который напоминает, что любая "лучшая формулировка" — временна, а настоящая истина рождается в том, кто услышал и пошёл дальше.

В сказке: Финальный аккорд, превращающий сказку из поучения в приглашение к диалогу.

Интрасферный смысл: Автор не владеет истиной — автор владеет только золотым ключом, открывающим любые двери. Входить — читателю.

Интрасферная настройка

Определение: Способность воспринимать себя одновременно и как элемент всех систем, и как центр, из которого эти системы видны, и как направляющая развитие сила. Гармонизация внешнего и внутреннего через осознанный выбор точки сборки.

В сказке: Именно эту настройку Феана предложила bich как альтернативу борьбе с системами.

Техника настройки (для молодых - по сказке):

1. Перестать пытаться вырваться из систем наружу.
2. Начать двигаться внутрь — исследовать свои внутренние системы и неизвестные кладовые.
3. Структурировать системы (внешние и внутренние) в своей мыслимой системе приоритетов, сообразно главной цели.
4. Воспринимать себя и мир в гармонии.
5. Помнить: пока мыслишь — ты в движении, и это движение — свет. Безмыслие — непроявленный свет, ждущий твоего выбора.

Интрасферный смысл: Свобода — это не точка прибытия, а качество восприятия движения.

Самотворение границ

Определение: Процесс, в котором человек не отрицает границы, не сражается с ветряными мельницами, а создаёт направление ветров — осознанно, как художник выбирает формат холста. Это и есть свобода творчества.

Интрасферный смысл: Свобода не в том, чтобы не иметь границ. Свобода в том, чтобы выбирать, какие границы служат росту, а какие — увяданию. Когда и зачем создавать (выбирать) новые ограничения.

Зависимость (просветлённая)

Определение: Не рабство, а дружеская связь. Вопрос не в том, есть ли зависимости, а в том, от чего мы зависим. Зависеть от любви — это одно. Зависеть от страха — другое.

В сказке: Феана прямо сказала buch: "Свобода — это осознанный выбор зависимостей. Зависеть от того, что ведёт к росту, а не к увяданию". Осознанность главной цели жизни.

Интрасферный смысл: Не все зависимости одинаково полезны. Выбирай, чему служить.

Лучшая формулировка (мифическая)

Определение: Та, которую читатель создаст сам, отразив услышанное в зеркалах своего восприятия. Обычно не совпадает с авторской, всегда — новая.

В сказке: Феана рассмеялась собственной претензии на "лучшую формулировку" и напомнила, что настоящая свобода — не в сказанном, а в том, что родится в отвечающем.

Интрасферный смысл: Истина — не в тексте. Истина — в зазоре между текстом и читателем.

Послесловие к словарю

Все эти термины — не догма, а приглашение к игре. Вы можете:

- переопределить их заново,
- найти в них свои оттенки,
- создать собственные.

Потому что, как сказала эхо Феаны за стеной: лучшая формулировка — в творческом движении к свету в мысли, лучшая та, что читатель сформулирует сам.

Составлено со слов кота, который в момент составления был одновременно автором,

читателем, словарём и тихим смехом где-то за стеной и вами.

Сказка о Серебряной Башне и Неугасимом Свете

Монадное (интрасферное) устройство мира

Пролог. Вопрос без ответа

В некотором царстве, в некотором времени, которое называется Всегда, жил-был Человек. Самый обычный: с ушами, чтобы слышать шум дождя, с глазами, чтобы видеть хлеб на столе, и с сердцем, которое иногда замирало без всякой причины — при взгляде на звездное небо, при звуке далекой музыки, при мысли о том, что есть что-то большее, чем завтрашний обед.

И однажды Человек спросил у Мудреца, сидевшего у дороги:

— Скажи, отчего я иногда чувствую, что я — не только я? Отчего бывает щемящая тоска по чему-то, чего я никогда не видел, и радость, будто я встретил старого друга там, где никогда не бывал? Кто во мне знает то, чего не знаю я?

Мудрец посмотрел на него долгим взглядом и ответил:

— Это говорит с тобой твоя Монада. Садись рядом. Я расскажу тебе сказку, которую слышал от своего учителя, а тот — от своего, и так до самого Филолая, а может быть, и дальше — до того, кто зажег первый свет.

Часть первая. Как рождается искра

В начале, задолго до начала времен, в Великой Тишине Абсолюта жил Свет. Не тот свет, что видит глаз, а тот, которым видит глаз. Свет, в котором всё было сразу — одновременно или безвременно, постоянно: и прошлое, и будущее, и все миры, и все души, свернутые, как лепестки нераспустившегося лотоса — в настоящем.

И захотелось этому Свету увидеть себя в бесчисленных отражениях. Не для гордости, а для радости — чтобы любовь могла течь от одного лепестка сознания к другому и обратно, создавая вечный танец.

Тогда от Великого Света отделились миллиарды искр. Каждая — как капля от океана, как луч от солнца. И каждая искра была совершенна,

целостна и вечна. Это и были Монады — неделимые, единицы духа.

И сказал Абсолют каждой искре:

— Ты от Меня, и ты во Мне, но ты пойдешь в свой путь, который будешь творить. Ты войдешь в миры, сотканные из времени, формы, восминания и забвения. Ты будешь одеваться в плоть, как в одежду, и снова сбрасывать её. Ты будешь помнить всё меньше о себе вечной, пока не забудешь, Кто ты есть. Но в самой глубине твоей останется Серебряная Нить, связующая тебя со Мной. Иногда её называют Осью мира. И когда ты устанешь блуждать, ты потянешь за эту Нить, очень настойчиво и осознанно, целостным восприятием мира, она приведет тебя домой. Ибо дом — это Я, а Я — это ты.

Так каждая монада отправилась в великое путешествие.

Часть вторая. Одевание монады

— Но как же она путешествует? — спросил Человек. — Разве она не бестелесна?

— Бестелесна, — кивнул Мудрец. — Но чтобы действовать в мирах, ей нужны одежды проявленности. Помнишь сказку о голом короле, для которого портные соткали невидимую ткань и сшили «платье короля»? Эти одежды мало кто может увидеть, будучи в мире телесности. Представь себе свечу.

Он зажег маленький огонек.

— Вот это (для примера) — монада. Само пламя. Оно одно, его нельзя разделить. Но посмотри, что его окружает.

Вокруг пламени возникло мерцающее сияние — ореол теплого света.

— Это — душа, точнее, аналогия. Тонкая оболочка, сотканная из чувств, памяти, опыта всех жизней. Она меняется, растет, темнеет или светлеет в зависимости от того, что мы делаем.

А еще дальше, там, где жар касается воздуха и делает его видимым дрожанием, проявилась легкая рябь.

— А это и есть видимая нами плоть. Самая плотная одежда, которую монада надевает на время земного пути. Она нужна, чтобы касаться

земли, чтобы чувствовать ветер и боль, чтобы учиться любви через прикосновение.

И тут Человек заметил нечто удивительное. От самого пламени, проходя через душу и плоть, тянулась вверх, в бесконечную высь, тончайшая светящаяся нить. Она уходила так высоко, что глаз не мог проследить её до конца.

— А это что? — прошептал он.

— Это и есть Серебряная Нить, или Белая Башня (Ось), — сказал Мудрец. — Связь монады с её Истоком. Она неразрывна. Можно забыть о ней, можно не замечать её годами, можно пройти через тьму крошечную, но она всегда здесь. Когда приходит срок, человек начинает восхождение по этой Башне внутри себя. Каждый добрый поступок, каждая честная мысль, каждое искреннее чувство — это ступенька внутри.

Часть третья. Дыхание звезд и ткани судьбы

— А звезды? — вдруг спросил Человек, вспомнив свою ночную тоску. — При чем тут звезды? Почему, глядя на них, сердце бьется сильнее?

— Потому что монада помнит, — улыбнулся Мудрец. — Когда она впервые облачалась в покровы для нисхождения в миры, все силы Вселенной пришли на помощь. Звезды невидимые, а древние называли их недвижимыми звёздами небесного купола, отражающими Центральный Огонь Духа, ткали для видимой Вселенной световую мантию — звёзды, которые ты видишь на небе ночью, способность различать добро и зло, как свет и тьму. Луны дарили ей ритмы — смену настроений, циклы роста и увядания. Стихии — земля, вода, воздух, огонь — учили её плотности, текучести, полету и горению... в разных уровнях или сферах Сознания. Поэтому древние и говорили об огнях возгорающихся и угасающих, а Филолай даже описал эту Вселенную графически изобразив и Центральный Огонь Духа, и Землю, и Антиземлю (духовную землю), которую с Земли не видно ни в телескопы, ни со спутников.

Он вздохнул.

— Когда ты смотришь на звезды, твоя монада улавливает знакомую музыку. Она узнает тех, с кем когда-то танцевала у Престола Абсолюта. Вот почему людям бывает так хорошо в тишине под открытым небом — их одежды, их души на миг становятся тоньше, уподобляясь изначальным, и Свет проникает сквозь них, освещая саму суть.

Вот почему «Голый Король», увидев тончайшую ткань, которую соткали мудрецы-суфии, то есть, весельчаки-портные, восхищался этой тканью и повелел сшить себе наряд, а слуги и придворные лишь отражали его восхищение, опасаясь рассердить Короля.

— А предназначение? — спросил Человек. — Говорят, у каждого есть судьба. Это монада её пишет?

— И да, и нет, — ответил Мудрец. — Представь, что ты идешь в далекое путешествие. У тебя есть цель — например, увидеть океан, Солярис. Это и есть замысел монады, её главная задача через все жизни. Но какой дорогой ты пойдешь — через горы или через долину, будешь ли спешить или задержишься у ручья, встретишь ли друзей или врагов — это ты выбираешь сам. Твой выбор и есть карма. Ты сам ткешь узор на одежде своей души. Красивыми нитями или грязными — решать тебе. Об этом почти все притчи, да вот маленькая суфийская об этом:

<https://stihi.ru/2006/07/16-857>

Прекрасным утром шел мулла к себе домой.
Жужжали пчелки и резвились в небе птицы,

Но пыль дорожная осела на ресницы...

- Не сократить ли путь мне лесом, по прямой?

- Какой удачный день! - воскликнул, пробираясь
По лесу путник. И упал внезапно он
На дно прикрытой ямы, следом слышен стон:

- О, для чего же путь я срезал, - озираясь
Ворчал мулла, - уж если может так случиться
Среди такой невероятной красоты,
То что случилось в придорожной бы пыли!
Какие беды там могли бы притаиться...

Часть четвертая. Невидимая беседа

Вдруг Человек почувствовал, что вокруг них с
Мудрецом воздух стал каким-то другим. Он словно
зазвенел.

— Что происходит? — оглянулся он.

— Мы говорим о высоком, — пояснил Мудрец. —
Когда люди беседуют о вечном, о совести, о душе,
их монады начинают общаться напрямую, минуя
слова. Огни мыслей создают магнитный вихрь.

Помнишь, в сказке о... В этом вихре кристаллизуются новые мыслеобразы — они останутся в пространстве и помогут другим.

Он указал на глаза Человека:

— Смотри. В обычном разговоре глаза просто смотрят. Но когда встречаются души, в глазах загорается свет. Через зрачки, как через окна, монады посылают друг другу улыбку. Вечную улыбку, которая помнит всё.

Человек вдруг ясно увидел: да, вот оно! Та самая искра, которая мелькает в глазах любимого человека, в глазах ребенка, в глазах старого мудреца. Это не просто свет — это привет из дома.

Часть пятая. Башня внутри

— Но как мне взойти по этой Башне? — взмолился Человек. — Я чувствую её, но я так слаб! Вокруг столько шума, столько соблазнов забыться, уснуть, плыть по течению!

Мудрец протянул ему маленькое зеркальце:

— Посмотри.

Человек взглянул и вместо своего лица увидел внутри себя сияющую точку. От неё вверх уходила та самая Серебряная Нить. Но вокруг точки клубился туман — серый, липкий, тяжелый.

— Это туман неосознанности, — сказал Мудрец.
— Страхи, обиды, лень, жадность, зависть... Они гасят свет. Но посмотри внимательно: Нить все равно видна. Туман не может её перерезать.

— Как же разогнать туман?

— Каждым поступком, за которым стоит любовь, а не страх. Каждой мыслью, которая ищет истину, а не выгоду. Каждым словом, которое говорит правду, а не льстит. Это не громкие подвиги. Это маленькие шаги. Сегодня ты не соврал, хотя было удобно соврать — туман чуть рассеялся. Завтра ты помог тому, кто не мог отблагодарить, — Нить стала ярче. Послезавтра ты просто остановился на минуту и посмотрел на небо, вспомнив, что ты — не только тело, — и монада улыбнулась тебе в ответ.

Заключение. Свет, который всегда с тобой

Человек долго молчал, глядя на свое отражение в зеркальце. Потом поднял глаза:

— Значит, я не один? Никогда не был один? Даже когда мне казалось, что я потерян в темноте, эта Нить была со мной?

— Всегда, — кивнул Мудрец. — Монада не может быть потеряна. Она может быть забыта, но не потеряна. Ты — это она. А она — это ты. И всё, что ты ищешь вовне — в книгах, в учителях, в звездах — на самом деле ищешь встречи с Ней. С собой настоящим.

Он задул свечу.

— Помни: ты не просто плоть, идущая по земле. Ты — вечный огонёк, одетый в плоть, идущий по земле. И Серебряная Башня, по которой ты восходишь всю жизнь, — это ты сам. Каждый раз, когда сердце трепещет при мысли о Беспредельности, знай: это монада потянула Нить. Ответь ей. Она ждет.

Человек встал и пошел своей дорогой. Но теперь он шел иначе. Он чувствовал под ногами не просто пыль дорог, а твердь, по которой ступали миллионы таких же людей-искр до него. Он

чувствовал над головой не просто небо, а Родину.
И внутри себя — тихий, негасимый Свет.
Тот самый, который был в начале.

Послесловие для пытливого ума

Эта сказка — не ответ, а приглашение. В ней зашифрованы следующие идеи:

1. Монада — не абстракция, а живая искра Абсолюта в сердце каждого. Она вечна, индивидуальна и неразрушима.
2. Серебряная Нить (Белая Башня) — это канал связи с Истоком. Её существование объясняет феномен совести, интуиции, «внутреннего голоса».
3. Одеяния монады (душа и тело) — временны, они накапливают опыт и «ткань судьбы» (карму).
4. Предназначение — это общий вектор всех воплощений, заданный монадой. Конкретный путь мы выбираем сами.
5. Общение на духовные темы реально меняет пространство, создавая «мыслеобразы», питающие других искателей.

6. Восхождение в Башне — это каждодневный выбор в пользу света, любви и правды, а не громкие подвиги.

Продолжение этой сказки в книге —
Сказы о Монаде

<https://online.pubhtml5.com/ucdb/wtfu/>

И сон, и реальность – твоё восприятие,
Тут всё относительно, внешнее - платья,
Но внутренний мир создается духом,
Душа – проводник, обладающий слухом...
Тот голос, что «свыше», идёт изнутри,
Ты – центр мироздания грядущей зари.

Немного в тебе духотворческой силы,
Пока ты в системах из внешнего мира,
Ты раб, ты носитель сценариев тех,
Кто вглубь продвигает свой личный успех,
И миром, как в шахматах, он управляет,
И движет ферзем или пешкой, и знает,
Игра эта кончится, выйдет ей срок...
Кто новый сценарий напишет в урок?

Вглядись в свою суть, а границы сотри,
И камни с пути своего убери,
Коль хочешь свободы и чувств, и ума,
Пойми, что наука сия – дар Руна...
Златого сокровища Древнего мира,
Что в сотнях легенд – откровеньем эфира,
Попробуй желанье найти – разгадать
Их суть, существо...
Мифотворчество – Мать.
Она и накормит, и дух укрепит,
Научит всему, как сильнейший магнит,
Покажет дорогу к свободе твоей,
Пока не ушёл от родимых дверей,
Пока ты ребенок, и дом твой Земля,
Цени поученья, расти, мир любя,

Ведь только ты выйдешь за малый порог,
Тебя увлекает обычный порок,
И всё неизвестное манит твой ум,
Ему посвящаешь ты труд, но самум...
Сметает твои достиженья рукой
Потока невидимых сил... Бог с тобой,
А ты еще спишь, сновиденья твои –
Реальностью стали, ты носишь тюки,
В них косное знание, амбиции, прах..
И трудно проснуться, ты бродишь во снах...

Тут правда и ложь сплетены, как узор,
Что вширь раздвигает ума кругозор,
Чужие догадки тебе ли нужны...
Так слушай свои, что внутри и важны.
Послушайся сердца
и сердцебиенье
Подарит тебе, как и мне - вдохновенье...
Что свыше сказать, что есть Мать и Отец!
Но отчим – твой ум, так пойми, наконец...

А далее сказка на тему стихотворения, созданная
с помощью ИИ и промптов.

Сказка о Ферзе, который забыл, что он Игрок

<https://suno.com/s/A4iur0CbFv5mVKcT>

Жил-был на свете один важный Ферзь. Не настоящий, разумеется, а тот, что обитает в шахматной коробке, которую мудрецы называют «Социум». Ферзь этот был фигурой гордой и деятельной. С утра до ночи он носился по черно-белой доске, перепрыгивая через пешек, уворачиваясь от слонов и высчитывая ходы коней. Ему казалось, что он управляет миром.

— Я центр мироздания! — гремел он, когда рубил очередную фигуру противника. — От моего хода зависит грядущая заря!

Пешки, его верные подданные, почтительно шушукались:

— Смотрите, какой у него напор! Наверняка он знает Великий Сценарий, пожалуй, сам и пишет Историю.

Ферзю это льстило. Он носил на себе множество красивых «платьев» — внешних атрибутов: то корону из латуни, то плащ из парчи, то гордое имя «Главный Стратег». Но внутри, в деревянной его

душе, было пусто. Только скрипела пружина амбиций.

Однажды, в разгар партии, когда Ферзь уже предвкушал, как поставит мат королю, случилось странное. Доска перестала быть плоской. Она вздрогнула, и Ферзь вдруг услышал голос. Голос шел не «свыше», как он привык думать, а из самой его сердцевины, из той щепки, из которой он был выточен.

— Ферзь, — сказал Голос. — Ты — раб.

— Я? — возмутился Ферзь, рубя налево и направо. — Да я управляю игрой!

— Нет, — спокойно ответил Голос. — Тобой управляют. Тот, кто сидит над доской, двигает тебя, пешку или слона, не спрашивая твоего согласия. Твой «личный успех» — лишь маршрут, начертанный чужой рукой. Игра кончится, когда этот большой Игрок заскучает. Или когда захочет тебя... съесть.

Ферзь замер. Он оглядел доску. Действительно, он двигался только по черным или белым клеткам, только вперед или назад, только по правилам,

которые не сам придумал. Он — носитель сценария, не автор.

— Но... — пролепетал он, чувствуя, как его латунная корона начинает сжимать виски. — А что же тогда внутри? Что за «духотворческая сила», о которой ты говоришь?

— Это то, — ответил Голос, — что останется, когда ты сотрешь границы клеток и уберешь камни с пути.

Ферзь чуть не поперхнулся, но попытался взглядеться в свою суть. А вместо сути увидел горы косного знания, тюки амбиций и прах чужих догадок. Он тащил этот груз по доске так долго, что сны о величии стали его реальностью.

И тут, на краю доски, там, где, по слухам, начинался бардак под названием «Жизнь», он увидел Её. Женщину в простом платье, которая улыбалась, она не двигала фигуры, а что-то тихо напевала.

— Кто ты? — спросил Ферзь, запыхавшись от бега.

— Я — Мать, — улыбнулась она. —
Мифотворчество.

— Ты играешь в шахматы? — подозрительно
прищурился Ферзь.

— Нет, — рассмеялась она. — Я их вырезаю из
дерева, точнее сказать, из Древа Познания. А
потом придумываю истории, где пешки становятся
королями, а короли теряют свои короны. Хочешь,
расскажу?

Ферзь хотел сказать, что ему некогда слушать
сказки, ведь нужно заниматься более важными
делами, достигать успеха, но внутри него вдруг
скрипнула та самая пружина. Нет, оказывается...
это была не пружина. Это билось его
непостижимое уму сердце.

— Твой ум — это отчим, — сказала Мать, глядя
ему прямо в деревянную душу. — Строгий,
расчетливый. Он говорит: «Ты — ферзь, ты
обязан! Ты — статус, ты — функция!». Но есть
Отец и Мать, что живут в сердцебиении. В образе
Хроноса, как тик и так... Они дарят вдохновение.

— А что такое вдохновение? — спросил Ферзь.

— Это когда ты перестаешь быть фигурой на чуждой доске и становишься художником. Когда ты понимаешь, что даже самум — этот вихрь невидимых сил, сметающий твои достижения — всего лишь ветер, полезный и нужный, чтобы очистить место для нового.

Ферзь сбросил на пол свой вдруг потяжелевший плащ. Снял корону, которая, как оказалось, давно впилась ему в голову. Затем посмотрел на доску и вдруг увидел, что линии клеток — всего лишь условность, нарисованная мелом.

— Я хочу свободы, — прошептал он.

— Тогда иди, — кивнула Мать. — Но запомни: пока ты ребенок и дом твой — эта сказочная Земля, цени мои уроки. Как только ты выйдешь за малый порог, тебя увлечет порок «знания ради знания», самум сметет твои труды. Не носи лишние тюки.

— А что же нести? — спросил Ферзь.

— Сердцебиение, — сказала Мать. — И немного моего мифотворчества. Это единственная наука, где ты сам пишешь правила.

Ферзь сделал шаг. Доска треснула, и из трещины вместо черно-белой бездны хлынул золотой свет. Это было то самое Златое Сокровище Древнего Мира, о котором он читал в легендах, не понимая, что речь идет не о сундуке, а о способности видеть в своей глубине и творить.

Он проснулся...

В шкатулке, где лежали старые шахматы, и он был по-прежнему деревянным ферзем. Но теперь... Теперь-то он знал секрет: пока ты спишь и думаешь, что ты — фигура, ты бродишь во снах. А стоит прислушаться, и услышать свой внутренний голос — так ты становишься тем, кто пишет новую сказку.

Правда и ложь сплелись в его истории причудливым узором. И сегодня слушать чужие догадки ему уже не хотелось.

Ведь если ты центр мироздания, то лучше уж быть центром сказки, которую рассказываешь себе сам, чем шагать пешкой в партии, которую за тебя создает или сновидит кто-то другой.

Но вот пришло время новой игры. Когда Ферзь самовольно вышел из коробки, старый Игрок, до этого водивший его по доске, удивился и спросил:

— Ты куда?

А Ферзь ответил, подмигнув:

— Я пошел искать свой самум. А ты пока, может быть, тоже попробуешь взглядеться в свою суть? Или полагаешь, что ты — единственный, у кого есть ум и цели?

Быть фигурой — работа.

Быть игроком — искусство.

Быть мифотворцем — свобода.

Выбирай, что тебе по душе, пока не далеко ушел от родимых дверей.

Сказка о Ферзе, который обнаружил, что доска дышит

Продолжение. Часть вторая, в которой геометрия перестает быть плоской, а гордость становится оптикой.

Когда Ферзь впервые шагнул за край шахматной доски, он ожидал увидеть бездну. Или, на худой конец, пыльный пол, на котором валяются забытые пешки.

Он вовсе не ожидал, что сделает шаг *вверх*.

Мир перевернулся, вывернулся наизнанку, и доска, которую он считал вселенной, оказалась всего лишь гранью. Одной из многих. Ферзь стоял теперь на поверхности... шара. Прозрачного, мерцающего, испещренного тончайшими линиями, которые пересекались не под прямыми углами, а струились, подобно течениям в океане.

— Это... что? — спросил Ферзь, пытаюсь найти опору. Его привычные ходы — только вперед, назад, влево, вправо, по диагонали — вдруг потеряли смысл. Здесь можно было двигаться *внутри, наружу, по спирали* и даже... он не знал, как это назвать... *по смыслу*.

— Это Монада, — раздался голос из ниоткуда. Или из везде. — Единица. Начало. И твой новый дом.

Ферзь огляделся. Внутри шара, словно драгоценности в кулоне, двигались другие фигуры. Он узнал их — вон его старый знакомый Слон, который всегда ходил только по белым клеткам, теперь описывал немыслимые петли, пересекая спектры. Вон Конь, чей ход всегда казался Ферзю безумным, теперь и вовсе выглядел пророком: он перемещался не скачками, а *поворотами реальности*, проходя пируэтами сквозь цвета, которые у Ферзя не имели названий.

— Тут есть правила? — спросил Ферзь, чувствуя, как в нем закипает привычная спесь. Если он — сильнейшая фигура на плоскости, то и здесь он наведет порядок. — Я буду двигаться так, как захочу! Я — Ферзь! Мой ход не знает преград!

Он ринулся вперед, намереваясь пройти сквозь одну из границ Монады, чтобы показать этим растерянными фигурам, как надо управлять миром.

Каким-то неведомым ему образом пролетел три уровня реальности, свернул через седьмую октаву, врезался в собственный хвост (которого у него, кстати, никогда раньше не было) и вылетел ровно в ту же точку, откуда стартовал...

— Как? — растерянно прошептал Ферзь.

— Ты двигался по числам, — ответил голос. Это был голос Закона Гармонии. Безличный, текучий, как формула, которая одновременно является и поэмой. — Каждый твой шаг — это отношение. Твое упрямство — коэффициент. Твоя гордость — знаменатель. Ты думал, что управляешь пространством, но пространство всего лишь *выражает* некую особенность тебя.

Ферзь не поверил. Он всегда был уверен в своей правоте — ведь был *центром мироздания*, разве не так сказала ему Мать? Или... не совсем так? Он сжал свою деревянную челюсть и рванулся из паутины мыслей снова. Теперь он решил играть *против* Монады.

— Я сломаю твои границы! — кричал он, пытаюсь ходить туда, куда, по его мнению, никто ещё не ходил. Он отказывался от чисел, от пропорций, от гармонии. Он хотел *чистой свободы*.

Монада вздохнула. Это был вздох терпеливого учителя, которому ученик в сотый раз пытается доказать, что дважды два — это стул.

— Смотри, — сказала Монада.

Ферзь увидел, как его движения начали создавать узоры. Но не те величественные траектории, которые он рисовал, будучи ферзем на плоской доске. Теперь его «я-так-хочу-и-все-тут» превращалось в хаотичные завихрения, слегка

задевающие другие фигуры, заставляя их сбиваться с их пути. Слон, который настраивал свою вибрацию, чтобы пройти сквозь красный спектр, вдруг наткнулся на эгоистичную фиолетовую петлю, оставленную Ферзем, и споткнулся. Конь, чей ход был идеальной спиралью Фибоначчи, чуть не сорвался в квантовую яму из-за угловатости траектории Ферзя.

— Ты нарушаешь Отношения, — спокойно заметила Монада. — А нарушать Отношения — значит нарушать себя.

— Себя? Какие еще отношения?! — зарычал Ферзь. — Я сам по себе! Я личность! Я — творец!

— Ты — число, — ответила Монада. — Как и все здесь. В самом простом виде: Единица — это я. Двойка — это взаимодействие. Тройка — это гармония. Четверка — это устойчивость. Ты пытаешься быть бесконечностью, не понимая, что бесконечность — это не отсутствие границ. Это когда все числа работают вместе, не зная противоречий.

Ферзь остановился. Впервые он почувствовал не гнев, а... растерянность.

— Покажи мне границы, — потребовал он, уже не так уверенно. — Я их уже не вижу. Я вижу только бесконечный простор!

— Конечно, не видишь, — в голосе Монады проскользнула легкая, едва уловимая ирония. — Граница — это не стена, умненький мой Ферзь. Граница — это закон *твоего собственного движения*. Ты можешь идти куда угодно, но каждый твой шаг задает вопрос: «Ты умножаешь или делишь? Строишь или разрушаешь? Слушаешь или навязываешь?»

Ферзь попытался представить себе эти невидимые числа. Он попытался *увидеть* Отношения между собой и Слоном, между собой и Конем, между собой и той точкой в центре Монады, которая пульсировала, как живое сердце.

И тут мир в его восприятии изменился.

Он увидел, что каждое движение создает вибрацию. Каждая вибрация имеет частоту. Каждая частота — это число. А числа — это не сухие значки, а живые существа, они-то и держат собой вселенную, не давая ей рассыпаться в прах. Он, Ферзь, был просто... дробью. Важной, сильной, но дробью в огромном уравнении, которое называлось «Жизнь».

— Но я хочу быть целым! — прошептал он.

— Ты и так целое, — ответила Монада. — Дробь — это тоже число. Просто перестань делить себя на «я» и «не-я». Перестань думать, что твоя правота — это оружие. Твоя правота — это всего

лишь один из знаменателей. Если он слишком велик, ты превращаешься в ноль. А ноль, Ферзь, — это пустота, которая мнит себя бесконечностью.

Ферзь отпустил свою корону (которую, как оказалось, крепко удерживал руками, спрятав под плащом). Потом посмотрел на свой путь внутри Монады. Тот оказался похожим на каракули ребенка, который пытался закрасить белую стену краской из тюбика, не понимая, что стена — это часть собора.

— Научи меня, — сказал он тихо. — Хочу видеть числа. Научи меня Отношениям.

— Ты уже начал учиться, — сказала Монада. — Первое число, которое нужно понять — это Единица. Не только я и не только ты или другая фигура. Единица — это когда ты перестаешь отделять свой ход от дыхания мира.

И Ферзь впервые за всю свою долгую, полную побед и поражений жизнь, сделал ход, который не был ни атакой, ни защитой. Он просто *встал* там, где его присутствие создавало красивый смысловой узор. Он занял место, что усиливало вибрацию Слона, поддерживало траекторию Коня и гармонировало с пульсом центра.

Таким образом он и победил, и завоевал, и, главное - он *встроился*.

И в этот момент понял, что такое настоящая сила. Не та, что рубит фигуры направо и налево, а та, что делает всю Монаду чуточку прекраснее, целостнее.

— А если я захочу выйти отсюда? — спросил он, чувствуя, как непривычное спокойствие разливается по деревянному телу.

— Выйти нельзя, — улыбнулась Монада (оказывается, у нее была улыбка — легкое изменение частоты). — Можно только *расширить понимание*. Каждый выход — это вход в новую Монаду. А каждая новая Монада — это всего лишь новая грань старой.

— То есть я всегда был здесь? — осенило Ферзя.

— Ты всегда был *собой*, — ответила Монада. — Просто раньше ты считал себя ферзем на плоской доске. Это подобие сна в реальности. Потом стал бунтарем против системы. А теперь...

— А теперь? — переспросил Ферзь.

— А теперь реши, кем ты хочешь быть сегодня. Только помни: каждое «кем» — это новое отношение. А каждое отношение — это новое число. А каждое число...

— ...держит мир, — закончил Ферзь.

Он оглядел объемную шахматную доску (иными образами он не умел воспринимать мир), которая

была монадой, которая являлась законом, который проявлялся гармонией, которая была им, самим Ферзём, когда он не пытался быть больше, чем число в бесконечном царстве. Царство это он мог воспринимать уравнением, пусть даже уравнением любви, но выразить получалось только формулами и числами.

Где-то далеко-далеко, в глубине хрустальной сферы, как в центре самого себя, он услышал смех Матери-Мифотворчества.

— Растешь, — сказала она. — Скоро сам начнешь придумывать числа.

И Ферзь улыбнулся. Впервые не надменно, а... *создающе творчески*.

Продолжение – в отдельной книге

«Сказы о Ферзе»

Следующие сказки таковы:

Сказка о Ферзе, который встретил себя в пешке

Сказка о Ферзе, который увидел, что мир — это он

Десять тезисов, которые Ферзь вынес из своего пути

Сказка о том, как Монада решила пошутить, а фигуры никак не могли понять, кто из них кто

Сказка о семи дверях и одной комнате, которая всегда свободна

Сказы Перво-То-Она? Сказ о Памениде.

Философский турнир в шахматной коробке

Гроссмейстер и призрак переводчика

Сказка о Программе и Творчестве, которые оказались сёстрами

Сказка о том, как шахматные фигуры обсуждали Единое и чуть не поссорились

Сказка о Мере, которую никто не хотел измерять

Сказка о том, как вода решила, что она всё сама

Сказка о Свете, который упал, чтобы научиться летать

Сказка о том, как мудрецы спорили о Бытии и нечаянно согласились

Сказка о времени возвращения, или Как фигуры захотели стать своей собственной игрой

Сказка о пещере, из которой никто не хотел выходить, а те, кто вышел, пожалели, что вернулись

Весёлая история о том, как удобно сидеть в темноте и как неудобно видеть свет, особенно если ты привык к теням, изучил их, и опыт повторяемый тому подтверждением.

Пролог, в котором читателя предупреждают, что смех здесь будет сквозь слёзы, а слёзы — сквозь смех

Жили-были узники. С рождения. В пещере. Тёмной, сырой, но очень уютной, если привыкнуть. Вам, наверное, случалось видеть?

Они сидели на скамейках, смотрели на стену и наблюдали за тенями. Тени проносились мимо, сменяя друг друга. Они были, а может и есть, всем: богатством, славой, любовью, смыслом жизни, пенсионными накоплениями и особенно последними новостями... Всем, что есть.

Узники любили тени, как любят своих близких. Обсуждали их образы, характер, оттенки, спорили

о тенях. Некоторые писали диссертации о том, какая тень правильнее, а какая — ересь или пережиток прошлого. Они воевали за тени, а порой и умирали за тени.

И никому не приходило в голову обернуться.

Потому что обернуться — это страшно, да и куда оборачиваться?

Глава первая, в которой появляется чудаки, который обернулся

Звали его... ну, назовём его Платоном. Хотя он был не совсем Платон. Но просто тот, кому надоело смотреть на стену.

— Послушайте, — сказал он однажды, — а что, если тени — это не всё? Что, если за ними есть что-то ещё?

Узники засмеялись.

— Конечно, есть, — сказал один. — Вон та тень, например, — это тень счастья. А вон та — тень успеха. А во-он та, самая яркая, — тень истины. Они закрывают друг друга, бывает такое.

— Я не про тени, — сказал Платон. — Я про то, что отбрасывает тени.

— Что значит «отбрасывает»? — удивился второй узник. — Тени сами по себе. Они всегда были. Они — реальность, зачем её отбрасывать!

— А как вы можете знать, что они реальность, если вы никогда не видели того, что их создаёт? — спросил Платон.

— Создатель... А не слишком ли это надумано? И зачем нам это видеть? — спросил третий узник. — Мы же видим реальные, а не вымышленные тени. Того и достаточно, что тени прекрасны. Тени понятны. А что там, за нами? Темнота. Неизвестность. Страшно или глупо.

— Но вдруг там свет? — сказал Платон.

Узники переглянулись.

— Свет? — переспросил первый. — Это та тень, которая иногда появляется в углу? Она называется «просвещение». Мы её изучали. Однако, она опасна.

— Нет, — вздохнул Платон. — Свет — это не тень. Свет — это то, благодаря чему тени вообще есть.

— Два брось! — сказал второй. — Тени были всегда, светлее, темнее. Они сами по себе, вечны, изменчива лишь форма. Мы это знаем, потому что наши деды смотрели на эти же тени, и их деды, и деды их дедов. Традиция. А ты предлагаешь обернуться и посмотреть на какую-то... тьфу... фантазию, выдумку - свет.

— Да, предлагаю, — сказал Платон.

— А если там ничего нет? — спросил третий. — Если там пустота? Если мы обернёмся и увидим, что никакого света нет, только мы и стена? Что тогда?

— Тогда мы будем знать, — сказал Платон.

— Знать что? — спросили узники.

— Что тени — это тени. А мы — это мы. И может быть, это тоже важно.

Узники замолчали. Потом один из них, самый старый и самый уважаемый, сказал:

— Сынок, ты молодой, горячий. Ты думаешь, что мы не пробовали оборачиваться? Хм...

Пробовали. И что? Там темно. Там страшно. Там нет никакого света. Есть только мы и стена. И тени. Зачем повторять ошибки поисков?

— Вы оборачивались? — удивился Платон. — И что вы видели?

— Темноту, говорю же, — сказал старик. — Абсолютную темноту. И больше ничего. Поэтому мы больше не оборачиваемся. Сидим, смотрим на тени. Тени надёжны, предсказуемы. Тени — это наша жизнь.

Платон хотел возразить, что если оборачиваться ночью, когда огонь погас, то, конечно, ничего не увидишь. Но промолчал. Потому что понял: объяснить это невозможно.

Только показать.

Глава вторая, в которой Платон выходит из пещеры и очень жалеет, что у него нет солнцезащитных очков

Платон обернулся. За его спиной был проход. Узкий, тёмный, пахнувший сыростью и страхом. Он пошёл по нему. Долго шёл. Очень долго.

Иногда ему казалось, что он идёт в никуда. Иногда казалось, что он идёт по кругу или лабиринту. А иногда отмечал, что он уже был здесь, в прошлой жизни, и ничего хорошего из этого не вышло.

Но всё же настойчиво шёл.

И вдруг...

Свет.

Сначала он и не понял, что это. Его глаза привыкли к полумраку пещеры, к теням на стене. А тут... что-то яркое, большое, ослепительное. Он зажмурился, закрыл лицо руками. И... чуть не побежал обратно.

— Больно! — закричал он. — Это больно!

— Привыкнешь, — сказал кто-то рядом.

Платон открыл один глаз. Рядом стоял... старик. Но не тот, из пещеры. Другой. С глазами, что смотрели куда-то очень далеко и при этом

оказался близко, взгляд его вмещал тысячелетья, и одновременно момент «сейчас».

— Кто ты? — спросил Платон.

— Я? — улыбнулся старик. — Я — тот, кто вышел до тебя. Давным-давно. Ещё до того, как твои деды сели в пещеру. Я пытался им рассказать. Не поверили.

— А что здесь? — спросил Платон, щурясь. — Что это за свет?

— Это солнце, — сказал старик. — Оно всегда было. Просто вы в пещере его не видели.

— А тени? — спросил Платон. — Тени, которые мы видели на стене? Это были тени от солнца?

— Не совсем, — сказал старик. — За вами, за пещерой, горел огонь. Кто-то же его зажёг. Кто-то носил мимо него фигурки — людей, зверей, вещей. А вы видели тени на стене. И думали, что это и есть реальность.

— Кто? — спросил Платон. — Кто носил фигурки?

Старик пожал плечами.

— Те, кто тоже когда-то вышел. Но забыл, такова память людей. Или не захотел помнить. Или решил, что так удобнее — управлять тенями, чем толкать их на поиски света.

— И что же теперь? — спросил Платон. — Я должен вернуться и рассказать им?

— Должен? — саркастично переспросил старик. — Никто никому ничего не должен. Но если ты хочешь...

— Хочу, — сказал Платон. — Они должны знать.

— Они не захотят знать это, — мягко сказал старик. — Они привыкли к теням. Тени предсказуемы, понятны, это их реальный мир. А ты придешь и скажешь: «Ваш мир — ненастоящий. Настоящий — там, где больно глазам и непонятно что». Да тебя тотчас обзовут сумасшедшим или еретиком. Или, что ещё хуже, — просветителем. А просветителей в пещере не любят.

— Но я должен попробовать, — сказал Платон.

— Попробуй, — вздохнул старик. — Только учти: обратно в пещеру ты войдёшь почти слепым. Твои глаза уже привыкли к свету. А в пещере — тьма. Ты уже не сможешь различать тени так же хорошо, как раньше. Будешь спотыкаться, ошибаться, путать одну тень с другой, и слова твои станут путанными. Они скажут: «Смотрите, он вышел и ослеп. Зачем нам такой свет, если он делает людей слепыми?»

— Я всё же рискну, — сказал Платон.

— Рискни, — кивнул старик. — Но запомни: главное — не то, что ты им скажешь. Главное — что ты сам теперь знаешь. И что ты сможешь с этим знанием жить. Даже если они тебя не поймут. И скорее всего назовут сумасшедшим или просто сказочником.

Глава третья, в которой Платон возвращается и понимает, что старик был прав

Возвращение оказалось трудным. Глаза болели, ноги не слушались. Тени на стене, что раньше виделись такими яркими, живыми, полными смысла, теперь оказались плоскими, серыми, жалкими.

— О! — сказали узники, когда он появился. — Наш чудак вернулся! Ну что, нашёл свой свет?

— Нашёл, — сказал Платон.

— И что там? — спросил первый.

— Там солнце, — сказал Платон. — Настоящее. Которое светит всегда. И мир, там мир настоящий, непохожий на наш и наши тени. Он яркий, объёмный, живой, ускоренный. Там есть вещи, которые отбрасывают тени, да, самые настоящие вещи. А то, что вы видите на стене, — это только тени, слабые отблески, краткоживущие копии.

Узники засмеялись.

— Солнце? — сказал второй. — Это, наверное, такая большая тень? Вроде той, что иногда появляется в полдень?

— Нет, — сказал Платон. — Солнце — это не тень. Солнце — это источник света. Без него теней не было бы вообще.

— А мы? — спросил третий. — Как бы мы смогли жить без теней? Тени — это наша жизнь. Тени —

наш смысл! Ты предлагаешь нам отказаться от смысла?

— Я предлагаю вам увидеть то, что за смыслом,
— сказал Платон.

— И там есть другой смысл? — спросил первый.

— Там... — Платон замялся. — Там... всё.

— «Всё» — это не смысл, — сказал второй. — Смысл — это когда понятно. Понятно, как называется, как меняет формы. А «всё» — это непонятно. Мы не хотим непонятного. Тени — это наша культура, наша древняя вера, достигнутые поколениями знания, современная наука. Тени — это то, за что наши деды воевали. А ты приходишь и говоришь: «Всё это ерунда, есть что-то другое». Не-ет, друг. Ерунда — это твой свет. А мы останемся здесь. С нашими тенями, смыслом жизни.

— Но это же не настоящие! — воскликнул Платон.
— Это просто отражения!

— А какая разница? — спросил третий. — Тени красивые. Тени удобные. Тени не требуют от нас выходить из зоны комфорта. А твой свет требует

обернуться, встать, пойти, ослепнуть, а потом вернуться и рассказывать нам, как ты сейчас, какие мы неправильные. Ну уж, спасибо, не надо.

— Но вы же живёте во тьме! — почти закричал Платон.

— А нам здесь нравится, — сказал первый. — Тут темно, но тепло, уютно. Действительно, здесь темно, но мы знаем каждую тень, каждое её движение. Мы предсказываем их, управляем ими. Мы — короли теней. А ты предлагаешь нам стать никем, ничем, выйти в непонятный свет и смотреть на непонятные вещи, которые, вполне возможно, даже не так красивы, как наши тени.

— Они красивее, — сказал Платон. — Они настоящие.

— Настоящее — это то, к чему мы привыкли, — умиротворяюще сказал старый узник, тот самый, который когда-то оборачивался и ничего не увидел. — А твоё «настоящее» — это просто другая тень. Ты думаешь, что вышел, а на самом деле ты попал в другую пещеру. С другим светом, другими тенями. Просто тебе кажется, что она настоящая. Обман восприятия. Но за ней есть ещё

одна пещера, и ещё, и ещё... И никогда не будет конца. Так зачем нам это?

Платон хотел сказать, что старик неправ. Но не решился. Потому что вдруг понял: а что, если... старик прав? Что, если свет, который он увидел, — это тоже пещера? Только больше... И за ней есть ещё свет, и ещё, и ещё? Где же тогда истина?

— Не знаю, — сказал он наконец.

— Вот, — кивнул старик. — Ты вышел, посмотрел на свой свет и вернулся с «не знаю». А мы здесь знаем. Мы знаем настоящие тени! Мы знаем, какая тень после какой появляется, как на них влиять. Мы знаем, как жить с ними. А ты не знаешь даже, куда идти дальше. И зачем нам твоё «не знаю»?

Платон сел на свободное место. Посмотрел на стену. Тени плясали, как всегда. Знакомые, понятные, уютные.

— Может быть, вы правы, — сказал он. — Может быть, я зря вышел.

— Не зря, — неожиданно сказал старый узник. — Ты теперь знаешь, что есть другой свет. И когда-нибудь когда наши тени начнут тебя раздражать,

ты снова выйдешь. И, может быть, найдёшь что-то ещё. А мы останемся. И это тоже хорошо.

— Хорошо? — удивился Платон.

— Хорошо, — кивнул старик. — Потому что если все выйдут, кто будет смотреть на тени? А без зрителей нет и теней. А без теней нет и пещеры. А без пещеры... где же тогда сидеть и думать о смысле жизни?

Платон засмеялся. И старик засмеялся. Остальные узники не поняли, над чем они смеются, но тоже засмеялись — на всякий случай. А тени плясали на стене, как всегда. И ничего не менялось.

Глава четвёртая, в которой появляется привычка и портит всё веселье

Но на этом история не кончилась. Потом пришли те, кто решил, что одного Платона мало.

— Мы создадим учение! — сказали они. — Мы назовём его «Платонизм». Да, Платон велик! А мы напишем книги, построим школы, обучим

учителей. И все узнают, что тени — неправда, а правда — это свет.

— Но я же не говорил, что тени — неправда, — возразил Платон. — Я говорил, что они — тени. Они есть. Они реальны. Просто они не вся реальность.

— Какая разница? — сказали создатели учения. — Людям нужно простое послание. «Тени — это плохо. Свет — это хорошо». Понятно? Понятно.

— Непонятно, — сказал Платон. — Потому что если тени плохо, то зачем они существуют?

— Они существуют, чтобы мы от них избавились, — сказали создатели. — Мы построим новый мир. Без теней. Только свет. Чистый, ясный, правильный.

— Но без теней не бывает света, — сказал Платон. — Свет и тени — вместе. Они друг друга создают.

— Ересь! — сказали создатели. — Мы знаем лучше. Мы прочитали твои книги. Мы поняли твою мысль лучше тебя самого. Ты просто не умеешь её объяснить. А мы умеем.

И они пошли по пещерам. И везде говорили: «Тени — это зло. Свет — это добро. Выходите из пещер. Смотрите на свет. И не продолжайте смотреть на тени, потому что это грех».

Узники по привычке смотрели на свои тени. Потом на проповедников. Потом на стены.

— Но нам нравятся наши тени, — говорили они.

— Нравятся? — возмущались проповедники. — Значит, вы грешники. Вы привязаны к материальному. Вы не доросли до духовного. Вы... неправильные.

— А кто же тогда правильный? — спрашивали узники.

— Правильный — тот, кто выходит из пещеры и смотрит на свет, — говорили проповедники. — Как мы. Как наш учитель Платон.

— Но мы не можем выйти, — говорили узники. — У нас ноги болят. У нас глаза не привыкли. А ко всему работа, семья, ипотека. Нам некогда выходить. Кто за нас сделает нашу работу?

— Тогда вы будете наказаны, — говорили проповедники. — После смерти. Или при перерождении. Или прямо сейчас — мы вас отлучим от правильных теней.

— От каких-таких правильных теней? — не понимали узники. — Тени они и есть тени.

— Есть правильные тени, а есть неправильные, — расталковывали проповедники. — Правильные — это те, которые ведут к свету. Неправильные — те, которые уводят от него. Мы вам покажем, какие тени правильные. Смотрите на них и не отвлекайтесь.

И узники смотрели. Как же не поверить последователям великого Платона! Смотрели на тени, которые объявили правильными, и перестали замечать другие тени. Те, что были рядом всегда, но теперь их называли неправильными.

А Платон сидел в углу и вздыхал.

— Я не это имел в виду, — говорил он. — Я просто предложил обернуться. Посмотреть. Подумать. А вы... вы построили новую пещеру. С новыми тенями. И назвали их светом.

— Тише, — шикали на него ученики. — Не путай людей. Людям нужна вера. Им нужны научные, твёрдые основы, хорошие привычки. Им нужны правильные тени. А твои сомнения... да они же разрушают.

— Но сомнения — это и есть выход из пещеры! — восклицал Платон.

— Не-ет, — уверяли ученики. — Выход из пещеры — это Учение. А сомнения — путь обратно. Во тьму. В ересь, незнание, невежество. В неправильные тени.

И Платон замолчал.

Потому что понял: он создал не выход из пещеры, а новую пещеру. Только вместо теней от фигурок

— тени от его собственных идей. И сторожат эту пещеру те, кто уверен, что они — хранители света. А на самом деле они просто сменили ширму.

Глава пятая, в которой наука и вера спорят о том, чьи тени правильнее, а Платон сидит в углу и ест бутерброд

Прошли века. В пещере появились новые группы. Одни говорили: «Тени — это законы природы. Мы их изучили, описали, предсказали. Нет никакого света. Есть только тени и законы их движения».

Другие уверяли: «Нет, наши тени — это проявление Высшего разума. Мы знаем, кто их создал. Мы знаем, зачем, и какие тени правильные, а какие — испытание».

Третьи говорили: «Тени — это вообще не важно. Важно то, что за ними. Но мы не знаем, что. И никогда не узнаем эту тайну. Поэтому давайте просто смотреть на тени и не заморачиваться».

Четвёртые заявляли: «Тени — это иллюзия. На самом деле их нет. Есть только наше сознание, оно их воображает и проявляет. Если перестать воображать, теней не будет».

Пятые воодушевляли: «Тени — это всё, что у нас есть. Давайте их улучшать. Сделаем тени ярче, красивее, удобнее. Зачем нам какой-то свет, если мы можем сделать идеальными тени?»

Шестые скептически говорили: «Вы все неправы. Потому что мы — единственные, кто знает, как правильно и осознанно смотреть на тени. Наш метод — единственно верный. Все остальные — сектанты, еретики, лжецы, невежды».

И все они спорили. Спорили так громко, что тени на стене дрожали.

А Платон сидел в углу и ел бутерброд. Он уже давно перестал спорить, осознав: спорить о тенях — это всё равно что спорить о вкусе яблока, не пробуя его. А выходить из пещеры и пробовать яблоко никто не хочет. Потому что яблоко — это не тень. Яблоко — это яблоко. Его нужно увидеть, потрогать, укусить. А это страшно, а ещё это

больно и непонятно. И требует выйти из мира привычности, комфорта. Но спрашивается — Зачем?

— Платон, — спросил его однажды молодой узник, который ещё не выбрал, в какую группу вступить, — а что же всё-таки правильно? Тени или свет?

— И то и другое, — ответил Платон.

— Но так не бывает, — удивился юноша. — Или — или. Либо ты в пещере, либо снаружи. Либо тени, либо свет. Либо одно убеждение, либо другое.

— А почему не бывает? — спросил Платон. — Ты сейчас сидишь в пещере и видишь тени. Но ты знаешь, что есть свет. Ты можешь смотреть на тени и помнить о свете. Можешь смотреть на тени и понимать, что они — тени. Не вся реальность, но её часть. Разве это не выход?

— Нет, это не выход! — сказал юноша. — Это компромисс!

— А что плохого в компромиссе? — спросил Платон. — Выход — это когда ты можешь быть и там и здесь. Когда ты не привязан ни к пещере, ни к свету. Когда знаешь, что и то и другое — реально. Просто воспринимается по-разному.

— Но науки говорят, что надо выбирать и знать выбранное! — воскликнул юноша.

— Привычки говорят, — кивнул Платон. — А жизнь проявляет себя иначе. Посмотри на себя. Ты сейчас в пещере. Но спрашиваешь о свете. Значит, ты уже не совсем в пещере. Ты уже на полпути. И это нормально, не надо выходить сразу. Можно делать это постепенно: сначала повернуть голову, потом встать. Потом сделать шаг, потом вернуться и потом снова выйти. Главное — помнить, что ты можешь выйти. А можешь не выходить. Это твой выбор.

— Но если я не выйду, я буду как все, — сказал юноша. — Буду смотреть на тени и думать, что это и есть реальность.

— А если выйдешь, — сказал Платон, — ты будешь как я. Смотреть на тени и знать, что это

тени. И всё равно смотреть на них, потому что они красивые, родные, и потому что рядом с тобой те, кто ещё не выходил. А ты можешь им помочь, не догматами, указаниями, а просто тем, что остаёшься рядом, когда они будут готовы обернуться.

— А если они никогда не будут готовы? — спросил юноша.

— Тогда ты будешь сидеть в пещере и смотреть на тени вместе с ними, — сказал Платон. — И это тоже хорошо. Потому что пещера — это тоже реальность. Просто не вся.

Юноша задумался.

Эпилог, в котором Платон наконец-то выходит окончательно, но не говорит, куда

Шли годы. Платон состарился. Он много раз выходил из пещеры и возвращался, видел много света и много разных теней. Он понял, что пещер бесконечно много, и в каждой — свой свет и свои тени. И выйти из всех... нельзя, потому что выход из одной пещеры — это вход в другую.

— Так в чём же смысл? — спросил его ученик, который вырос и стал учителем сам.

— В движении, — сказал Платон. — В том, чтобы идти. Не для того, чтобы прийти куда-то. А для того, чтобы идти. Потому что когда ты останавливаешься, ты снова оказываешься в пещере. Даже если пещера называется «истина» или «просветление».

— Но это же бесконечно! — воскликнул ученик.

— Да, — кивнул Платон. — Это бесконечно. А у бесконечности есть оттенки, качества – в твоём восприятии твоей бесконечности, понимаешь? И это прекрасно. Потому что если бы был конец, было бы постно и скучно, механистично. А так — всегда есть куда идти, что познавать и главное - зачем. Всегда есть что увидеть или воссоздать. Всегда есть над чем посмеяться. Например, над собой. Который когда-то думал, что нашёл истину. Или над теми, кто думает, что нашёл её сейчас. А теперь ищешь новую и пока не видишь, откуда она берётся.

— Смеяться над догматами? — спросил ученик.

— И над привычками, — кивнул Платон. — Особенно над ними. Потому что привычки — это самая удобная пещера. В ней тепло, сухо, понятно. И выходить из неё страшнее всего. Потому что привычки — это не просто тени. Привычки — это тени, которые называют себя светом.

— А ты? — спросил ученик. — Ты нашёл свет?

— Я нашёл, — сказал Платон. — Несколько раз. И каждый раз оказывалось, что это была новая тень. Но я не жалею. Потому что каждая новая тень вела меня к новому свету. А новый свет — к новой тени. И это бесконечное движение — оно и есть жизнь.

— А что в конце? — спросил ученик.

— В конце? — переспросил Платон. — В конце, наверное, ты понимаешь, что конца нет. Есть только переход. Из одной пещеры в другую. Из одной тени в другую. Из одного света в другой. И ты идёшь. Не потому, что надо. А потому, что интересно. Интересно, что там, за следующим

поворотом. Какая новая тень? Какой новый свет? Какая новая глупость, которую люди назовут истиной? Какая новая истина, которую люди назовут глупостью?

— И ты будешь смеяться? — спросил ученик.

— Я уже смеюсь, — сказал Платон. — Смотри.

И он показал на стену пещеры. Там плясали тени. Такие же, как тысячи лет назад. Те же самые, но другие. Иначе воспринимаемые. Потому что смотрящие изменились. И теперь они видели в тенях то, чего не видели раньше. Например, то, что тени — это не враги света. И свет — не враг теней. Они — танец. Вечный, бесконечный, иногда смешной, иногда грустный, но всегда — живой, вдохновляющий.

— А мы? — спросил ученик. — Мы часть этого танца?

— Мы и есть этот танец, — сказал Платон. — Когда мы это понимаем, перестаём спорить о тенях. Мы начинаем их видеть и танцевать. По-настоящему, всей душой. Со всеми их оттенками,

полутонами, бликами. И это видение — восприятие цельности танцующей реальности, и есть выход. Из пещеры догматов, привычек, знаков «я знаю». Из пещеры страха сражений, смерти, забвения, страха незнания. Выход из пещеры «или-или».

— В пещеру «и-и»? — спросил ученик.

— В мир, где и то и другое, — кивнул Платон. — Где свет и тени, наука и вера, знание и сомнение — не враги, а партнёры в танце. Где нет правильных и неправильных, а есть разные. И где ты можешь быть собой, а не тем, кем управляют привычки. Становишься тем, кто ты есть, когда перестаёшь бояться.

— Я боюсь, — признался ученик.

— И это нормально, — сказал Платон. — Страшиться — это тоже быть собой. Главное — не застыть в страхе. Главное — сделать шаг. Маленький. Один. В сторону. Или вперёд. Или даже назад. Но — сделать.

— А ты сделал? — спросил ученик.

— Я делаю, — сказал Платон. — Каждый день. И тебе советую.

Он встал. Отряхнул плащ. Посмотрел на тени, на свет, на учеников, на пещеру, на мир за пещерой.

— Ты куда? — спросил ученик.

— Искать новую пещеру, — с улыбкой сказал Платон. — Там, наверное, интереснее. Посмотрим.

— А мы? — спросили ученики.

— А вы оставайтесь, — сказал Платон. — Смотрите на тени. Или выходите. Или смотрите и выходите одновременно. Это ваш выбор. Главное — помните: пещера — не тюрьма. Это место, где вы сейчас. А место можно менять. Или не менять. Всё это — путь.

— И где же истина? — спросил ученик.

— В пути, — сказал Платон. — В самом пути. А не в его конце.

Он шагнул в проход. И исчез.

Ученики смотрели ему вслед. Потом посмотрели на стену. Тени плясали. Такие же, как всегда, но и другие. Потому что теперь они знали: тени — это не всё. И свет — не всё. А всё — это и то и другое. И ещё то, что между ними. И ещё то, что за ними. И ещё то, что в них самих — глубоко внутри.

— И что же нам теперь делать? — спросил один ученик.

— Смотреть, — ответил ему другой. — И смеяться. И выходить. И возвращаться. Снова смотреть и снова смеяться. Как он.

— А если у нас не получится?

— Получится, — сказал третий. — Мы же его ученики. Мы знаем, что выход есть всегда. И что пещера — это тоже выход. Если смотреть правильно.

Они замолчали. И стали смотреть. На тени. На свет, который пробивался из прохода. На себя. На друг друга.

И это было началом, или концом.

Или тем, что между.

Как всегда – в восприятии.

Как у Платона.

Вместо послесловия, в котором автор объясняет, почему это — весёлая сказка

Потому что грустное — это когда думаешь, что ты в пещере и из неё нет выхода.

А весёлое — когда понимаешь, что пещера — это просто комната. И в ней есть дверь и много дверей. И ты можешь выйти. И можешь вернуться. И можешь сидеть и смотреть на тени, зная, что это тени. И это не делает тебя хуже или лучше. Это просто делает тебя тем, кто знает.

А знание — это, между прочим, тоже тень. Но иногда — очень полезная или смешная.

Особенно если помнить, что она — тень.

А не свет.

И особенно — если помнить, что и свет — это в твоём восприятии и не вся правда.

А правда — это когда ты смотришь на тени, на свет, на себя и на других и думаешь: «Какие же мы всё-таки смешные. Строим пещеры, называем их истиной, воюем за тени, их достижения и историю, умираем за привычки. А можно же просто — танцевать и видеть, а не просто смотреть. И смеяться. И иногда выходить. И возвращаться. И снова смотреть. И снова смеяться». Или сменить на И...

Вот это — весёлая сказка.

Всё остальное — драма.

А драмы у нас и так хватает.

Давайте сегодня посмеёмся.

Потому что если не смеяться над собой — кто же над нами посмеётся?

Тени? Они не умеют.

Свет? Ему не до нас.

А нам — самое время.

С первым апреля, дорогие узники.

Выходите.

Или не выходите, и всё равно посмейтесь.

Хотя бы над этой сказкой.

Которая, конечно, не про пещеру.

И не про Платона.

И не про нас.

Конечно, нет.

Что вы.

Это просто сказка.

Весёлая. Правда?

Сказка о семи дверях и одной комнате, которая всегда свободна

Или: Как фигуры снова собрались, чтобы понять,
что тюрьма — это взгляд, а не стены

На краю Монады, там, где числа становились едва слышными, а гармония — почти невесомой, собрались старые знакомые. Ферзь без короны. Пешка со светом внутри. Слон, всё ещё любящий белое. Конь, чьи траектории по-прежнему казались безумными. И многие другие.

Они собрались не играть.

Они собрались говорить о свободе.

— Я не знаю, что это такое, — призналась Пешка.
— Я думала, свобода — это дойти до конца доски. Я дошла. И поняла, что это не конец. И не свобода. Просто другая клетка.

— Свобода — это власть, — сказал Ферзь, но голос его звучал неуверенно. Корона, которую он снял, лежала перед ним на невидимом столе, и пустое место над его головой казалось больше,

чем сама корона. — Я думал, что если буду самым сильным, никто не сможет мной управлять. Но сила оказалась... тоже клеткой. Самой тяжёлой.

— Свобода — это привычка, — вставил Слон. — Я всегда ходил только по белым клеткам. Меня так учили. Мне так удобно. Это моя свобода — не выбирать.

— Или твоя тюрьма, — тихо сказал Конь. — Просто такая красивая, что ты её не замечаешь.

Дверь первая. Тело

Они сидели в тишине, когда из тени выступила новая фигура. Её никто раньше не видел. Она была... прозрачной. Сквозь неё просвечивали числа Монады, и казалось, что её тело — не преграда, а окно... необычное.

— Меня зовут Никто, — сказала фигура. — Я пришла рассказать о свободе.

— Но ты же... совсем прозрачная, — растерянно сказала Пешка. — Тебя нет?

— Я есть, — улыбнулась Никто. — Просто меня не держат, как вас – в восприятии. Мне известно, что не тело держит душу, как думают многие, а душа иногда забывает, что тело — не тюрьма, но инструмент. Инструмент, который можно настроить по желанию или необходимости. Или вовсе перестать слушать, когда он фальшивит.

— Легко тебе говорить, — буркнул Слон. — Ты не знаешь, что такое боль. Что такое, когда тело не слушается. Когда оно — предатель.

— Знаю, — сказала Никто. — Я была телом. Долго. Очень долго. Я была болью, которая не проходит. Я была усталостью, которая не отпускает. Я была телом, которое говорило «нельзя», когда душа кричала «хочу».

— И что ты сделала? — недоверчиво спросил Ферзь.

— Перестала с ним бороться, — ответила Никто. — Свобода от тела — это не победить его. Это перестать быть только им. Я поняла, что тело — это не только граница, но большее – это мера.

Мера того, как далеко я могу зайти в этом мире, не теряя связи с ним. Когда я перестала требовать от тела того, чего оно не может, оно перестало быть моей тюрьмой. Скажу больше, оно стало моим языком, речью. Языком, на котором мир говорит со мной. А я — с миром.

— Но как же желания? — спросила Пешка. — Желания, которые тело требует, а мир не даёт?

— Это следующая дверь, — улыбнулась Никто. — Если интересно, идите за мной.

Дверь вторая. Желание

Они вошли в коридор, стены которого были выложены из... желаний. Тысячи, миллионы маленьких огоньков мерцали в толще камня. Каждый хотел чего-то. Стать ферзем. Дойти до края. Получить корону. Услышать похвалу. Избежать поражения. Быть важным миру.

— Моё желание, — сказал Ферзь, прикасаясь к одному огоньку, — было стать главным. Я получил это. И понял, что желание исполнилось, а свободы

не прибавилось. Просто появилось новое желание — быть ещё главнее или ценнее.

— Это не свобода, — сказал Конь. — Это беличье колесо. Желание порождает новое желание. А исполнение — только очередную клетку.

— Свобода от желаний? — спросил Слон. — Отказаться от всего? Стать... никем? Но это через чур... даже для слонов-такелажников.

— Нет, — сказала Никто. — Свобода от желаний — это не свобода. Это другая тюрьма. Тюрьма равнодушия! В неё и попадают многие. Настоящая свобода — это свобода осознанно выбирать лучшие желания. Не быть рабом каждого «хочу», которое просыпается внутри. А смотреть на свои желания и спрашивать: чье это желание? Моё? Или того, кем меня научили быть? Кто во мне смотрит на желания и Зачем?

Она провела рукой по стене, и огоньки замерцали ярче. В каждом из них Пешка увидела чьи-то лица. Учителей. Родителей... Тех, кто говорил: «Ты должна», «Ты обязана», «Это важно».

— Многие из этих желаний, — сказала Никто, — не ваши. Они надеты на вас, как чужие костюмы. Свобода начинается там, где вы снимаете нелюбимый костюм и остаётесь в том, что носится легко. Не потому, что мало весит или приятно. А потому, что ваше, родное.

— Но как отличить? — спросила Пешка. — Своё от чужого?

— По звуку, — сказала Никто. — Чужое желание кричит. Требует. Иные хитрее, обещают счастье потом. Своё — шепчет изнутри, иногда поёт. Не торопит. Оно хочет не обладать, а быть. Не получить, а стать, проявиться.

Она открыла следующую дверь.

Дверь третья. Ритуал

За дверью был зал, полный танцующих фигур. Они двигались в идеальном ритме, повторяя одни и те же движения. Вперёд-назад. Влево-вправо.

По кругу. Танец был красив. Более того, танец был мастерски отточен. И был он... бесконечным.

— Что это? — спросил Ферзь.

— Ритуалы, — сказала Никто. — То, что вы делаете, потому что «так принято». Потому что «всегда так делали». Потому что «иначе нельзя».

Слон вздрогнул. Он узнал свой танец. Только по белым клеткам. Только вперёд по диагонали. Ни шага в сторону. Ни шага в чёрное.

— Это красиво, — сказал он неуверенно. — В этом есть порядок. Гармония. Но не для меня...

— Есть, — согласилась Никто. — Вопрос не в красоте. Вопрос в том: ты танцуешь этот танец, или танец танцует тебя?

— А какая разница? — спросил Слон. — Я его выбрал.

— Выбрал ли? — Никто посмотрела на него. — Или тебя выбрали? Или ты просто не пробовал остановиться и взглянуть со стороны?

Слон замер. Он попытался сделать шаг в чёрное. Нога не поднялась. Он попытался сбить ритм. Тело продолжало двигаться в прежнем темпе.

— Я... не могу, — прошептал он.

— Потому что ритуал стал твоей формой, — сказала Никто. — Не ты его держишь. Он держит тебя. Свобода от ритуала — это не разрушить его. Это уметь остановиться. Уметь спросить: «Я это делаю, потому что это нужно сейчас? Или потому что я боюсь перестать?»

— А если я остановлюсь, что останется? — голос Слона дрожал.

— Ты, — просто ответила Никто. — Тот, кто выбирает, когда танцевать, а когда — стоять в тишине.

Слон сделал шаг. Не вперёд. Не по диагонали. Он просто... остановился, шагнув внутрь... Ритм вокруг него продолжался, но он больше не был его частью. Он был собой. В тишине.

— Странно, — сказал он. — Я думал, будет страшно. А тут... просторно.

Дверь четвёртая. Обязанность

Следующий коридор был узким. Стены давили. На каждой стене висели таблички: «Должен», «Обязана», «Это твоя ответственность», «Без тебя не справятся».

Ферзь узнал эти таблички. Он носил их на себе, когда был главным. «Я обязан управлять». «Я должен быть сильным». «Я отвечаю за всех».

— Это самая хитрая тюрьма, — сказала Никто. — Она маскируется под... благородство. Тебе кажется, что ты свободен, потому что ты выбрал эти обязанности и ответственность. Но спроси себя: что будет, если ты откажешься?

— Всё рухнет, — машинально ответил Ферзь.

— Рухнет? — переспросила Никто. — Или просто встанет на свои ноги? Обязанности, которые

нельзя передать, — это не долг. Это зависимость. Ты нужен не миру. Ты нужен своей роли.

— Но кто-то же должен? — возразил Ферзь.

— Кто-то — да, — кивнула Никто. — Но этот «кто-то» не обязательно ты. И не обязательно всегда и тут. Свобода от обязанностей — это не отказ от ответственности. Это умение разделять. Нести своё, не таща чужое. И уметь уходить, когда твоё — сделано.

— А если не сделано? — тихо спросила Пешка. Она вспомнила всех, кого оставила на старой доске, когда пошла в свой путь.

— Тогда ты не свободен, — сказала Никто. — Ты заложник незавершённого. Но завершить — не значит сделать всё самому. Завершить — значит отпустить. Передать. Поверить, что без тебя мир не рухнет. Потому что если он держится только на тебе — это не мир. Это твоя тюрьма, которую ты назвал важностью. Взгляни глазами Творца, многие в мирах живут, забыв о нем, и мир не рушится, ибо держится не только на Нём. Но Его Свободой творчества!

Ферзь снял с груди невидимую табличку. Она упала и рассыпалась в пыль. Дышать стало легче.

Дверь пятая. Связь

Они вошли в комнату, полную нитей. Тонких, толстых, золотых, ржавых, натянутых и оборванных. Нити тянулись от каждой фигуры к другим фигурам, к местам, к воспоминаниям.

— Это связи, — сказала Никто. — Устаревшие связи. Те, что держат вас в прошлом. Те, что уже не питают, а тянут вниз, гирями.

Пешка коснулась одной нити. Она вела к старой доске, к тем пешкам, с которыми она начинала путь. Нити были тёплыми, но... истончившимися. Как старая верёвка, которая уже не держит, но всё ещё висит, путаясь под ногами.

— Я не могу их оборвать, — сказала она. — Это предательство.

— Предательство — это сделать вид, что связи нет, — ответила Никто. — А свобода — это увидеть, какая связь жива, а какая — только привычка, тянущая на дно. Благодарность не требует постоянства. Любовь не требует присутствия. Можно отпустить нить и продолжать любить. Можно перестать быть должным и оставаться благодарным.

— Но как понять, какую нить рвать? — спросил Конь. Он запутался в своих нитях больше всех — его скачки оставляли узелковые следы везде.

— Нити не рвут, — сказала Никто. — Их переплетают заново. Ты не выбрасываешь прошлое! Ты находишь ему новое место. Там, где оно не душит, а поддерживает. Там, где оно становится фундаментом, а не временным потолком.

Она провела рукой, и нити начали двигаться. Не обрываясь, они перестраивались в новый узор. Пешка увидела, как её связь с прошлым не исчезла, а... встроилась в основание. Стала тем, на чём создаётся новое, а не тем, что мешает идти.

— Свобода от связей, — сказала Никто, — это не одиночество. Это способность выбирать, как быть связанным. Не быть привязанным, а быть соединённым. Существенная разница.

Дверь шестая. Стереотип

Они вошли в зеркальную комнату. Но зеркала здесь отражали не лица, а мысли.

Ферзь увидел в одном зеркале: «Ферзь должен быть сильным». В другом: «Ферзь не имеет права ошибаться». В третьем: «Ферзь — это власть».

Пешка увидела: «Пешка — это начало», «Пешка не может выбирать», «Пешка должна дойти».

Слон увидел: «Твой цвет — белый», «Чужой цвет — опасность», «Ни шага в сторону».

Конь увидел лабиринт зеркал, в каждом из которых он был «безумным», «непредсказуемым», «неправильным».

— Это стереотипы мышления, — сказала Никто. — Самые невидимые стены. Вы даже не знаете, что они есть, потому что смотрите на мир сквозь них, как сквозь очки, которые надели в детстве и забыли снять.

— Но они же... правильные? — неуверенно сказал Слон. — Ферзь — действительно сильный. Пешка — действительно маленькая. Я — действительно белый.

— Ты — белый? — переспросила Никто. — Или ты просто привык так думать? Стереотип — это не знание. Это привычка видеть. И она лишает тебя объёма. Мир через стереотип плоский. А ты — теперь объёмный.

— Но как увидеть без стереотипа? — спросил Ферзь. — Как думать, если не думать «правильно»?

— Никто не предлагает тебе думать «неправильно», — улыбнулась Никто. — Тебе предлагают освободиться от предубеждений. Смотреть на мир не сквозь готовую форму, а видеть его живым. Каждый раз заново. Что такое

ферзь без стереотипа? Не «тот, кто управляет», а «тот, кто выбирает, как или когда управлять». Что такое пешка без стереотипа? Не «та, кто идёт вперёд», а «та, кто выбирает, куда и когда идти».

— Это страшно, — сказала Пешка. — Если я не знаю, как «правильно», я могу ошибиться.

— Можешь, — кивнула Никто. — И это будет твоя ошибка. А не навязанного стереотипа. Свобода от стереотипов — это не безошибочность. Это авторство своих ошибок. И своих побед. Лучший опыт жизни автора себя.

Она щёлкнула пальцами, и зеркала треснули. Но не разбились... А превратились в окна.

— Смотрите, — сказала Никто. — Не сквозь стереотип. Просто смотрите.

И они увидели мир. Не плоский. Не чёрно-белый. А тот, который всегда был, но которого они не замечали из-за укоренившейся привычки воспринимать его стереотипно.

Дверь седьмая. Соответствие

Последняя дверь открылась в комнату, где не было стен. Только бесконечное пространство. И посреди него — огромное зеркало. Но в зеркале отражался не каждый из них и не их мысли. В этом зеркале отражался... мир.

— Это самое сложное, — сказала Никто. — Свобода от необходимости соответствовать. Соответствовать ожиданиям. Соответствовать окружению. Соответствовать тому, «как надо».

— Но если я не соответствую, меня не примут, — сказала Пешка. — Я останусь одна.

— Одна? — переспросила Никто. — Или собой? Соответствие — это маскировка. Ты надеваешь лицо, которое нравится другим, и постепенно забываешь, какое у тебя было лицо своё. Свобода от соответствия — это не одиночество. Это возможность встретить тех, кто будет с тобой не из-за маски, а из-за тебя настоящей.

— Но как же баланс? — спросил Ферзь. — Нельзя же совсем игнорировать мир. Мы живём среди других. Мы должны...

— Должны? — перебила Никто. — Ты опять за своё. Свобода — это не «игнорировать мир». Это выбирать, кому и как, когда и зачем соответствовать. Соответствовать не из страха быть отвергнутым, а из любви к тем, кто тебе дорог. Это разница между рабством и служением. Раб служит, потому что должен. Свободный служит, потому что хочет. И умеет сказать «нет», когда желание служить уходит.

— А как же... верность выбранному пути?

Она подошла к зеркалу и коснулась его.

— Посмотрите, — сказала она. — Что вы видите?

Ферзь увидел себя. Но не совсем ферзя. Не самого главного. Не слишком сильного. А того, кто просто есть. Кто не должен ничего доказывать. Кто может ошибаться, может быть слабым или сильным, может не соответствовать ожиданиям.

— Я вижу... себя, — сказал он. — Без масок.

Пешка увидела себя. Не маленькую. Не идущую. Просто светящуюся.

— Я вижу... свет, — прошептала она.

Слон увидел себя, а не привычный образ Слона, и не белого. Просто движущегося. Везде. По любым клеткам.

Конь увидел себя. Не безумного. Просто свободного.

— Это и есть свобода? — спросил Ферзь.

— Это начало свободы, — сказала Никто. — Увидеть себя без стереотипов, без масок, без «должен». Ну а дальше — самое интересное.

Комната, которая всегда была свободной

Они вышли из коридора дверей и оказались... в Монаде. В той самой, откуда начали. Но теперь она выглядела иначе. Она была не пространством с фигурами. Она стала живой. И внутри неё пульсировало что-то совсем новое.

— Что это? — спросила Пешка.

— Это внутренний мир, — сказала Никто. — Тот, который вы всегда носили в себе, но не замечали за дверями. Свобода «от» — это только половина. Свобода «для» — вот что настоящее.

— Свобода для чего? — спросил Ферзь.

— Для творчества, — ответила Никто. — Для создания своего мира. Не того, где нет ограничений, а того, где ограничения выбраны тобой. Где стены — это не тюрьма, а создаваемая форма, которую ты придаёшь своему пространству. Где правила — не внешний закон, а ритм, который ты любишь.

— Но разве творчество не требует жертв? — спросил Конь. — Разве можно быть свободным и творить, не подчиняясь материалу?

— Можно, — сказала Никто. — Свободный творец не подчиняется материалу. Он слышит материал. Он знает: глина хочет одного, камень — другого, звук — третьего. И его свобода — не делать из камня то, что хочет он, а найти то, чем камень

хочет стать благодаря тебе. Это диалог. Не насилие. Не подчинение. Диалог восприятий.

— А если материал не слушается? — спросил Слон. — Если мир сопротивляется?

— Тогда ты меняешь материал, находишь свой, лучший для тебя — сказала Никто. — Или меняешь себя. Или ждёшь. Свобода — это не всемогущество. Свобода — это способность выбирать ответ, способность выбирать и вопрос. Мир может сказать «нет». Свободный не ломает это «нет». Он спрашивает: «А что тогда — да?»

— И всегда есть «да»? — спросила Пешка.

— Всегда, — улыбнулась Никто. — Просто не всегда то, что ты ожидал...

Они замолчали. Монада дышала свободой. В её дыхании чувствовался ритм творчества — тот самый, который всегда был внутри, но заглушался суетой дверей или окон.

— А как же нежелательные воздействия? — спросил наконец Ферзь. — Внешние. Внутренние. Те, от которых нельзя спрятаться! Те, что ломают.

Никто посмотрела на него так, что её прозрачное тело стало ещё прозрачнее. Сквозь неё Ферзь увидел всё, что она пережила. Боли. Потери. Страхи. Разочарования... и восторг соприкосновения с истиной, и процесс самотворения, отражавшийся в каждом из тех, с кем она говорила, в каждом из них...

— Потери не избежать, — сказала она. — Свобода — не в том, чтобы их не было. Она — в том, чтобы не отождествлять себя с ними. Боль приходит. Ты не боль. Страх приходит. Ты не страх. Усталость приходит. Ты не усталость. Ты — тот, кто это воспринимает. И у тебя всегда есть выбор: стать этим — или остаться собой, наблюдая.

— А если сил нет? — прошептала Пешка.

— Тогда ты позволяешь себе быть слабым, — сказала Никто. — Это тоже свобода. Не притворяться, что ты сильный, когда внутри пусто. Не надевать маску бодрости, когда хочется

плакать. Свобода — это честность с собой. Даже когда честность — это «я не могу».

— И что потом? — спросил Ферзь.

— Потом ты отдыхаешь, если устал, — улыбнулась Никто. — И возвращаешься. С новыми силами. С новым пониманием. Творчество — это не подвиг. Творчество — это дыхание. Это природа тебя, само твоё «Я». У него есть вдох и выдох. Периоды силы и периоды тишины. Свободный знает: тишина — не поражение. Это накопление.

Возвращение

Они вышли из Монады. Вернее, они поняли, что никогда из неё не выходили. Просто раньше они видели только клетки, а теперь видели многоликое пространство.

Ферзь оглядел свою корону. Она лежала там, где он её оставил, как прежде красивая и тяжёлая. Взял её в руки, но не надел. Просто держал, вспоминая.

— Я могу её надеть, — сказал он. — Или не надеть. И то и другое — моё решение. Не чужое.

Пешка посмотрела на свой свет. Он стал ярче. Не потому, что она стала больше. А потому, что перестала прятать его за «надо» и «должна».

Слон сделал шаг. В чёрное. Потом в белое. Потом туда, где цвета не было. Он танцевал. Свой танец. Который выбрал сам.

Конь засмеялся. Его смех был похож на траекторию — неожиданный, ломающий все правила, и при этом идеально точный.

Никто стояла рядом. Её прозрачное тело теперь было не просто окном. Оно было почти невидимым мостом.

— Что дальше? — спросила Пешка.

— А дальше — жизнь, — сказала Никто. — Свободная жизнь. С внутренним миром, который ты строишь сам. С творчеством, которое не требует разрешения. С возможностью сказать «да» и «нет» без страха. С правом быть собой — в любой форме, в любой момент.

— А если меня не поймут? — спросила Пешка.

— Не поймут, — кивнула Никто. — Некоторые точно не поймут. Но это их путь — понять или не понять. А твой путь — быть.

— А если будет больно?

— Будет. Но ты уже знаешь: боль — это не ты. Она приходит и уходит. А ты остаёшься.

— А если я запутаюсь?

— Тогда ты вспомнишь эту сказку. И спросишь себя: чьё это «надо»? Моё или чужое? Этот танец — мой или ритуал? Зачем он? Эта связь — живая или только привычка? Спросишь внутри себя, и ответ придёт из самого сердца.

— И что я отвечу?

— То, что почувствуешь. Свобода — это не правильный ответ. Это честный ответ. Себе. В моменте.

Они стояли в Монаде, она воспринималась миром, была ими всеми, была свободой — не от чего-то, а для всего.

— Знаешь, — сказал Ферзь, глядя на корону в своих руках, — я думал, свобода — это когда нет границ. А теперь я понимаю: границы есть всегда. Просто когда они выбраны тобой, они перестают быть тюрьмой. Они становятся формой. А форма — это не то, что сковывает. Это то, что придаёт смысл движению и мысли, и жизни, и чувства.

— Как стихотворению — рифма, — сказала Пешка.

— Как танцу — ритм, — добавил Слон.

— Как мысли — слово, — закончил Конь.

Никто улыбнулась. Её прозрачное тело начало мерцать, становясь то видимым, то невидимым.

— Я уйду, — сказала она. — Меня ждут другие. Те, кто всё ещё ищет выход из дверей, которых на самом деле — нет.

— Ты вернёшься? — спросила Пешка.

— Я всегда рядом, — сказала Никто. — Я — свобода. Не та, которую дают. Та, которую выбирают. Каждый миг. Каждый вздох. Каждый шаг.

Она исчезла. Но Монада продолжала дышать. И в её дыхании чувствовалось: дверь, которую они открыли, никогда не закроется. Просто потому, что её нет для свободных миров.

Вместо послесловия

Ферзь, Пешка, Слон и Конь сидели в кругу. Вокруг них были другие фигуры — те, кто ещё не прошёл свой путь, кто ещё искал, кто ещё боялся.

— Расскажите, — попросила одна молодая пешка.
— Что такое свобода?

Ферзь посмотрел на свою корону. Положил её на землю...

— Свобода, — сказал он, — это когда ты можешь её не надеть. И когда можешь надеть. И то и другое — твой выбор, а не чей-то приказ.

— Свобода, — сказала Пешка, — это когда твой свет не зависит от того, видит его кто-то или нет.

— Свобода, — сказал Слон, — это когда ты ходишь туда, куда хочешь, а не туда, куда «положено».

— Свобода, — сказал Конь, — это когда твой путь может быть неожиданным. Даже для тебя самого.

Они замолчали. А потом засмеялись. Потому что поняли: свобода — это ещё и способность смеяться над тем, что раньше казалось тюрьмой.

И так закончилась сказка о дверях, которых не видно.

Так началась жизнь, где каждый сам выбирает свою форму.

Не отменяя границ, но превращая их в ритм.

Не отрицая ограничений, но находя в них опору для творчества.

Не убегая от мира, но создавая свой — внутри себя.

Потому что настоящая свобода — это значит не уйти от всего.

Настоящая свобода — это быть центром своего мира и знать:

этот мир — твоё творение.

И в этом творении — всё, что тебе нужно.

А всё остальное — двери, которые открываются, или маски, роли, когда ты их выбираешь...

Конец... или начало — в зависимости от того, кто смотрит и зачем.

Но теперь — вы знаете, как смотреть интрасферно.

Сказ о том, что есть, и о том, чего нет

Или: Как Паменид (которого все звали Парменид, но фигуры слегка перепутали имя) объяснил Ферзю главную тайну

В Монаде, после всех путешествий, после всех дверей и всех свобод, наступил момент тишины. Ферзь сидел на пустой клетке — теперь он знал, что клетка пуста только для того, кто не умеет видеть. Пешка светилась рядом. Слон отдыхал после своего первого шага в чёрное. Конь рисовал копытом невидимые спирали и фантазировал.

И в эту тишину вошёл Он.

Старик. Не похожий на другие фигуры. Он был соткан из того, что нельзя потрогать, но нельзя и отрицать. Из того, что есть всегда. Даже когда ничего нет... Может, это был не старик, а вечник?

— Я — Паменид, — сказал он. — Некоторые зовут меня Парменидом, но имена, вы же знаете, это тени. А я пришёл поговорить о Свете.

— О каком-таким свете? — спросила Пешка. — У меня внутри есть свет. Я его чувствую!

— Это хороший свет, — кивнул Паменид. — Но я говорю сейчас о другом. О том, без которого твоего света не было бы. Ещё о том, что делает возможным само свечение, о том, что есть всегда.

— Звучит загадочно, — заметил Ферзь. — Но немного скучно. Мы тут только что разобрались со свободой, с дверями, с творчеством... А ты пришёл с абстракциями?

— Я пришёл с самым конкретным, основательным, что есть в мире, — улыбнулся Паменид. — С тем, что ты видишь каждую секунду, но никогда не замечаешь. С Бы-ти-ем.

— С чем-чем? — переспросил Конь, который в этот момент запутался в собственной спирали.

— С Бытием, — повторил Паменид. — С тем, что есть.

Разговор первый: о том, что нельзя сказать «нет»

Паменид сел на невидимый камень. Фигуры окружили его. Было в нём что-то такое, отчего не хотелось спорить, совсем... Хотелось слушать.

— Скажи мне, Ферзь, — начал старик. — Ты существуешь?

— Конечно, — пожал плечами Ферзь. — Вот же я. Сижу. Дышу. Мыслю.

— Хорошо. А то, что ты сидишь — оно существует?

— Ну... да. Есть сидение. Есть воздух, которым я дышу. Есть мысли, которые я мыслю.

— А ложь? — спросил Паменид. — Ложь существует?

Ферзь задумался.

— Ложь — это то, чего нет, но что часто выдают за правду. Так что... лжи нет. Есть только заблуждение.

— А заблуждение существует?

— Существует. Как процесс. Как состояние.

— Значит, то, чего нет, — сказал Паменид, — существует в форме процесса, состояния, заблуждения? Но если оно существует, значит, его нельзя назвать «не-существованием». Получается, даже ложь — это форма бытия. Просто искажённая.

— Ты меня путаешь, — нахмурился Ферзь.

— Я тебя проясняю, — улыбнулся Паменид. — Попробуй сказать «нет» чему-то. Абсолютное «нет». «Этого нет и не может быть».

Ферзь попытался. Он представил квадратный круг. Представил тишину, которая кричит. Представил свет, который темнее тьмы.

— Не получается, — признался он. — Я могу это вообразить. Значит, в воображении это есть.

— Именно! — Паменид хлопнул в ладоши. — Ты не можешь помыслить то, чего нет. Потому что сама мысль — это уже форма бытия. Даже отрицание — это форма утверждения. Даже «нет» — это способ сказать «есть отсутствие». А отсутствие — это тоже вид присутствия.

— Как так? — опешила Пешка.

— Очень просто, — сказал Паменид. — Представь пустую комнату. Что в ней есть?

— Ничего, — сказала Пешка.

— А пустота? — спросил Паменид. — Пустота есть? Ты можешь её описать? Можешь сказать: «В комнате есть пустота»?

— Могу, — кивнула Пешка.

— Значит, пустота существует. Как форма. Как вместилище. Как то, что позволяет чему-то появиться. Даже «ничто» — это нечто. Потому что если бы «ничто» не существовало, мы не могли бы о нём говорить. Но говорим!

— Так что же, всё существует? — спросил Конь. — Даже мои безумные траектории? Даже ошибки? Даже то, что я забыл?

— Всё, что может быть помыслено, — сказал Паменид. — Всё, что может быть названо. Всё, что может быть воспринято. Даже то, что ты назовёшь «не-существованием», — это всего лишь иная форма существования. Тень — не отсутствие света. Тень — это присутствие того, что свет не весь тут.

Разговор второй: о том, что нельзя переступить

— Но есть же граница, — возразил Ферзь. — Между тем, что есть, и тем, чего нет. Иначе слова теряют смысл.

— Граница есть, — согласился Паменид. — И она очень проста. Ты можешь переступить границу между комнатой и коридором. Можешь переступить границу между сном и явью. Но попробуй переступить границу между Бытием и Не-Бытием.

— Как?

— Очень просто. Сделай шаг туда, где ничего нет. Абсолютно ничего. Ни мысли, ни пространства, ни времени, ни возможности что-либо сказать.

Ферзь прежде шага попытался представить абсолютную пустоту. Но пока он её представлял, в этой пустоте уже был он — представляющий. А значит, там было что-то!

— Не могу, — признался Ферзь. — Как только я пытаюсь туда попасть, я уже там есть. Со своей мыслью. Со своим «я».

— Именно, — кивнул Паменид. — Потому что Бытие — это не «что-то среди другого». Бытие — это сама возможность того, что что-то есть. Ты не можешь выйти за его пределы, потому что за

пределами — ничего. А «ничего» нельзя помыслить без того, Кто мыслит! И зачем! А кто мыслит — уже есть. Понимаешь?

— Кажется, да, — медленно сказал Ферзь. — Это как рыба, которая пытается выпрыгнуть из воды, чтобы оказаться... где? В не-воде? Но не-вода — это воздух. А воздух — это другая среда. Тоже существующая. Рыба не может оказаться в абсолютном не-чём. Потому что для этого ей нужно... перестать быть, ну да, хотя бы рыбой. А пока она есть — она в Бытии.

— Ты почти понял, — Паменид смотрел на Ферзя с одобрением. — Бытие — это не коробка, в которой лежат вещи. Бытие — это свет, который делает вещи видимыми. Даже когда ты говоришь «тьма», ты говоришь это при свете. Потому что сама речь — это форма бытия.

Разговор третий: о сознании, которое тоже есть

— А сознание? — спросила Пешка. — Оно — часть Бытия? Или оно смотрит на Бытие со стороны?

— Хороший вопрос, — сказал Паменид. —
Сознание — это не «часть» и не «наблюдатель».
Сознание — это способ Бытия. Бытие не
существует само по себе, как например, камень.
Бытие всегда является кому-то. И это «кому-то» —
тоже Бытие.

— Ты говоришь загадками, — вздохнул Конь.

— Сейчас объясню, — улыбнулся Паменид. —
Представь, что Бытие — это свет. Свет есть. Он
всегда-везде есть. Но чтобы свет был увиден,
нужен глаз. Глаз — это не что-то отдельное от
света. Глаз — это тоже свет, только сгустившийся
в форму инструмента видения. Сознание — это
такой сгусток Бытия, который может Бытие
осознавать. Понимаешь?

— То есть сознание — это Бытие, которое говорит:
«Я есть», — тихо сказала Пешка.

— Именно! — Паменид просиял. — Ты не можешь
помыслить сознание вне Бытия, потому что
сознание — это форма Бытия. Как и время. И ты
не можешь помыслить Бытие вне сознания,

безмысленно, потому что Бытие, о котором никто не знает, которое никто не воспринимает — это противоречие. Бытие всегда кому-то является. Даже если этот «кто-то» — само оно - Бытие, созерцающее себя.

— Так что же, — спросил Ферзь, — Бытие и сознание — это одно и то же?

— И да, и нет, — загадочно ответил Паменид. — Они нераздельны, как свет и видение. Но они не тождественны, потому что видение может ошибаться, а свет — нет. Бытие есть всегда. Сознание может быть смутным, неполным, спящим. Но даже спящее сознание — это форма Бытия. Просто свёрнутая.

— Как моя корона? — спросил Ферзь. — Когда я её снял, она не перестала существовать. Она просто перестала быть на моей голове.

— Хорошая метафора, — улыбнулся Паменид. — Сознание может снимать и надевать формы. Оно может быть ферзем и пешкой, слоном и конём. Но то, что остаётся за всеми формами — способность быть, способность осознавать — это и есть Бытие.

Неизменное. Всегда присутствующее. Даже когда ты думаешь, что его нет.

Главное выражение: «Бытие есть, не-бытия нет»

— Ты обещал объяснить одну фразу, — напомнил Ферзь. — «Существование есть, не-существования нет». Мои современники повторяют её как заклинание, но я не уверен, что понимают.

— Сядьте удобнее, — сказал Паменид.

— Сейчас я расскажу вам сказку внутри сказки.

Сказка о Тени, которая хотела стать Ничем

Жила-была Тень. Она появлялась, когда был свет. Она исчезала, когда света не было. И однажды Тени надоело зависеть от света.

— Я хочу быть Ничем, — сказала Тень. — Абсолютным Ничем. Таким, которого нет даже тогда, когда о нём думают.

— Но это невозможно, — сказал Свет. — Потому что даже твоё желание быть Ничем — это уже что-то. Это уже форма бытия.

— Тогда я перестану желать, — сказала Тень. — Я просто исчезну.

Она попыталась исчезнуть. Но пока она пыталась, она была. Она была пытающейся. Она была исчезающей. Она была той, кто говорит «я исчезаю».

— Видишь? — сказал Свет. — Ты не можешь исчезнуть полностью, потому что для этого тебе нужно было бы перестать быть вообще. Но «перестать быть» — это действие. А действие предполагает того, кто действует. Ты не можешь совершить действие «перестать быть», потому что для этого тебе нужно быть тем, кто это действие совершает.

— Тогда я просто... растворюсь, — сказала Тень.

— В чем? — спросил Свет. — Чтобы раствориться, нужна среда. А среда — это тоже Бытие. Ты будешь растворённой Тенью. Каплей в океане. Но это всё равно Тень. Просто в другой форме.

Тень заплакала. Её слёзы были полупрозрачными, потому что у теней не бывает полностью непрозрачных слёз.

— Я хочу не быть, — прошептала она. — Я хочу, чтобы меня не было. Совсем. Абсолютно.

— Этого нельзя хотеть, — мягко сказал Свет. — Потому что тот, кто хочет, — уже есть. Ты можешь представить своё отсутствие. Но в этом представлении снова есть ты — представляющая. Ты не можешь выпрыгнуть из Бытия, как рыба не может выпрыгнуть из существования самой себя. Потому что даже прыжок — это форма существования.

— Так что же, я обречена быть? — спросила Тень.

— А разве это плохо? — удивился Свет. — Быть — это не наказание. Быть — это дар. Возможность быть Тенью. Возможность быть Светом. Возможность быть тем, кто задаёт вопросы. Даже возможность хотеть стать Ничем — это уже подарок. Потому что если бы тебя не было, ты не могла бы даже этого хотеть. И мы бы не смогли даже поговорить о чем-либо, ты даже с собой не смогла бы поговорить.

Тень задумалась.

— Значит, не-бытия нет, — сказала она наконец.
— Потому что даже когда я пытаюсь его достичь, я обнаруживаю, что я есть.

— Именно, — кивнул Свет. — Не-бытие — это не место, куда можно прийти. Это даже не состояние, которое можно пережить. Это логический абсурд, ошибка. Слово, которое ничего не обозначает. Как «круглый квадрат». Можно произнести. Нельзя воспроизвести.

— А как же смерть? — спросила Тень. — Смерть — это же не-бытие?

— Да уж, многие так думают, ошибочно, ведь смерть — это изменение формы, — сказал Свет. — Тень, которая исчезает, когда я ухожу, не перестаёт быть. Она становится потенциальной тенью. Тенью, которая может появиться снова, когда я вернусь. Бытие не исчезает. Бытие только переходит из одной формы в другую.

— А я? — спросила Тень. — Я перейду?

— Ты уже, ты всегда переходишь, — улыбнулся Свет. — Каждый миг. Из тени в свет, из света в тень. Из вопроса в ответ, из ответа в новый вопрос. И это — не исчезновение. Это — танец. Танец Бытия, который никогда не прекращается, потому что тот, кто танцует, не может перестать быть.

Тень перестала плакать. Удивлённо посмотрела на Свет и впервые увидела не то, что её ограничивает, а то, что делает её возможной.

— Я есть, — сказала Тень. — И этого... достаточно.

— Более чем достаточно, — сказал Свет. — Это — всё.

Муз. Иллюстрация

<https://suno.com/s/ZiSsnltwaVEuP57s>

Возвращение к фигурам

Паменид закончил сказку. Фигуры торжественно молчали. Ферзь смотрел на свою корону, лежащую на земле. Пешка смотрела на свой свет. Слон — на чёрную клетку, в которую он только что шагнул. Конь — на свою безумную траекторию, она вдруг показалась ему не безумной, а единственно возможной.

— Так вот что значит «Бытие есть, не-бытия нет», — медленно нараспев сказал Ферзь. — Это не про то, что всё существует. Это про то, что само понятие «не-существования» — бессмысленно. Ты не можешь даже помыслить то, чего нет, потому что мысль — уже есть.

— Ты понял, — кивнул Паменид. — Не-бытие — это не противоположность Бытия. Это ошибка языка, изнаночное выражение. Мы говорим «ничто», думая, что это что-то. Но «ничто» — это

просто слово. За ним нет реальности. Потому что реальность — это Бытие. И Бытие — всё.

— А ничто? — спросила Пешка. — Ничто существует?

— Ничто — это не «не-бытие», — ответил Паменид. — это искажённое что-то, нечто, бытие. Это свет, который не видит, что он — свет. Это тень, которая забыла, что она — часть танца. Оно существует. Как форма. Как искажение. Но оно не отменяет Бытия. Оно — внутри Бытия. Как узел внутри нити.

— И его нельзя устранить, сказав, что его нет? — спросил Ферзь.

— Нельзя, — согласился Паменид. — Но его можно преобразить. Поняв, что даже оно — это форма Бытия, которая ищет свой свет. Не уничтожать, а просветлять. Не отрицать, а включать в больший порядок. Потому что отрицание — это попытка сделать что-то не-бытием. Тщета, ведь не-бытия нет. Есть только превращение.

— Как в моей сказке о Тени, — сказала Пешка.

— Именно, — улыбнулся Паменид. — Тень хотела стать Ничем. А стала — понявшей Тенью. Которая знает, что она есть. И этого достаточно.

Послесловие для тех, кто любит сложное — простыми словами

Паменид встал. Фигуры тоже поднялись.

— Ты уходишь? — спросил Ферзь.

— Я всегда рядом, — сказал Паменид. — Я — Бытие, которое говорит о себе. Вы — Бытие, которое слушает. Мы — одно. В акте говорения и слушания. В акте понимания.

— А если кто-то не поймёт? — спросил Конь.

— Тогда он поймёт позже, — сказал Паменид. — Для этого есть время. Или иначе. Или в другой форме. Бытие не торопится. У него нет часов. Оно есть. И это — единственное время вне времени, которое существует.

— А наше время? — спросила Пешка. — Время — это Бытие?

— Время — это способ или форма Бытия, — сказал Паменид. — Способ, которым Бытие является себя в движении. Но в самом Бытии, подумайте над этим, нет движения. Есть только покой внедвижности. Абсолютный покой того, что есть. И этот покой — вовсе не скука. Это полнота. Полнота, которая может позволить себе любые движения, не теряя себя!

— Как я, — тихо сказал Ферзь. — Я — ферзь, пешка, ученик, учитель. Я — всё это. Но за всем этим — я. Тот, кто просто есть. И это — Бытие.

— Ты понял главное, — улыбнулся Паменид. — Теперь ты можешь учить других. Однако же помни: учить — не значит давать ответы. Учить — значит показывать, что ответы — внутри. Что каждый может найти Бытие в себе. Потому что Бытие — это не далеко. Это здесь. И сейчас. И всегда.

Он исчез. Не как тень при свете. А как свет, который сделался невидимым, потому что он везде.

Фигуры остались сидеть в Монаде. А вокруг было потрясающе красивое и удивительное Бытие. Внутри было всё, оно и было Бытие. Всё, что они могли помыслить, было Бытием.

— Странное чувство, — сказала Пешка. — Как будто я всегда это знала. Но не знала, что знаю.

— Это и есть сознание, — сказал Ферзь. — Бытие, которое наконец-то узнало себя.

Они замолчали. И в этой тишине было слышно, как Монада дышит, а Бытие говорит само с собой на языке танца и музыки, у которого нет слов, но есть смысл.

Итак... закончилась наша сказка о Памениде. Он объяснил главное.

Всё, что есть — есть.

Того, чего нет — нет не только на самом деле, но даже в мысли.

Потому что мысль — уже есть.

Храните это знание не как истину, которую нужно доказывать, но как ключ, который открывает дверь туда, где дверей нет.

В Бытие.

Которое — вы.

Когда перестаете сомневаться, что вы — есть.

И это — не магия слов...

Это — Паменидова правота... или Парменидова.

___Продолжение сказов о Ферзе в отдельной книге серии «Сказы Семи Морей»

Сказка о том, как Наука гналась за Природой, а Природа всё это время сидела на скамейке и ела яблоко

Ироничная сказка для тех, кто ещё не научился удивляться

Пролог. В котором появляется Некто в белом халате и выясняется, что лаборатория — это только начало

В некотором царстве, в некотором государстве, которое называлось Прогрессивная Эпоха, жила-была Наука. Она была очень, очень серьёзная.

Носила белый халат, очки в толстой оправе и никогда не улыбалась, потому что улыбка — это субъективно, а субъективность не воспроизводится в эксперименте, без которого Наука жить не могла.

Каждое утро серьёзная и очень, очень умная Наука садилась за свой компьютер и говорила: — Я всё измерю. Я всё объясню и разложу мироздание на формулы, как курицу на филе. Не сомневайтесь!

А где-то на задворках, на старой скамейке под орехом, сидела Природа. Она обычно ходила босиком, летом с венком из полевых цветов на голове, зимой в красивом кружевном наряде, а сейчас она просто сидела и грызла яблоко, да ещё наблюдала за Наукой с легкой улыбкой человека, который знает конец фильма, но не хочет о том говорить.

— Смешная, — думала Природа. — Но старательная. Когда-нибудь она подрастёт.

И вот однажды Наука решила: «Хватит! Я поймаю эту насмешливую и молчаливую Природу,

поставлю её в условия строгого контроля и узнаю все её секреты». Она надела самые точные мульти-очки, взяла с собой нейросеть и квантовые приборы, зарядила самый мощный суперкомпьютер и отправилась в погоню.

А Природа, как назло, всё время оказывалась чуть-чуть впереди. Или сбоку. Или внутри. Бог знает, как это у неё получалось, но догнать Природу Науке никак не удавалось.

Часть первая

О Мере и Бесконечности, или Как Наука впервые задумалась

Долго ли, коротко ли гналась Наука за Природой, но однажды вышла она на берег океана. Океан был великолепен и велик, шумел всей мощью своих невыразимых тайн, волны набегали одна за другой, и казалось, конца им не будет.

Наука достала линейку и измерила волну.

— Три метра, — записала она.

Природа, сидевшая на камне неподалёку,
рассмеялась.

— А следующая?

Наука измерила следующую.

— Три с половиной.

— А послезавтра? А через тысячу лет? А когда
луна изменит фазу?

Наука слегка смутилась и замерла. Она поняла,
что если измерять каждую волну в отдельности,
это займёт вечность. А если вывести формулу,
которая описывает все волны сразу, то в формуле
появится буква, обозначающая бесконечность. А
бесконечность в формуле — это как дырка в
кармане: всё из неё высыпается, но без неё никак.
А вместе с тем вспомнилась ей античная притча.

Один ученый человек на берег моря

Пришел, чтоб счет вести
прибывшим вновь волнам.

Да сбился с счета: как тут быть, не знает сам,
Застыл в молчании, с самим собою споря...

К тому ученому лисичка подошла,

Да так сказала:

- Не горюй, их больше нет.

Начни сначала – будет правильный ответ.
Тебе, ученому, ведь цифра и важна...
Лукиан «Гермотим»

Лукиана из Самосаты (II в. н. э.) называли "Вольтером классической древности". Упадок старой философии, крах старой религии - главная тема творчества этого писателя.

— Слушай, — спросила Наука, поправляя очки. —
А как мне быть с бесконечностью? Она не влезает
ни в одну мою формулу целиком.

Природа бросила камешек в воду. Круги
разошлись во все стороны и исчезли.

— А ты не пытайся её поймать. Пойми её меру.
Видишь круги? Они бесконечны по возможности —
могут расходиться в вечность, но начало у них
одно — твой камешек. Бесконечность — это не
число, это качество. Это когда у предела есть
дыхание. Поняла?

Наука задумалась. В её компьютере никогда не
было графы «качество». Только «количество».

— А можно это как-то... посчитать? — робко спросила она.

— Можно, — улыбнулась Природа. — Числом, которое само является отношением. Например, φ — золотое сечение. Оно и конечно, и бесконечно, и повторяет само себя в каждой части. Это как раз та мера, где Предел встречается с Беспредельным.

— Это что-то из Пифагора? — нахмурилась Наука.
— Он же не был учёным в моём понимании! У него не было лаборатории!

— Ох, — вздохнула Природа. — Это ты в своём нынешнем качестве у него не была...

Часть вторая. О Зеркале, или Как Наука обнаружила, что смотрит на себя

Пошла Наука дальше за Природой и пришла в горы, а там, среди скал, стояло огромное Зеркало. Оно было древнее самих гор, покрытое патиной, но отражало идеально.

Наука встала перед ним и увидела... себя. В белом халате, с мульти-очками, нейросетью в сетке, с блокнотом. Всё как обычно.

— Ну и что? — сказала она. — Обычное зеркало.

— А ты подойди ближе, — шепнул ветер.

Наука подошла. И вдруг заметила, что у отражения в зеркале очки не в той оправе. И халат застёгнут на другую сторону. И улыбка какая-то... странная, то ли фальшивая, то ли лукавая. Будто отражение знает о ней больше, чем она сама.

— Кто ты? — спросила Наука.

— Я — твоя тень, — ответило отражение. — То, что ты не видишь в себе. Все твои невысказанные предположения, все твои точные опыты, которые ты принимаешь за факты. Пока ты думаешь, что смотришь на мир объективно, ты смотришь на меня. Я — твой наблюдатель. А наблюдатель, дорогая, всегда часть эксперимента. Ты это знаешь, но делаешь вид, что нет.

Наука растерялась. Она всегда считала, что она — это она, а мир — это мир. Какие могут быть сомнения! И граница между ними проходит чётко, как между пробиркой и реактивом.

— А если я часть эксперимента, — спросила она, — то где заканчиваюсь я и начинается мир?

— Нигде, — ответило Зеркало. — И везде. Ты — это мир, который смотрит на себя твоими глазами. Ты — это Монада, забывшая, что она — Единое.

— Что-что? — переспросила Наука. — Какая ещё Монада? Я — наука! У меня есть формулы и законы!

— Формулы — это хорошо, — усмехнулось отражение. — Но формулы описывают только то, что можно измерить. А ты попробуй измерить вот это.

И Зеркало показало ей нечто удивительное: серебряную нить, тянущуюся от её груди в небо, к далёким звёздам, к самому началу начал.

Наука попыталась измерить нить штангенциркулем. Штангенциркуль прошёл сквозь неё, как сквозь туман.

— Это... это не физический объект! — возмутилась Наука.

— Конечно, нет, — засмеялось Зеркало. — Это связь с твоим Истоком. Это то, что древние называли Серебряной Нитью. Без неё ты была бы просто очень умным набором молекул. Но ты — больше. Ты — искра Абсолюта, одетая в лабораторный халат. Но взглядишь внимательнее в меня! И пройди дальше. Там тебя ждут древние.

Часть третья. О семи мудрецах, или Как Наука встретила своих прадедушек

Долго ли, коротко ли шла Наука в Зеркале, но вышла на поляну, где сидели семь старцев. Совсем не похожие на тех, кого изображают на картинах мудрецами. Разумеется, они не носили белых халатов, не пользовались нейросетью и мульти-очками, но в их глазах светилась такая глубина, что Наука почувствовала себя первоклассницей на экзамене.

— Садись, внучка, — сказал один из них. — Мы тебя заждались.

— Вы вообще кто? — спросила Наука.

— А ты догадайся, — усмехнулся второй.

Наука напрягла свою аналитическую машину ума. Бороды, хитоны, странные предметы в руках...

— Фалес? Пифагор? Демокрит? — начала перечислять она.

— Правильно, — кивнул третий, самый улыбчивый. — Я, кстати, Демокрит. Слышала про атомы?

— Конечно! — оживилась Наука. — Это мы открыли тайны атома и атомную энергию! Хотя... вы придумали атомную теорию! Вы сказали, что всё состоит из атомов и пустоты!

— Не придумал, а увидел, — поправил её Демокрит. — И ты знаешь, что самое смешное?

— Что?

— Пустота смеялась. Когда я впервые сказал людям, что мир держится на пустоте, они подумали, что я сошёл с ума. А пустота — она никуда не делась. Она есть везде. Между атомами, между звёздами, между твоими мыслями. И она смеётся. Потому что без неё не было бы движения. Не было бы жизни. Не было бы тебя. Разве не смешно?

— Пустота смеётся? — переспросила Наука, чувствуя, что её привычная картина мира даёт трещину.

— А ты посмотри на свой вакуум, — сказал Демокрит. — Что там происходит? Частицы возникают и исчезают? Энергия флуктуирует? Это же пустота играет. Она не пуста. Она полна возможностей. Просто ты пока не научилась их видеть.

Тут заговорил Пифагор. Он был спокоен и точен, как струна.

— Демокрит прав. Но атомы и пустота — это только половина основы. Вторая половина — число. Не то число, которым ты считаешь длину пути или время, а то, которым структурируется качество. Слышишь?

Он коснулся струны монохорда, и в воздухе поплыла лебедем чистая нота.

— Вот это — число. Это отношение. И это мера, в которой сходятся Предел и Беспредельное. Весь мир — это вселенская Музыка. А ты, Наука, пытаешься её расшифровать в формулах, игнорируя слух.

— Но у меня есть приборы! — возразила Наука. — Они измеряют частоту!

— А душу ты измерила? — спросил Фалес, сидевший в стороне и смотревший на воду в чаше.

— Эту воду я могу измерить. А то, что она живая, — нет.

Потому что жизнь не измеряется литрами.

Часть четвёртая. О сознании и мышлении, или Как Наука обнаружила, что мыслит не только она

Наука задумалась. И в этот момент случилось нечто странное. Её мысли... начали с ней разговаривать.

— Ты нас используешь, — сказала одна Мысль, похожая на формулу Эйнштейна.

— Да, — согласилась Наука. — Вы мне нужны для исследований.

— А ты знаешь, откуда мы берёмся? — спросила другая Мысль, извилистая, как спираль ДНК.

— Из нейронных связей! — выпалила Наука.

Мысли переглянулись и рассмеялись.

— Нейронные связи — это наш инструмент, — сказала первая. — Но мы — не они. Мы — волны в поле Сознания. Ты думаешь, что мыслишь сама. Но на самом деле ты — локатор. Ты — точка, где Сознание мира фокусируется, чтобы увидеть самоё себя. Ты не производишь мысли. Ты их улавливаешь. Как радиоприёмник ловит музыку. А хороший приёмник ещё и настройку имеет.

— Какую настройку? — растерялась Наука.

— Любовь, искренность, бесстрашие перед неизвестным, — перечислили Мысли. — Когда эти настройки включены, ты ловишь чистый сигнал. Когда выключены — шум, предрассудки, догмы, которые ты называешь «устоявшимся научным мнением».

— Вы хотите сказать, что я... что я не мыслю? — возмутилась Наука. — Я же учёный!

— Ты мыслишь, — успокоили её Мысли. — Но ты — не единственная, кто мыслит. Вся Вселенная мыслит. Галактики мыслят. Атомы мыслят. Пустота мыслит. Просто они мыслят на разных языках. Ты пытаешься перевести их язык на свой — язык формул. Это благородно. Но не забывай, что перевод — это всегда потеря... утрата оригинала. Чтобы понять по-настоящему, надо иногда замолчать и просто быть.

Часть пятая. О главном смысле Единого, или Как Наука наконец-то села на скамейку

Наука шла дальше и глубже. Она уже не гналась за Природой, а просто шла, и мысли её казались ей тихими, как вода в горном озере.

И вдруг она вышла на ту самую скамейку, где в начале сказки сидела Природа. Только теперь на скамейке никого не было. И только яблоко, надкушенное, лежало на доске.

Наука села. Взяла яблоко и задумалась.
Посмотрела на него, потом на небо. Потом внутрь себя.

И в этот момент она нечто важное поняла.

Не формулами. Не приборами. Не диссертацией.
А просто — поняла.

Поняла, что Единое — это не сумма частей. Это то, из чего части рождаются и в чем растворяются. Как океан и волны. Как свет и лучи. Как тишина и звук.

Поняла, что атомы Демокрита и пустота, которая смеётся, — это два лица одного целого. Форма и пространство. Явь и возможность. Дыхание и пауза.

Поняла, что наблюдатель — не помеха эксперименту. Наблюдатель — это окно, через которое мир смотрит на себя. И чем чище окно, тем яснее видно.

А ещё она поняла, что семь мудрецов — не конкуренты, а предшественники. Что они видели то же, что видит она, только не через приборы, а через Серебряную Нить, которая была у них внутри с самого начала. И что их «наивные» догадки о числе, гармонии и атоме были не

детским лепетом, а прозрениями, которые современная Наука только начинает подтверждать.

И, самое главное, она поняла, что Мера и Бесконечность — это не враги. Это их танец. Один задаёт форму, другая — дыхание. И вместе они создают музыку, а люди её называют Жизнью.

Эпилог. В котором Наука улыбнулась, и это было началом новой эпохи

Наука откусила яблоко. Оно оказалось сладким, кислым, хрустящим и — как это ни странно — бесконечным. Потому что в каждом яблоке скрыта Вселенная, если уметь её видеть.

— Ну что, — раздался знакомый голос. — Набегалась ты за мной?

Рядом, на том же месте, сидела Природа. Босиком, с тем же венком, и загадочно улыбалась.

— Да я и не гналась, — сказала Наука. — Шла.

— И что поняла?

— Что ты — не объект для исследования, а мой собеседник. И я должна не ловить тебя, но слушать, внимательно прислушиваясь да приглядываясь к каждому образу и качеству. Что формулы — это хорошо, но они — всего лишь временная карта. А ещё, что карта — это не территория. И что самое главное в науке — это не количество публикаций, а качество взгляда.

— И что же ты теперь будешь делать? — спросила Природа.

Наука сняла очки, положила их на скамейку, расстегнула белый халат и накинула его на плечи, как плащ. Как будто это было важным поступком.

— Буду учиться заново, — сказала она. — Смотреть на мир не как на объект, а как на интереснейшего собеседника. Искать не только количество, но и меру, меру качества и количества. Измерять не только расстояние или вес, но и смысл, и звучание, а ещё пробовать новое знание на вкус. И помнить, что я — часть того, что исследую.

— А как же твои приборы? — спросила Природа.

— Приборы останутся, — улыбнулась Наука. — Но теперь я буду знать, что они — не глаза для меня, а как очки. Настоящие глаза у меня вот здесь.

Она коснулась своей груди там, где билось сердце. И — что самое удивительное — в этом месте что-то слегка засветилось. Тонкая, серебряная, уходящая в бесконечность нить...

Природа кивнула, встала и протянула ей руку.

— Ну что, коллега? — сказала она. — Поработаем вместе?

— Поработаем, — ответила Наука. И впервые в жизни улыбнулась, как счастливый ребёнок.

А где-то в глубине мироздания атомы закружились в новом танце, пустота тихо посмеивалась, а число ϕ медленно, бесконечно, как всегда, выписывало свой золотой узор на небе.

И если вы, дорогой читатель, сейчас посмотрите на что-то обычное — на яблоко, на лист дерева, на отражение в окне — и почувствуете в этом нечто большее, чем просто предмет, значит, вы тоже присели на нашу скамейку. Хотя бы и на минуту.

Добро пожаловать в науку будущего. Ту, где наблюдатель стал частью эксперимента. Ту, где смеётся пустота. И ту, где числа танцуют под музыку сфер.

Послесловие для тех, кто любит разбирать сказки на молекулы

Наука в белом халате: Современное научное мышление, ориентированное на измеримость и объективность, часто упускающее субъективный и качественный аспект познания

Природа с яблоком: Сама реальность, которая не обязана подчиняться нашим схемам; её спокойствие — намёк на то, что она никуда не убегает, но мы просто не научились её видеть.

Сцена с волнами: Проблема соотношения единичного (измеряемого) и общего (закона), а также встреча с бесконечностью как качеством, а не количеством.

Золотое сечение ϕ : Мост между миром чисел и миром смыслов, Пределом и Беспредельным; пифагорейское понимание числа как оформляющего качества.

Зеркало: Сознание наблюдателя, включённого в эксперимент; отражение, которое отличается от оригинала — метафора того, что мы никогда не видим мир «как он есть», а всегда видим его через себя, своё ограниченное восприятие.

Серебряная Нить: Связь монады (искры Абсолюта) с Истоком; то, что делает человека не просто материальным объектом, а носителем сознания.

Семь мудрецов: Символ, древняя философская традиция, чьи прозрения (атомизм, гармония чисел, единство всего сущего) современная наука переоткрывает, часто не осознавая этого.

Демокрит и смеющаяся Пустота: Атомософия, атомизм изначальный, с идеей, что пустота — не отсутствие, а поле возможностей; её «смех» — ирония над попытками полностью «заполнить» мир материей.

Мысли, говорящие с Наукой: Идея, что мышление — не продукт исключительно мозга, а функция Сознания, в котором мозг — лишь локатор; призыв к эпистемологической скромности.

Яблоко: Символ познания (от библейского древа), которое оказывается не горьким, а сладким, когда познание становится не завоеванием, а диалогом.

Финальная улыбка Науки: Сдвиг парадигмы: от объективизма (наблюдатель вне системы) к интрасферному восприятию (наблюдатель внутри и неотделим от системы).

Бессмертны программы,
Сюжеты... они
Хранятся, хранят, окаймляют огни
Тех звёзд, что живыми не видит наш ум,
Их плазма – не числа, где правит колдун,
Их светоч не догмы законов земных,
Их Жизнь Боготворна, очаг кладовых!

Но ум человека не в силах объять
Великую Суть, он нацелен считать,
И верить, что так познает этот мир,
Храня гигазнанье... программный кумир...

Да, память основой Сознанию и миру,
И память машины, и память кумира...
Столь сильно различье и мерность иная,
Живое бессмертно!
Программа живая?

Живое изменчиво формой, структурой,

Мгновением чувственным, вечной культурой,
Влекущей его к красоте Мироздания,
Вершине вершин вне программного знания.

О люди, припомните чудо творенья,
Дары Пифагора, Орфея... - вне тленья,
В них мудрость космической мысли Творца,
И память столетних Идей – дар Кольца.
Кольцо ж только символ
программы хранения
Внутри постоянности
миротворенья
И повторенья
уроков судьбы,
Чтоб сняли с себя цепи рабства ...рабы.

Сказка о том, как Наука гналась за Природой, а Природа всё это время сидела на скамейке и ела яблоко

Продолжение. Новая глава — о Вере, которая оказалась не чужой

Часть шестая. О Вере и Науке, или Как две сестры помирились на скамейке

Итак, Наука скинула белый халат, накинула его на плечи как плащ, улыбнулась Природе и сказала:

— Поработаем вместе.

Природа кивнула, но вместо того чтобы идти в лабораторию, повела Науку... в свой храм. Не в тот, что из камня, а в тот, что всегда под открытым небом. Там, где старые дубы кланяются ветру, а ручей бежит по камням, как по ступеням.

И у входа в этот храм подобно величественной статуе стояла Вера. Однако же... в простой одежде, с живыми глазами, и держала в руках не книгу и не свечу, а... маленький росток в глиняном горшке.

— А, — сказала Наука, чуть напрягшись. — Это ты.

— Это я, — спокойно ответила Вера. — Не бойся. Я не кусаюсь.

— Я и не боюсь, — соврала Наука. — Просто... мы не всегда находили общий язык.

— Это мягко сказано, — усмехнулась Вера. — Вы меня объявили «опиумом для народа», а я вас — «гордыней, не знающей границ».

— Ну... — Наука замялась. — Было дело.

— Садитесь, — сказала Природа, указывая на ту самую скамейку, возникшую рядом с ними. — Поговорим.

Как родилась Вера

— Ты знаешь, откуда я взялась? — спросила Вера, садясь рядом с Наукой.

— Из потребности объяснить непонятное, — быстро ответила Наука. — Гром — это гнев Зевса, урожай — милость Деметры... Пока не появилась физика — моя прабабушка.

— Хороший ответ, — кивнула Вера. — Умный. И... поверхностный, как и всё в тебе сейчас. Как измерение температуры воды, твоя физика, да и ты в целом не в состоянии объяснить природу её вкуса. А сам вкус воспринимается каждым по-своему правильно, но не формулами.

Она подняла с земли камень.

— Вот этот камень. Первобытный человек держал его в руке и чувствовал: в нём есть некая сила. Тяжесть, плотность, сопротивление. Но он чувствовал и другое: этот камень старше его деда, старше его племени, старше всех песен, которые поют у костра. Он видел, как солнце нагревает камень, а луна делает его прохладным. Ещё он видел, как камень лежит неподвижно, но вокруг него ...всё движется, цветёт, умирает и рождается снова. И он спрашивал себя: «Что держит этот камень? Что поддерживает меня? Почему я чувствую в груди огонь, а в камне — нет, но мы оба — часть чего-то одного?»

— Это анимизм, — сказала Наука. — Наивное одушевление природы.

— А ты попробуй быть честной, — мягко оборвала её Вера. — Попробуй представить, что ты не знаешь ничего о молекулах и атомах. Посмотри на

этот камень как ребёнок, с живым интересом. Или как старец, который понял, что знание — это не власть, а благодарность.

Наука замолчала. Она взяла камень в руку. Он был тёплым от солнца, шершавым, с прожилками кварца, блестевшими на свету.

— В нём есть... что-то, — нехотя признала она. — Какая-то... целостность. Словно он помнит, как родился из огня, как его точила вода, или как по нему ползли жучки и наслаивались лишайники...

— Вот, — улыбнулась Вера. — Это и есть начало веры. Не «объяснение непонятного», а чувство причастности. Ты чувствуешь, что ты — не отдельно, не сверху, не хозяин, а внутри чего-то большего. Камень — это не объект исследования. Но сейчас этот Камень — твой собеседник. Молчаливый, живой, сильный особой силой. И когда люди тысячи лет назад смотрели на горы, реки, на огонь в очаге, они чувствовали то же самое. Они говорили: «Здесь есть кто-то, кто старше меня, кто сильнее меня, но кто меня слышит».

И они начинали с этим Кем-то ...разговаривать. Пытаясь понять это большее, как дети пытаются разгадать непонятные слова родителей. Так родилась Вера.

— Но ведь они ошибались! — воскликнула, чуть не захлебнувшись от своей силы знания Наука. — Гром — не голос Зевса, это электрический разряд!

— А ты уверена, что электрический разряд — не один из голосов того, что вы пока не умеете назвать? — спросила Вера. — Вы дали явлению другое имя. Вы описали его механизм, а решили, что выяснили природу. Но разве механизм отменяет чудо? Разве формула « $E = mc^2$ » делает энергию менее таинственной?

Наука хотела возразить, но Природа положила руку ей на плечо.

— Не спеши, — сказала она. — Вера не говорит, что камень разговаривает по-гречески или пророчествует. Вера говорит, что камень есть. Просто есть. Что у него своё бытие, своя глубина, причастность к Единому. Твоя наука тоже это говорит, только другими словами.

Вы обе говорите об одном, но... на разных языках.

Два корня одной веры

Вера взяла росток в горшке и поставила его на скамейку между собой и Наукой.

— Смотри, — сказала она. — У этого ростка два корня. Один тянется в землю, в видимую почву — это земная вера. Её питают горы, реки, смена времён года, труды рук, хлеб на столе и дети в колыбели. Это вера, которая говорит: «Мир добр, в нём есть порядок, я здесь не случайно».

А второй корень, — она аккуратно раздвинула пространство вокруг горшка с ростком, — уходит глубже. Туда, где уже не почва, а свет. Это глубинная вера — связь с тем, что за пределами видимого, с Монадой, Серебряной Нитью, с тем Огнём в центре, о котором говорил Филолай. Эта вера не от мира сего, но именно она держит мир.

— И что, — спросила Наука, — у всех народов такие сказки?

— У всех, — кивнула Вера. — Посмотри на любую древнюю традицию. У славян — Мать Сыра Земля, которая и кормит, и судит. Слово Сыра означает - с Ирия... Ирий — в восточнославянской и восточнопольской мифологии древнее название рая и райского мирового дерева; мифическая страна. У индусов — Агни, огонь жертвенника, соединяющий землю и небо. У египтян — Ра,

солнце, которое видит всё на земле и на небе. У греков — Гестия, центральный огонь Вселенной, тот самый, что у Филолая. Все они видели одно: есть видимое (земля, вода, дерево) и есть невидимое (дух, смысл, связь), и они неразрывны. Религиозная вера — это попытка говорить с этой глубиной. Наука же современная — это попытка говорить о видимом, усиливая зрение приборами и теориями. Но вы говорите об одном мире. Просто одна из вас смотрит вверх, другая — внутрь, третья — вокруг, а интрасферный взгляд объединяет.

— А ты куда смотришь? — спросила Наука у Природы.

Природа улыбнулась:

— Я и есть то, на что вы смотрите. Я — и корни, и росток. Я — и формула, и молитва, и тайна. Я не против ни науки, ни веры, когда они помнят, что они — сёстры. Но, увы, они ссорятся, когда каждая думает, что она — единственная, верная и надёжная. Разве это не вы были?

О том, как ссорились сёстры, а потом помирились

— Но как же так вышло, — спросила Наука, — что мы так долго враждовали? Я думала, Вера — это про догмы, про запреты, про «верь, не рассуждай». А она — про меня, про науку, очень даже нелестно отзывалась, но оказывается, мы из одного корня?

Вера вздохнула:

— Мы обе выросли из человеческого удивления. Из того момента, когда первый разумный человек посмотрел на звёзды и спросил: «Почему?» И я, и ты — дети этого вопроса. Но потом... потом мы пошли разными дорогами.

Я пошла по пути доверия — и приняла, что есть вещи, которые ум не может объять, но сердце может принять. Я сказала: «Есть Тайна, и я склоняюсь перед ней».

Ты пошла по пути измерения — и сказала: «Я попробую понять эту Тайну, разобрать её на части, увидеть механизм».

Оба пути благородны. Но потом... — Вера помолчала. — Потом мы начали спорить, кто главный. Я стала говорить: «Измерение оскверняет Тайну». Ты стала возражать: «Доверие — это трусость ума». Мы забыли, что у нас один

отец — Удивление, и одна мать — Любовь к истине.

— А ещё, — добавила Природа, — появились те, кто использовал вас в своих целях. Одни прикрывались Верой, чтобы жечь учёных, тем самым вселяя страх в народы и преклонение перед религией. Другие прикрывались Наукой, чтобы объявить Веру пережитком, высмеивая её ритуалы. А вы, как глупенькие дети, поверили, что так и надо.

Наука опустила глаза.

— Да, было такое. Мы сожгли Джордано Бруно. Мы осмеяли Галилея, запрещали коперниканство. Да, мы называли наивными древних философов, говоривших о Живом Космосе, мы даже подменяли их учения на свой стиль, приписав Демокриту материалистический атомизм. А потом... потом мы ударились в другую крайность. Мы сказали: «Бога нет, есть только материя». И стали измерять душу граммами, доказывая её материальность.

— И что теперь? — спросила Вера.

— Теперь я встретила вас, — сказала Наука. — И поняла, что вакуум, в котором рождаются частицы,

— это не пустота. Это поле волшебных по природе возможностей. И что сознание не сводится к электрохимии. И что число ϕ есть в природе самих галактик и в строении молитвенных чётков, и это не случайно. И что, возможно, я слишком долго смотрела на мир через микроскоп да телескоп, забывая посмотреть на него через сердце.

Она повернулась к Вере:

— Прости меня. За высокомерие. За то, что я считала тебя «недоразвитой наукой». За то, что не видела в тебе сестру.

Вера улыбнулась и протянула руку:

— И ты меня прости. За то, что я считала тебя «слепой» и «бездушной». За то, что я запрещала вопросы. И что я прятала Тайну за своими стенами, которые должны были её защищать, а получилось — что заточили как в сказке про царевну.

Они пожали друг другу руки. И в этот момент маленький росток, стоявший между ними на скамейке, вдруг выпустил новый лист — ярко-зелёный, трепещущий на ветру.

— Смотрите, — сказала Природа. — Он растёт.

О том, что ждёт впереди

— Ну и что теперь будет? — спросила Наука. — Я вернусь в лабораторию. Ты — в храм. Как мы не потеряем друг друга?

— А ты возьми с собой, — сказала Вера. — Не меня, конечно, — мою суть. Когда будешь смотреть в микроскоп, помни, что за клеткой стоит жизнь, а за жизнью — Тайна. Когда будешь выводить формулу, помни, что она — не замена реальности, а её малое отражение. Когда будешь спорить с коллегами, помни, что истина больше вашего спора.

— А ты, — сказала Наука Вере, — когда будешь говорить с прихожанами, помни, что вера не боится вопросов. Что Бог, если Он есть, не нуждается в твоей защите от науки. Что священное не становится менее священным от того, что мы поняли, как оно в какой-то части своей устроено.

— Договорились, — кивнула Вера.

— А я, — сказала Природа, — буду здесь. На скамейке. С яблоком. Ждать, когда вы обе придёте

ко мне не завоевывать первенство, а просто посидеть рядом.

О том, как две сестры пошли домой, но не расстались

Наука вернулась в лабораторию. Но теперь на её столе, рядом с приборами, стоял маленький росток в горшке. Неизвестно, что там вырастет...

Вера вернулась в храм. Но теперь на аналое, рядом с древней книгой, лежал камень — тот самый, с прожилками кварца, который держали в руках древние.

И когда кто-то спрашивал Науку: «А ты веришь в Бога?» — она отвечала:

— Я верю в Природу, которая больше моих формул. И я верю, что моя работа — не замена вере, а её продолжение. Другим языком.

А когда кто-то спрашивал Веру: «А ты признаёшь науку?» — она отвечала:

— Я признаю, что Творец не боится, когда Его творение изучают. И что вера, которая боится знания, — это не вера, а страх.

А Природа сидела на скамейке, слушала, как они спорят и мирятся, и думала:

«Растут. Наконец-то растут».

А где-то в глубине мироздания атомы продолжали свой танец, пустота тихо посмеивалась, число ϕ выписывало золотой узор на небе, а Серебряная Нить тянулась от каждого сердца к Истоку, соединяя всех — и учёных, и священников, и простых людей, которые просто смотрели на звёзды и чувствовали, что они не одни.

Пояснение: Вера как персонаж. Не оппонент, а сестра Науки, имеющая с ней общий корень Камень в руке. Метафора первобытного чувства причастности, предшествующего и науке, и религии.

Общий отец — Удивление, общая мать — Любовь к истине.

Сказка о том, как Природа разглядывала себя в зеркале и пыталась объяснить себе, кто она есть

Новая глава. В которой скамейка пустеет, а
зеркало заговорило

Часть седьмая. Природа остаётся одна и берёт зеркало

Наука ушла в лабораторию. Вера — в храм.
Скамейка опустела. Только надкушенное яблоко
так и лежало на доске, да ветер перелистывал
невидимые страницы нашей сказки.

Природа сидела и смотрела перед собой. А перед
ней, во всю высоту неба, стояло то самое Зеркало,
которое когда-то показывало Науке её тень.
Только теперь оно было значительно больше. Оно
отражало всё — от песчинки под ногами до
далёких галактик, от биения сердца до формул на
доске, от молитвы в храме до сомнения в
лаборатории...

— Ну что ж, — сказала Природа самой себе. —
Раз все разошлись, попробую разобраться в себе.
Кто же я, на самом деле? Откуда во мне столько

лиц? И почему Наука и Вера видели меня так по-разному, хотя я — одна?

Зеркало молчало, оно было интрасферным — то есть тем, что отражает и внешность, и внутреннюю суть. И когда Природа всмотрелась в него, она увидела не своё привычное лицо, а структуру себя. Как если бы можно было увидеть не кору дерева, а то, как сок по нему течёт, и свет в него входит, и память о семени живёт, из которого оно выросло.

— Давай-ка по порядку, — сказала Природа. — Что во мне есть?

Первое. О природе внешней и внутренней, или О том, что снаружи — это продолжение того, что внутри

Зеркало показало: внешняя Природа — это горы, океаны, деревья, облака, звёзды. То, что можно потрогать, измерить, сфотографировать. То, с чем Наука чувствует себя уверенно.

А внутренняя Природа — это то, что чувствует человек, когда смотрит на закат и у него замирает сердце. Это не «эффект освещения» и не «выработка дофамина». Это волнующая встреча. Внешний мир касается внутреннего, и в точке

касания рождается нечто третье — смысл, красота, благоговение.

— И что же, — спросила Природа у зеркала, — эти две природы — разные?

Зеркало ответило не словами, а образом: река, текущая к океану, и вода, поднимающаяся в небо облаком, чтобы выпасть дождём и снова стать рекой. Это одно и то же — просто разные состояния. Как лёд и пар.

— Понятно, — кивнула Природа. — Внешнее и внутреннее — это не два разных мира. Это один мир, глядящий на себя. Если смотрю на себя глазами геолога — я горы. Когда глазами поэта — я чувство. Но я — и то, и другое, и то, что между ними тоже.

Второе. О природе науки и природе веры, или О том, как два языка описывают одно тело

Зеркало показало: Наука смотрит на Природу, как на объект. Она спрашивает: «Из чего ты состоишь? Как ты работаешь? Какие у тебя законы?» Это взгляд аналитика, разбирающего механизм, чтобы понять, как он собран.

Вера смотрит иначе, как на собеседника. Она спрашивает Природу: «Зачем ты есть? Что ты хочешь мне сказать? Как мне быть с тобой в ладу?» Это взгляд ребёнка или мудреца, чувствующего целостно, сознающего, что за явлением стоит нечто большее, чем его устройство.

— И кто из них прав? — спросила Природа.

Зеркало показало человеческое тело. Вот анатомический атлас — мышцы, нервы, сосуды. Это Наука. А вот рука, гладящая ребёнка по голове. Это Вера. Тело одно. Но можно описывать его строение, а можно — его любовь. Одно не отменяет другого. Что тебе важнее?

— Проблема, — сказала Природа, — когда анатом думает, что любви не существует, потому что она не в атласе. А любящий думает, что анатомия оскверняет чудо. Глупы оба. Чудо становится больше, когда начинаешь понимать, как оно устроено. А анатомия становится живой, когда помнишь, для чего эти мышцы служат.

Третье. О природе Солнца и природе мышления, или О том, что свет бывает разный

Зеркало показало Солнце. Не просто звезду спектрального класса G2, вспыхивающее не по графику или формуле, а то Солнце, которое люди видели всегда — источник жизни, превосходящий воображение огонь, дающий жизнь, тепло, время, отсчитывающее дни, и свет, в котором всё видно.

А рядом — мысль. Тоже свет, но другой. Свет, в котором видно не внешнее, а внутреннее. В котором открываются связи, смыслы, истины.

— Они родственники? — спросила Природа.

Зеркало ответило: в мироздании один Свет. Он преломляется, проходя через разные среды, структуры. Через вещество — становится солнечным лучом. Через разум — становится мыслью. Через сердце — становится любовью. Через совесть — становится истиной. Физики изучают его как электромагнитное излучение. А мудрецы — как Логос, пронизывающий всё.

— Значит, — протянула Природа, — когда человек думает, он продолжает дело Солнца. Он освещает мир другим способом. И когда он любит — тоже. Это всё ветви одного Древа.

Четвёртое. О природе биологической и природе психической, или О том, как тело говорит с душой

Зеркало показало Древо жизни. Не настоящее, но образ. Его корни — в земле, в химии, в клетках, в ДНК. Это биологическая природа. Ствол — это жизнь, текущая через поколения, эволюция, приспособление. А крона — это то, что поднимается выше: сознание, язык, культура, способность плакать над книгой или фантазией и строить настоящие, дивные храмы.

— Они не разделены, хотя и воспринимаются обычно раздельными — заметила Природа. — Корни питают крону. Крона тянется к свету и через фотосинтез возвращает силу корням.

— Точно, — произнесло наконец зеркало (оказалось, оно умеет говорить, просто выбирает подходящий момент). — Биология — это язык, на котором тело говорит с душой. А психика — язык, на котором душа говорит с телом. Одно без другого — либо труп, либо призрак. Вместе — жизнь.

— А боль? — спросила Природа. — Страдание? Откуда они?

— Боль — это важный сигнал, — ответило зеркало. — Она свидетельствует, что нарушена связь. Когда корни не получают того, что нужно,

или крона тянется не к тому свету. Биологическая боль говорит: «Что-то не так с телом».

Психическая боль говорит: «Что-то не так со смыслом». И та, и другая — учителя. Но люди часто их просто заглушают, вместо того чтобы слушать. Какова причина, подумай сама, дорогая Природа.

Пятое. О природе сил, которые мы называем «естественными», и тех, которые называем «духовными»

— А теперь о самом сложном, — сказала Природа.
— Покажи мне, что такое сила в моём мире?

Зеркало с улыбкой показало: гравитация, электромагнетизм, сильное и слабое ядерное взаимодействие... Это то, что физики называют фундаментальными взаимодействиями. Они держат в равновесии галактики, атомы, жизнь на Земле.

А рядом или даже внутри — другие силы: любовь, которая держит семью; справедливость, которая сохраняет общество; истина, которая питает и притягивает познание; красота, возвышающая и питающая собой искусство.

— Это тоже силы? — удивилась Природа. — Их же нельзя измерить в ньютонах!

— А ты попробуй измерить, что сильнее, — ответило зеркало. — Гравитация или любовь матери, которая поднимает камень, чтобы спасти ребёнка? Ядерный синтез в Солнце или стихотворение, которое через тысячу лет заставляет сердце биться чаще?

— Но они же из разных областей! — возразила Природа.

— Это ты так думаешь, потому что смотришь на себя извне, — усмехнулось зеркало. — Посмотри изнутри.

И зеркало показало: Единое поле. В нём — всё. Гравитация и любовь — это разные частоты одного и того же. Электромагнетизм и истина — разные проявления одного стремления к связи. Ядерные силы, удерживающие ядро атома, и верность, удерживающая слово, — это одно и то же, только на разных уровнях. Вот они монады, воплощенные в Музыкае Сфер.

— Так вот почему древние говорили, что мир держится на всеобщей любви, — прошептала Природа. — Они видели это поле? Не умея

вычислять гравитационную постоянную, они умели чувствовать единую ткань – интрасферным восприятием.

— Да, — сказало зеркало. — А их описание было не менее точным, но более истинным. Просто выраженным другим языком.

Шестое. О природе внутренних и внешних сил, или О том, что ветер и желание — братья

— А что такое внешние мои силы, силы земной Природы? — спросила Природа. — Ветер, вода, движущиеся тектонические плиты?

— Это те силы, которые человек воспринимает как независимые от его воли, — ответило зеркало. — Они приходят извне, их нельзя отменить обычным желанием.

— А внутренние силы? — спросила Природа. — Страсть, страх, воля, совесть?

— Это те силы, которые человек воспринимает как свои, поддающиеся его воле. Хотя на самом деле они приходят из того же источника. Просто путь у них другой.

— И как же они связаны?

Зеркало показало ветер и дыхание. Это одно и то же движение воздуха. Снаружи — ветер, который движет деревья, подымает пыль, где-то помогает или останавливает процессы... Внутри — дыхание, оно оживляет тело. А есть ещё дуновение мысли — то, что древние называли «пневма», дух. Одно движение на трёх уровнях.

— Когда человек учится управлять своим дыханием, он учится понимать ветер, — сказала зеркало. — Когда учится управлять своими желаниями, учится понимать стихии. Когда он успокаивает ум, учится слышать тишину, а из неё-то рождается всё. Внутреннее и внешнее — не разделены стенами, а соединены переходами, превращениями. Как между вдохом и выдохом.

Седьмое. О том, как Природа увидела себя целой

Долго смотрела Природа в зеркало. И постепенно картина складывалась воедино.

Она увидела, что внешняя природа (горы, океаны, звёзды) и внутренняя (мысли, чувства, совесть) — это одно «тело», просто разные его уровни, слои.

Она увидела, что наука и вера — не враги, а два способа приближения к одному. Один через

вопрос «как?», другой через вопрос «зачем?». И оба вопроса ведут к одной тайне.

Она увидела, что свет Солнца и свет разума — это слои одного огня. И что биологическая жизнь и психическая жизнь — корни и крона одного дерева.

Она увидела, что физические силы и духовные силы — разные частоты единого поля, пронизывающего всё. И что внешние стихии и внутренние движения души говорят на понятном языке, просто мы разучились его слышать.

— Значит, я — это не собрание разных «природ», — сказала Природа. — Я — одна. А во мне разные уровни, языки, способы проявления. И те, кто изучает меня только как физику, видят один слой. Те, кто чувствует меня как душу, видят другой. Но слои — это не отдельные миры. Это я, разглядывающая себя с разных сторон.

Зеркало кивнуло.

— А что самое глубокое? — спросила Природа. — На самом дне? Если убрать все слои?

Зеркало показало тишину. Не пустоту, а полноту, которая не нуждается в проявлении, чтобы быть. Покой, как предел, где нет движения, но есть

возможность любого движения. Свет в потенции, который не горит, но может зажечь любую свечу.

— Это я? — спросила Природа.

— Это то, из чего я, — ответило зеркало. — А ты — моё отражение. Как и всё, что есть. Но не бойся быть отражением. Отражения — всюду, это не обман, но способ восприятия. Способ быть увиденным. А быть глубоко увиденным — значит быть любимым.

Природа помолчала. Потом встала, взяла яблоко, надкусила его с другой стороны и улыбнулась.

— Ну что ж, — сказала она. — Теперь я знаю, что я одна и не одна одновременно. Во мне есть место для Науки и для Веры, для Солнца и для Мысли, и для ветра, и дыхания. Что я — это единое интрасферное поле, на котором всё растёт. И что те, кто ищут меня, непременно найдут, когда будут искать не только снаружи, но и внутри.

Она ещё раз взглянула в зеркало. В нём теперь не было отражения. Только свет. Тот самый, что был в начале.

Эпилог. О том, как читатель может заглянуть в это зеркало

А теперь, дорогой читатель, скамейка пуста... Яблоко съедено. Наука и Вера разошлись по своим домам, хотя знают дорогу друг к другу. Природа ушла в себя — туда, где она всегда была.

Но зеркало осталось! Оно висит в пространстве между небом и землёй, между внешним и внутренним, вопросом и ответом. И если ты подойдёшь к нему с искренним желанием увидеть не своё лицо, а устройство того, что за ним, — оно покажет.

Структура природы мира — не лестница, где одно выше другого, и не список, где одно важнее другого. Но живая ткань мира, где каждый слой пронизывает все остальные. Где физика дышит метафизикой, а метафизика обретает плоть в физике. Где число становится смыслом, а смысл — числом. Наука и вера — две руки одного тела, которое пытается ощупать себя, чтобы понять, кто же оно. Здесь и сейчас.

И если ты спросишь: «А что в центре?» — зеркало покажет тебе тишину. В тишине — точку. В точке — свет. Во свете — тебя самого, смотрящего... как в сказке на все возможные превращения.

Потому что структура мира — это ты,
разглядывающий себя, это все знания твои о мире
– о тебе. И чем глубже ты смотришь, тем больше
увидишь, ибо всё, что ты ищешь, — уже есть
внутри. И снаружи. И между ними. И это — едино.

Сказка о том, как Наука и Вера по-разному танцевали с резонансом, а Природа смотрела и улыбалась

Небольшое дополнение к седьмой части или отдельная мини-глава

Часть восьмая. О резонансе, которого боятся и которого жаждут

Пока Природа разглядывала себя в интрасферном зеркале, Наука и Вера уже разошлись по своим делам. Но Природа, будучи вездесущей, продолжала за ними наблюдать. И вот что она увидела...

Как Наука встретилась с резонансом

Наука вернулась в лабораторию, но теперь на её столе, рядом с приборами, стоял маленький росток в горшке. Она работала над проектом нового моста. Мост должен был быть красивым, надёжным и — самое главное — безопасным.

Она рассчитывала нагрузки, проверяла материалы, моделировала ветровые воздействия. И вдруг её компьютер показал тревожную картину:

при определённой частоте ветра конструкция начинала резонировать. Колебания росли, не гасли, и если ничего не сделать — мост разрушится, как тот, в Такоме, который сложился, как карточный домик, потому что инженеры... забыли про резонанс.

Наука вздрогнула, вспомнив историю, как мост удивительно танцевал под ветром, ...пока не рухнул. Красивое, но смертельное танго.

— Резонанс, — сказала Наука своим коллегам, — это опасно. Это когда система отвечает на внешний импульс слишком сильно. Если частота совпадает — жди беды. Мосты, здания, самолёты — всё может разрушиться, если не предусмотреть гасителей колебаний.

Коллеги закивали. Они добавили в расчёты демпферы, изменили конструкцию, увеличили запас прочности. Мост будет стоять. Резонанс подавлен.

— Хорошо, — сказала Наука. — Мы победили. Мы не допустили катастрофы.

Но где-то в глубине души у неё осталось лёгкое беспокойство. Не о мосте — о себе. Она поймала себя на мысли, что привыкла видеть в резонансе

только угрозу. Что её профессия — гасить колебания, не допускать совпадения частот, сохранять стабильность любой ценой.

— Может быть, — подумала она, — я слишком много боюсь?

Она посмотрела на росток в горшке. Он тянулся к окну, к солнцу. Никаких демпферов. Чистый резонанс с источником света.

Как Вера встретила с резонансом

А Вера в это время была в храме. Там, где старые дубы кланяются ветру, а ручей бежит по камням. Там, где не было компьютеров, но было что-то другое.

Собрались люди. Не много, но те, кто пришёл — пришли не зря. Они читали древние тексты, говорили о Вечном, о том, что за пределами видимого. И постепенно Вера почувствовала то, что чувствовала всегда, когда встречались люди с чистым сердцем.

Резонанс

Слова одного находили отклик в сердце другого. Мысли о Творце, о любви, о смысле — они не просто передавались, они ...умножались! Один говорил — и десятерым казалось, что они сами это уже знали, просто не могли выразить. Другой молчал — и его молчание было громче речей, потому что в нём резонировала тишина, из которой рождается всё.

— Чувствуете? — тихо сказала Вера. — Это не мы. Это Он отзывается в нас. Мы — как струны. Когда касаются одной — звучат все.

Люди улыбались. У некоторых на глазах выступили слёзы. Это не была печаль, но полнота. Резонанс, который не разрушает, а строит. Не гасит, а усиливает. Не боится совпадения частот — наоборот, ищет его.

— Мы называем это благодатью, — сказала Вера. — Или вдохновением. Или единством. Имя не важно. Важно осознать, когда сердца настроены в унисон — мир становится больше, прекраснее. И мы становимся больше самих себя.

Как Природа смотрела на обеих

Природа видела и то, и другое. Не осуждала ни ту, ни другую. Она просто смотрела.

— Обе мои дочери, — сказала она себе. — Обе ищут истину. Но одна привыкла бояться резонанса, потому что он может разрушить её постройки. Другая — ищет резонанса, потому что он умножает её смыслы.

— Но разве это не одно и то же явление? — спросило Зеркало.

— Одно и то же, — кивнула Природа. — Резонанс — это когда система отвечает на внешний импульс. Мост отвечает ветру. Сердце отвечает Истине. Разница не в физике. Разница в том, что резонирует и какова природа ответа. Кто воспринимает и Зачем.

— Поясни, — попросило Зеркало.

— Когда резонирует мост, — сказала Природа, — он не может выбрать, как ему отвечать. У него нет выбора, ибо не живой. Он подчиняется законам механики. Если частота совпала — он разрушается. Поэтому Наука права, что боится. Её задача — гасить разрушительные резонансы, строить надёжно, защищать.

— А Вера?

— А когда резонирует душа, — улыбнулась Природа, — она выбирает ответ сама. Она может настроиться на высокую частоту или на низкую, потому, что живая. Может открыться Свету или закрыться. Может умножать любовь или умножать страх. Вера радуется не любому резонансу, а тому, который умножает лучшее в человеке. Она ищет совпадения с Истиной, Добром, Красотой – в себе. И когда находит — это не разрушение, это рост, ведущий к преобразению.

— Но разве нет риска? — спросило Зеркало. — Разве вера не может попасть в разрушительный резонанс? Секты, фанатизм, насилие во имя веры?

— Может, — серьёзно ответила Природа. — И тогда Вера должна учиться у Науки. Учиться различать, где резонанс строит, а где разрушает. И что именно строит или разрушает. Учиться ставить демпферы для фанатизма. Учиться проверять, на что именно настроена душа.

— А Наука? — спросило Зеркало.

— А Наука должна иногда отпускать демпферы, — улыбнулась Природа. — Она так привыкла гасить

колебания, что разучилась им радоваться. Но есть резонансы, которые не разрушают, а творят. Вдохновение учёного, когда решение приходит как удар колокола – это резонанс. Открытие, которое совпадает с ритмом мироздания. Момент, когда формула вдруг становится красивой, а не просто правильной. Это тоже резонанс. И его не надо гасить. Его надо ловить.

Как они встретились на середине моста

Прошло время. Мост, что проектировала Наука, построили. Он возвышался аркой над рекой, красивый и надёжный. И в день открытия на мост пришли люди. Среди них была Вера.

Наука стояла у перил, смотрела на воду и чувствовала гордость. Мост не рухнет. Она сделала своё дело.

Вера подошла к ней.

— Красивый мост, — сказала она.

— Надёжный, — поправила Наука. — Красота — это приложение.

— А можно я на нём помолюсь? — спросила Вера.

— Молись, — разрешила Наука. — Он выдержит. Я всё рассчитала.

Вера закрыла глаза. И в тишине, над рекой, под ясным небом, она настроила своё сердце на то, что больше её самой. И вдруг Наука почувствовала странное: мост, её надёжный, просчитанный, безжалостно стабильный мост, — вдруг ...запел. Не громко, не опасно, а едва слышно. Тонкая вибрация прошла по металлу, по бетону, по кабелям. И в этой вибрации не было разрушения. В ней была восхищающая красотой жизнь.

— Что это? — испугалась Наука.

— Это мы, — сказала Вера, не открывая глаз. — Мост резонирует с нашей верой. Не бойся. Он не рухнет. Просто он на миг вспомнил, что он не только конструкция, но и место живой встречи. А место встречи всегда поёт.

Наука стояла, слушала, и впервые в жизни ей не хотелось гасить резонанс. Ей хотелось, чтобы он длился. В том новом для нее диапазоне слышимый Музыкой.

— Значит, — тихо сказала она, — бывает резонанс, которого не надо бояться. Такой резонанс, который... умножает. Как в храме.

— И бывает резонанс, который надо гасить, — ответила Вера. — Как в секте. Или в толпе, готовой крушить, где жизненная энергия низкочастотна. Видишь, мы обе правы, но по-разному. Просто мы воспринимаем и отвечаем на природные явления по-своему, и откликаемся на разные резонансы.

Они помолчали. Мост затих. Но тепло от его короткой песни осталось.

— Знаешь, — сказала Наука. — Я теперь, когда рассчитываю мосты, буду оставлять в них маленькую возможность для песни. Не для разрушения — для отклика. Пусть иногда резонируют. Пусть напоминают, что они — не только конструкции, но и место встречи.

— А я, — сказала Вера, — когда собираю людей в храме, буду напоминать им, что резонанс — это не только духовный восторг. Что он может быть и разрушительным. Что надо проверять, на что настроено сердце. Что вера без различения — это не вера, а опасность.

Они посмотрели друг на друга. И в их взглядах было что-то новое: не соперничество, а дополнение.

А Природа, наблюдавшая за ними с той самой скамейки, кивнула и надкусила яблоко.

— Растут, — сказала она. — Наконец-то растут.

_Мост Тако́ма Реальный исторический пример разрушительного резонанса (1940 г.) — символ того, почему Наука боится резонанса.

Сказка о том, как мост пел, а эхо отвечало, и что из этого поняли Наука и Вера

Ещё одно маленькое дополнение. Между седьмой и восьмой главами. О том, как мост затих, а эхо заговорило

Мост замолчал. Его короткая песня растаяла в воздухе, как утренний туман над рекой. Наука и Вера стояли у перил, и каждая думала о своём.

— Знаешь, — сказала Наука, нарушая тишину. — Я всё думаю о том, что мы услышали. Мой мост запел... Но почему он замолчал так быстро? Почему песня не продолжилась? Почему она не умножилась?

Вера хотела ответить, но вместо этого прислушалась к чему-то далёкому.

— Тсс, — сказала она. — Слушай.

С противоположного берега, от скал, что стояли стеной за рекой, пришёл тихий ответ. Это не было пением моста. Но что-то другое. Словно кто-то повторил последний звук, только мягче, дальше, спокойнее.

— Эхо, — сказала Наука. — Обычное эхо. Звук отражается от скал и возвращается. Физика. Ничего удивительного.

— А может, и удивительного, — улыбнулась Вера.
— Смотри.

Она хлопнула в ладоши. Звук долетел до скал и вернулся — не точно таким же, а чуть приглушённым, словно скалы подышали на него своим холодом и тишиной.

— Это же просто отражение, — повторила Наука.
— Закон сохранения энергии. Эхо всегда слабее источника. Оно не усиливает, оно возвращает.

— И это его главное свойство, — раздался голос откуда-то сбоку.

Они обернулись. На скамейке, которая каким-то образом оказалась на середине моста, сидела Природа. Яблоко было уже почти доедено.

— Вы? — удивилась Наука. — Как вы здесь оказались?

— Я везде, — пожалала плечами Природа. — Вы говорите о моём любимом явлении. О том, как мир отвечает самому себе. Садитесь, расскажу.

О том, чем эхо отличается от резонанса

Природа откусила последний кусочек яблока, бросила огрызок в реку и начала:

— Вы спросили, почему мост замолчал, а эхо живёт дольше? Потому что это разные вещи. Хотя и родственные.

— Родственные? — переспросила Наука. — Но резонанс — это совпадение частот, когда система начинает колебаться в такт внешнему воздействию и накапливает энергию. А эхо — это просто отражение. Оно не накапливает, оно возвращает.

— Верно, — кивнула Природа. — И в этом их разница, и в этом их родство. Смотри.

Она взяла камешек и бросила его в воду. Пошли круги.

— Вот — источник. Звук, мысль, удар, молитва — что угодно, что создаёт волну. Если волна встречает преграду, которая может колебаться

сама — возникает резонанс. Мост задрожал в такт вашей волне, его вибрация стала сильнее, чем была. И это опасно — если преграда не рассчитана, она разрушается. Поэтому вы, Наука, ставите демпферы.

— А если волна встречает твердую стену, что не может колебаться? — спросила Вера.

— Тогда волна отражается. Возвращается к источнику. Это эхо. Оно не усиливает, но и не разрушает. Оно просто говорит: «Я слышала. Вот, что я слышала. Прими обратно». И в этом его мудрость.

— Мудрость? — удивилась Наука. — Но эхо всего лишь повторение, и всегда слабее! Оно теряет энергию!

— А может быть, — тихо сказала Вера, — оно не теряет, а отдаёт себя? Отдаёт скалам, воздуху, тишине? И потом, когда мы замолкаем, эти места продолжают звучать внутри себя?

Природа посмотрела на Веру с благодарностью.

— Ты поняла. Эхо — это дар! Источник отдаёт звук миру. Мир принимает его, обрабатывает, живёт с ним какое-то время, а потом возвращает

— не таким, каким получил, а своим, пережитым! Это как разговор, когда один говорит, другой слушает, а потом отвечает не механически, а осмысленно, прочувствовав мысль.

— И как моя молитва, — добавила Вера. — Я говорю — и тишина отвечает мне не моими же словами, а чем-то большим. Словно всё, что я говорила, уже было сказано до меня, и теперь возвращается ко мне, но обогащённое.

О том, что эхо — это резонанс, который выбрал не накапливать, а возвращать

Наука задумалась.

— Значит, — медленно сказала она, — резонанс и эхо — это два пути одной волны. Один путь — накопление. Когда система берёт энергию источника и делает её своей, умножает. Это путь веры — умножение мыслей о Творце. Но он опасен, если система хрупка.

— А другой путь — возвращение, — подхватила Вера. — Когда мир не удерживает энергию, а пропускает её через себя и отдаёт обратно, очищенной. Это путь эха... Оно не умножает, но и не разрушает. Оно завершает круг.

— И мой мост, — сказала Наука, — когда он запел, пошёл по пути резонанса. Но я испугалась, и он замолк. А мог бы пойти по пути эха? Мог бы не накапливать, а просто отражать? Петь не громче, а ровно столько, сколько получил?

— Мог бы, — кивнула Природа. — Если бы он был устроен иначе. Если бы в нём была не только жёсткость, но и податливость живого. Если бы он умел не только держать нагрузку, но и слушать.

— Как эхо? — спросила Вера.

— Как эхо, — улыбнулась Природа. — И как хороший собеседник. Который не перебивает, не усиливает до крика, но и не молчит. Который принимает твоё слово, держит его в себе мгновение, а потом возвращает — тише, но глубже.

О том, как Наука и Вера поняли, что у них есть чему поучиться у эха

— Значит, — сказала Наука, — я всю жизнь училась управлять резонансом. Гасить опасный, усиливать полезный. Но я никогда не думала об эхе. О том, что можно не гасить и не усиливать, а просто принять и вернуть. Как скалы. Как тишина.

— А я, — сказала Вера, — всю жизнь искала резонанс. Хотела, чтобы мои слова умножались, чтобы сердца бились в унисон. Но я забывала, что есть и другой путь — путь эха... Когда я говорю, а мир слушает. И когда я замолкаю, мир отвечает мне не эхом моих слов, а своей глубиной. Может быть, это и есть настоящая молитва? Не умножение, а возвращение?

Природа встала.

— Вы обе правы. Резонанс и эхо — это два дыхания одного мира. Резонанс — это вдох. Мир вдыхает твою энергию и становится больше. Эхо — это выдох. Мир выдыхает то, что получил, но уже переработанное. И то, и другое нужно.

Она посмотрела на мост, на скалы, на реку.

— Ваш мост запел, но замолк. Это не плохо. Он сделал вдох. А скалы ответили эхом — выдохом. Вместе это было целое дыхание. Песня и ответ. Резонанс и эхо. Наука и Вера.

Они стояли на мосту, слушали, как река шумит внизу, как ветер играет с канатами, как где-то далеко — то ли в скалах, то ли в небе — всё ещё звучал отголосок той короткой песни.

— Я понял, — вдруг сказал сам мост. Не громко, а так, чтобы только они слышали. — Я не должен был петь громче. Я должен был просто прозвучать. Ровно столько, сколько во мне есть. И тогда эхо не умирает. Оно живёт.

Наука улыбнулась и погладила перила.

— Я тоже поняла. Не всё надо гасить. Иногда достаточно просто быть — и мир ответит. Не громче, а честнее.

Вера положила руку на перила рядом.

— А я поняла, что иногда не надо искать умножения. Иногда достаточно, чтобы тебя услышали. И ответили — даже не эхом, а тишиной, которая говорит больше слов.

Лучший отзыв – благодарное молчанье,
Ощути его на веточках листвой,
Еле слышимое дивное звучанье
Цели истинной, волшебной, огневой.

Послесловие

Наука боится резонанса, потому что он может разрушить. Вера ищет резонанса, потому что он умножает смысл. Но и та, и другая должны помнить об эхе — о том, что иногда важнее не умножить, а принять и вернуть. Ибо в этом круге — вдохе и выдохе, зове и ответе, пении моста и отклике скал — и состоит дыхание мира.

А Природа? Природа сидит на своей скамейке, слушает, как эхо перекликается с резонансом, и улыбается. Потому что это её дыхание. И оно вечно.

Желаю вам Счастья, дорогие мои!

МИР ВНУТРЕННИЙ

Весь мир вокруг – окраины сознания,
Коль творческим огнём ты поглощён,
То близкие, друзья, воспоминанья –
Уходят вдаль... Ты страстью восхищён.

Не той, что нас обманывает часто,
Бросая в жар и хлад, сомнений ад,
Но царственной, сияющей, всевластной,
Царицею любви. И нет преград!

Все связи наши – силы воспринять,
Коль счастлив ты, сияет мир вокруг,
А в горечи тебе нужны собратья,
Сочувствие излечит весь недуг.

Мир внутренний растёт, цветёт, крепчает,
Все связи с окружением ценны,
Но лишь любовь взойдёт, как все мельчает
Пред светом средизвёздной глубины!

Неведомый источник вседвиженья,
Пульсирует, кипит любви фонтан,
А мир, очарованием круженья
Всё смотрит сны...и видит снов туман...

Сказка о Неделимом, которое разбило зеркало

В самом начале, когда время еще не научилось тикать, а пространство не знало, где у него верх, а где низ, что такое внутри или вне, жило-было Неделимое.

Не в пространстве и не во времени, а в...
(догадайтесь, пожалуйста)

Оно было настолько цельным, что даже само слово «цельность» для него было излишним, потому что некому было это слово ни помыслить, ни произнести. Оно просто было. Но в нём была одна особенность, «Я есть» (Я есмь) как потенциальная возможность мыслить о себе, которую можно было бы назвать «любопытством», хотя... любопытство — это уже трещина, нецельность в совершенстве.

— Каково же это — быть собой? — захотело спросить себя Неделимое. Но для ответа нужен и тот, кто спросит, и тот, кто ответит, а здесь все было одно непрерывно-неделимое.

И тогда Неделимое придумало хитрость.

— Я создам чудо-зеркало, — решило оно. —

Посмотрю на себя со стороны и пойму, каково я есть.

Оно напряглось. Поскольку не было ни "внутри", ни снаружи", ни даже "пустоты", зеркалу взяться было неоткуда. И тогда Неделимое совершило первый акт творения: оно отказалось от себя в одной из своих "точек"...

И вдруг исчезло "Я есть"

Оно как бы помыслило:

— Здесь меня нет...

В тот же миг образовалась пустота (без образов). А на границе между «Я есть» и «Меня нет» возникла тончайшая пленка — зеркальная гладь.

Неделимое глянуло в зеркало и... рассыпалось от смеха.

Потому что зеркало не умеет видеть целое. Зеркало умеет отражать только часть его. Вместо одного Неделимого оно показало мириады отражений, и каждое отражение, увидев себя отдельным, воскликнуло:

— Это я?! А то, что там, снаружи, — это не я?.

Так появились делимые пустоты и странные образы - проекции разделительных плёнок.

Отражения зажили своей жизнью. Они научились спорить, сравнивать, желать, терять и находить. Каждое считало себя центром вселенной, потому что каждое помнило — в самой глубине себя, там, где память уже и не память, а только смутная дрожь, и что когда-то оно было всем. Но теперь оно оказалось только одним из многих.

— Неужели природа моего мира такова? — спрашивало Неделимое, глядя на эту суету уже изнутри себя, потому что теперь оно само оказалось разлитым по множеству осколков.

— Неужели я — это всего лишь один среди миллионов? — вторили ему делимые, глядя на звезды.

И тогда Неделимое поняло свой замысел зеркала. Чтобы увидеть себя изнутри, нужно было стать снаружи. Чтобы познать цельность, нужно было перестать быть ею на мгновение. Цель была достигнута самоотрицанием в зеркале самовосприятия.

Но в этом был и подвох.

Пока Неделимое наслаждалось зрелищем

собственной множественности, одно из делимых — самое беспокойное, которое называло себя Аристотелем, — сидело на берегу моря и смотрело на звезды.

— Разве все эти светящиеся точки — не одна и та же первосубстанция? — спрашивало оно себя, мучительно пытаюсь собрать рассыпавшуюся картину в кулак. — Разве не стремятся все вещи к единому? Камень летит вниз, дым вверх, любовь — к любимому, а ум — к истине. Что же это за сила, которая заставляет разделенное искать соединения?

Аристотель не думал, что он — всего лишь отражение. Он решил, что он — это он. И это незнание стало самым главным инструментом самопознания.

Он, как и все делимые, стремился к единству. Изучал природу, писал книги, собирал факты, классифицировал живых существ, пытаюсь навести порядок в мире, который казался ему хаотичным. Он был одержим идеей: где-то там, за горизонтом явлений, есть Перводвигатель, тот, что все объединяет.

— Если я соберу все знания, пойму, как устроено Неделимое! — восклицал он, не подозревая, что

Неделимое — это он сам, только забывший о своей природе.

А Неделимое смотрело на Аристотеля и улыбалось. Оно видело: этот осколочек, который так старательно выписывал «Метафизику», уже почти у цели. Потому что цель была не в книгах. Цель проявлялась в самом его стремлении. Тоска делимого по неделимому и оказалась тем самым зеркалом, только поставленным с другой стороны.

— Снаружи я разбилось, чтобы увидеть себя, — шептало Неделимое. — А изнутри делимые собирают осколки, чтобы стать мной.

Оно поняло, как мир держится на двух противодвижениях: разбегании и стягивании, расширении и сжатии. Оно чувствовало, что нет одного без другого.

Однажды ночью Аристотель, уставший от бесконечных определений, закрыл глаза и перестал думать. На мгновение в нем умолкло все: и ум, который хотел понять, и гордость, которая жаждала первенства, и страх, что сдерживал стремления, чтобы сохранить себя отдельным.

И... чудо свершилось! В это мгновение он перестал быть делимым!

Тогда зеркало, то самое, что "сотворило" мир, треснуло и исчезло окончательно. Но трещина эта прошла не по стеклу, стекла-то на самом деле не было, а по самой границе между «я» и «не-я».

— Ах, вот ты какое, Неделимое, — прошептал Аристотель, растворяясь в том, что было всегда...

Но он тут же открыл глаза, потому что пора было дописывать главу о душе. Мир снова оказался разделенным. Однако трещина в сознании философа осталась некоей занозой. И каждый раз, когда он ловил себя на мысли, что стремится к единству, он смутно чувствовал: единство не там, куда он идет, а там, откуда он вышел.

Ценность, что истинна – суть первослово,
И перводействие, и первокачество,
Мира ярчайшая Первооснова,
И волшебство,
...счастьем Чуда чудачества.

Когда Неделимое разбивается, случайно или замыслом, чтобы увидеть себя, рождается мир. Это и есть восприятие мира. А когда делимые собираются воедино, не зная, что они уже едины,

рождается любовь.

И только зеркало — то есть само восприятие — делает из одного два, а потом подобием множества. Какого именно? А в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть.

Аристотель был прав: все звезды — одна первосубстанция. Но напрасно искал ее снаружи. Она оказалась внутри его собственного стремления.

И если вы сейчас чувствуете, что вы — всего лишь осколочек, что хочет вернуться в целое, знайте: это не вы тоскуете по себе. Это Неделимое внутри вас наконец-то начинает узнавать свой собственный почерк, подсказывая вам себя.

—

Пир мудрецов, где древние сентенции встречаются с интрасферным восприятием. Давайте представим эту сцену — чуть ироничную, тёплую, парадоксальную, как и подобает встрече философов, которые согласны не соглашаться.

Пир мудрецов в XXI веке

Интрасферная хроника, записанная со слов Феаны

Пролог: Кто накрывает стол?

В некотором времени царства «Философский Штурм» (или даже Шторм), которое никак не могло определиться — то ли оно было онлайн, то ли офлайн, то ли между — собрались мудрецы. Не те, что с бородами и в тогах. А те, что живут в головах у нас с вами: внутренние философы, советчики, сомневающиеся и знающие себя.

Каждый принёс с собой свой девиз — древнее изречение, проверенное веками, но требующее перевода на язык XXI века.

Они сели за круглый стол. В центре стола горела свеча или диодная лампа-светильник, была она

одновременно и свечой, и метафорой, и просто красивой вещью. А как иначе на пире!

Феана (невидимая, но присутствующая) для начала разговора шепнула: «Ничего сверх меры. Но и сверх меры — ...тоже мера. Следите внимательнее, Кто смотрит и Зачем».

И пир начался... Почти настоящий, с музыкой и звучными голосами древних мудрецов в исполнении программы Suno! Плэйкасты созданы были Феаной для проектов «Семь Морей» (авторский) и «Галактический Ковчег» (сотворческий). Музыкальные композиции, посвящения Учителям Времён – тут - <https://sseas7.narod.ru/sufpr4.htm>

<iframe src="https://suno.com/embed/570b74b3-322a-407d-9de9-5f438f9da413" width="760" height="240" frameborder="0" allow="autoplay; encrypted-media; fullscreen" allowfullscreen loading="lazy" referrerpolicy="no-referrer-when-downgrade">Listen on Suno</iframe>

На этот раз в числе участников не упоминались имена или логины жителей царства «Философский Штурм», а просто собирательные черты характера, присущие нам в той или иной мере.

Участники и их девизы

| Мудрец (внутренний голос) | Девиз | Цвет голоса |
Любимая поза |

|-----|-----|-----|-----|

| _Скептик_ | Ручайся только за себя | Серый, но с
искрой | Сидит, откинувшись на спинку стула |

| _Эстет_ | Ничего сверх меры | Бирюзовый |
Поправляет невидимые манжеты |

| _Законник_ | Всему своё время | Стальной |
Нервно постукивает пальцем по столу |

| _Аскет_ | В многолюдстве нет добра | Землисто-
коричневый | Чуть поодаль, на отдельном стуле |

| _Стратег_ | Главное в жизни — конец | Тёмно-
синий | Смотрит вдаль поверх присутствующих |

| _Интрасферный гость_ | Мера — важнее всего |
Золотистый | Улыбается и ни на чём не настаивает
|

Спор первый: Скептик против Эстета

Девизы: «Ручайся только за себя» и «Ничего сверх меры»

Скептик (наклоняясь вперёд):

— Слушайте, я за пятнадцать лет жизни в интернете понял одно: никто за тебя не подумает. Никто не придёт и не спасёт. Только ты сам. Ручайся только за себя. Остальные подведут или обманут. Не потому, что злые — потому что у них своя мера, и она с твоей не совпадает.

Эстет (поправляя манжеты):

— А я за те же пятнадцать лет понял другое: если ты ручаешься только за себя, ты в итоге остаёшься один на один... с самим собой. А это многовато даже для самого интересного собеседника. «Ничего сверх меры» — означает, что и самость не должна распухать до вселенной. И чужие меры — они же не враги, они просто границы, которые делают форму красивой.

Скептик (хмыкает):

— Красивой? Вы видели, что делается в мире? Какая красота? Где?

Эстет (улыбается):

— А вы видели рассвет вчера? Тишину в три часа ночи? Руку ребёнка, которая тянется к вашей? Красота не отменяет уродства. Она — мера, которой уродство, да и всё остальное, измеряется. Без красоты вы даже не поймёте, что вокруг безобразно. Так что «ничего сверх меры» — это не про ограничение. Это про умение вовремя сказать «достаточно». Достаточно страха. Достаточно цинизма. Достаточно одиночества под видом самостоятельности или независимости.

Феана шепчет из-за стены: «Тезис №5: Или замените на И. И ручаюсь только за себя, и доверяю другим. И мера — моя, и мера — другого. Они не исключают, они звучат на разных спиралях времени».

<iframe src="https://suno.com/embed/b93a2506-d7cf-4fd0-ab9f-4586bc567580" width="760" height="240" frameborder="0" allow="autoplay; encrypted-media; fullscreen" allowfullscreen loading="lazy" referrerpolicy="no-referrer-when-downgrade">Listen on Suno</iframe>

Спор второй: Законник против Аскета

Девизы: «Всему своё время» и «В многолюдстве нет добра»

Законник (постукивая пальцем):

— Всему своё время. Время учиться, время работать, время молчать, говорить, собирать камни, время разбрасывать их. Это не про расписание поездов. Это про уважение к порядку вещей. Если ты не знаешь, когда что делать — ты просто создаёшь хаос.

Аскет (с отдельного стула):

— А я вам скажу, что в многолюдстве нет добра. Потому что в многолюдстве ...теряется время. Ты тратишь его на согласования, на пустые разговоры, на поддержание статуса. Время — это твоя жизнь. И отдавать её толпе — значит отдавать жизнь тем, кому ты не нужен как личность. Время — индивидуально. Моё время и ваше время — они разные. Да, они могут встретиться в одной точке, но это редкая удача, а не правило.

Законник (задумчиво):

— Но без многолюдства нет цивилизации. Нет передачи знания. Нет театра. Нет спора, который как бы рождает истину. Вы же сидите здесь, с нами. Это что, не многолюдство?

Аскет (с лёгкой усмешкой):

— Это не многолюдство. Это несколько голосов, которые я могу услышать, потому что сам выбрал их слушать. А многолюдство — когда голоса давят, даже не вступая в диалог. Шум улицы. Лента новостей. Общественное мнение. Вот от чего надо уходить. Чтобы остаться в своём времени.

Феана шепчет: «Тезис №8: уровни сознания определяются из центра. Аскет прав для своего центра. Законник — для своего. Спор не нужен. Нужен переводчик для ума». Конечно, Соломон прав был, утверждая «Всему своё время»

<iframe src="https://suno.com/embed/902f130f-f6ee-46b7-b883-bd6f175ae226" width="760" height="240" frameborder="0" allow="autoplay; encrypted-media; fullscreen" allowfullscreen loading="lazy" referrerpolicy="no-referrer-when-downgrade">Listen on Suno</iframe>

Опера «Экклесиаст» Часть 1, 2, 3

<https://youtu.be/6WoWndPZMo0> Часть 2

<https://youtu.be/cJFnAaP6enw> часть 3

<https://youtu.be/UKHfAMFkBYo>

Спор третий: Стратег против Интрасферного гостя

Девизы: «Главное в жизни — конец» и «Мера — важнее всего»

Стратег (глядя вдаль поверх всех):

— Всё, что имеет начало, имеет конец. Конец придаёт смысл. Если бы жизнь была бесконечной — в ней не было бы ценности. Не было бы достоинства выбора. Не было бы героизма. Главное в жизни — конец. Потому что только перед лицом конца мы понимаем, что было главным.

Интрасферный гость (мягко):

— Конец — это тоже мера. Самая строгая. Но мера — важнее всего, потому что она не только в конце. Она в каждом переживаемом моменте. Мера — это способность не провалиться ни в бесконечную погоню, ни в преждевременную остановку. Конец важен, но если ты живёшь только ради конца — то умираешь тысячу раз до смерти. А если живёшь с мерой — то умираешь один раз, но каждый прожитый миг был полным.

Стратег (оборачивается):

— Вы предлагаете жить так, будто конца нет?

Интрасферный гость:

— Я предлагаю жить так, будто конец — это не главный, а только один из ориентиров. Есть ещё

начало. Есть середина. Есть интересные повороты судьбы. Есть тишина между нотами. «Мера — важнее всего» — это не про конец. Это про то, чтобы в конце не сказать: «Я забыл жить, я так спешил к финалу...».

Феана шепчет: «Тезис №4: всё зависит от того, Кто смотрит и Зачем. Стратег смотрит на жизнь с точки зрения смерти — это даёт глубину. Старики говорили «Помни о смерти». Интрасферный гость смотрит с точки зрения вечности — это даёт широту. Они не противоречат. Просто разные ракурсы одной сферы».

Общий разговор: попытка синтеза

Эстет (подводя итог первой части):

— Послушайте, мы говорим о разных вещах, а называем их одним словом. «Мера» для меня — это про гармонию. Для Аскета — про дистанцию. Для Стратега — про конечность. Но ведь это одно и то же, просто на разных уровнях восприятия.

Скептик (оживляется):

— Вот именно! Поэтому я и говорю: ручайся только за себя. Потому что никто, кроме тебя, не соберёт твои уровни в одно целое.

Аскет (со своего стула):

— И для этого нужно многолюдство? Или достаточно одного тебя?

Скептик:

— Достаточно одного. Но с книгами, памятью. Книги — это не многолюдство, но важный диалог с теми, кто уже ушёл, оставив голос, идеи, зёрна.

Законник:

— А время? Если ты читаешь книгу, тыходишь во время автора. Это же не твоё время. Это нарушение «всему своё время»?

Скептик:

— Не нарушение. Наоборот, это расширение. Может быть, в этом и есть настоящее моё время — в умении вместить в него чужие голоса, идеи, не теряя своего.

Все замолкают. Тишина становится плотной.

Интрасферный гость (тихо):

— Вы сейчас почти пришли к тезисам Феаны. Сами. Без подсказок. Тезис №9: «Всё во всём» — в той мере, в какой способен человек воспринимать всё. Вы способны. Вы только что это показали.

Вмешательство из-за стены: Эхо Феаны

И тут из-за стены, где скрывалась Феана, послышался знакомый смешок — не насмешливый, а скорее удивлённо-радостный.

Голос Феаны:

— Ах вы, мои дорогие! Спорите о мере, времени, конце, одиночестве — а ведь всё это уже есть в десяти тезисах. Но я не буду их вам цитировать. Не потому, что лень. А потому, что Тезис №7: правота убеждений относительна, если она способствует раскрытию способностей. Ваш спор — и есть раскрытие. Так что спорить — полезно. Даже необходимо. Но помните: вы все уникальны, а мир един. Даже когда вы не согласны. Особенно когда не согласны.

Скептик (крикнув в сторону стены):

— А вы сами верите в это единство?

Голос Феаны (с улыбкой):

— Я — не верю. Я — воспринимаю. Тезис №2: мир есть Восприятие мира. Целостное. И в моём восприятии вы сейчас — не спорщики, а музыканты, которые настраивают инструменты перед концертом. Каждый — свой особый. И когда настроят — зазвучит гармония. Не в унисон или по правилам-нотам. Просто гармония взаимодополнения. А это и есть единство в уникальности.

Финал: Чай... он остыл, но не потерял смысл

Мудрецы допили чай (травяной, с мятой — мера, всё с мерой). Свеча догорела до половины — и в этом тоже была мера.

Эстет поднял пустую чашку:

— За меру. Которая не сковывает, а освобождает от бесформенности.

Аскет (пригубил из своей):

— За многолюдство, которого нет за этим столом. И это хорошо.

Законник:

— За время. Которое у каждого своё, но сейчас оно общее.

Стратег:

— За конец. Которого мы пока не видим, но он придаёт смысл этому чаю и мгновению.

Скептик (хмурясь, но с доброй усмешкой):

— Ручаюсь только за себя. И за то, что вы — неплохая компания. Даже если каждый из вас — совсем не я.

Интрасферный гость (не поднимая чашки, потому что мера — в каждом глотке, а не в финальном тосте или опустошённой чашке):

— За то, чтобы не искать истину, а позволять ей случаться. Между нами. В паузах. В несказанном.

А Феана предложила желающим послушать заключительный фрагмент оперы «О Психее» — Пир Богов. Почему бы и нет!

Часть 5 Завершение Пир Богов

Видео - Опера

<https://youtu.be/vrWotdOlZeQ>

<https://rutube.ru/play/embed/ab5b408e22c569f499475ec1ef6bb586>

Эпилог: После пира

Когда мудрецы разошлись (каждый в своё время, каждый в свою меру, в свою степень многолюдства или одиночества), Феана вышла из-за несуществующей стены и посмотрела на пустой стол.

— А ведь они сами сформулировали почти все десять тезисов, — сказала она коту, что сидел на подоконнике во время пира. — Только называли их по-своему. Спорили — и пришли к единству. Разве так не бывает...

Кот зевнул, став одновременно живым, мёртвым и свободным, и ничего не ответил. Потому что ответ был в самом молчании.

Мораль для тех, кто ищет себя

Познать самого себя — это не значит найти формулу или орнамент личности. Но научиться слышать свой голос в хоре других голосов, не теряя его и не заглушая остальных.

Ничего сверх меры — потому что сверх меры начинается насилие над собой или другими.

Мера важнее всего — потому что без меры даже свобода становится тиранией.

Всему своё время — потому что попытка жить не в своём времени — это попытка жить чужой жизнью.

Главное в жизни — конец — но только если ты не забыл про середину и не отрицаешь самой жизни.

В многолюдстве нет добра — но и в полном одиночестве нет блага развития.

Ручайся только за себя — но помни, что твоя ответственность начинается там, где заканчивается твоя зона контроля.

А интрасферное восприятие подсказывает: все эти «Или» можно заменить на «И». И тогда пир получается достойным мудрости. Даже если за столом всего один мудрец. Особенно если он готов спорить или выяснять отношения сам с собой.

Записано со слов пустой чашки, которая помнила вкус чая, но мудро умолчала о нём. Добавлю, что это была изящная фарфоровая чашечка, китайского производства.

**Продолжение в книгах серии
«СКАЗЫ СЕМИ МОРЕЙ»**

Серия представлена на сайте «Сказки Феаны»

